Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым
Гуманитарно-педагогическая академия
ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Кафедра философии и социальных наук

75-летию Гуманитарно-педагогической академии посвящается

ЧЕЛОВЕК — КУЛЬТУРА — СОЦИУМ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник научных статей

по материалам

Всероссийской научной конференции с международным участием

VI ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

«В ПОИСКАХ ВНЕ-МОДЕРНИЗМА
(к 90-летию со дня рождения Юргена Хабермаса)»

21-22 ноября 2019 года

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

УДК 1:316
ББК 87.6
Ч 39

Рекомендовано к печати решением Ученого совета Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» в г. Ялта Протокол № 11 от 25.12. 2019 г.

Рецензенты:

Элькан О.Б., кандидат культурологии, доцент, проректор по учебной работе ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»;

Миронов А.В., доктор философских наук, профессор кафедры Политологии и международных отношений Института общественных наук и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский Государственный университет».

Редакционная коллегия:

к.ф.н., доц. Разбеглова Т.П. (ответственный редактор), д.ф.н. проф. Мирошников О.А., к.ф.н. Атик А.А., Лысенко А.А. (технический редактор).

Ч 39 **Человек – Культура – Социум в начале XXI века** : сборник научных статей по материалом Всероссийской научной конференции VI Ялтинские философские чтения «В поисках ВНЕ-модернизма (к 90-летию со дня рождения Юргена Хабермаса)» 21–22 ноября 2019 г. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 222 с.
ISBN 978-5-907198-95-1

УДК 1:316
ББК 87.6

© «КФУ имени В. И. Вернадского», 2020
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2020

ISBN 978-5-907198-95-1

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е.Н.
Творческие поиски «новой графики» в работах крымских художников конца XX начала XXI века 6
Атик А.А.
Проблема толерантности в контексте теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса 10
Баранецкий А.Н., Шахин Ю.В.
Интерпретация понятия о качестве социальной коммуникации в контексте понятия о прогрессе общества 14
Берест А.В.
Экстремизм и терроризм как феномены современного мира 21
Буга М.
Детекция машинного филиума 25
Гордеевских Т.А.
Эстетизация политического: роль юмора в современной публичной сфере 32
Еникеев А. А.
Современность философии как дискурс «незавершенного модерна» в концепции Ю. Хабермаса 39
Еремина Н.В.
специфика теоретического знания в исторической науке 45
Ерзаулова А.Г.
Глобализация как путь к постмодернистической деконструкции 54
Жукова О.И., Жуков В.Д.
Проблемы морали в контексте понимания социума современным человеком 57
Каримов А.Р.
Проблемы интеллектуальной коммуникации в философии 61
Кондрашихина О.А.
Когнитивное оценивание неопределенных ситуаций будущими психологами 68
Кемалова Л.И.
Педагогические условия формирования этнической толерантности у студентов вузов 75
Кондакова Ю.В., Волкова А.Н.
Социокультурные модели восприятия образа деловой женщины: отражение в дизайне одежды 80

Коновалова И.В.
Философские подходы к изучению бюрократии 85
Кундрюкова М. С.
Самоидентификация и поведенческие практики россиян в условиях дефицита доверия и перемен 92
Литвинова О. С.
Потеря смысла жизни как условие формирования экстремистской личности..... 98
Лобова В.В.
Из истории образования академии наук..... 102
Люсый А.П.
Конфликт и интимность: о коммуникативных образах мыслительной деятельности как таковой 107
Максимова О.Л., Максимова Н.Л.
Культурный «паркур»: артефакты на перекрестке ценностных миров 118
Масаев М.В.
Мифы и мифотворчество: диалектика взаимоотношений сквозь призму социально-философского и культурологического анализа 122
Мезенцева Т.А.
Взгляды Ю. Хабермаса на социальную реальность..... 126
Мешков И.М.
Аксиологическое содержание «перфомативной установки третьего лица» в коммуникативной концепции Ю. Хабермаса..... 133
Мирошников О. А.
Интерпретация понятия «нигилизм» у Ф. Ницше и М. Хайдеггера..... 138
Мишкевич Т. В.
Осмысление идей Арнольда Тойнби о смысле и постижении истории ... 143
Моренко Е. А.
Проблема взаимодействия человека и природы с позиции социальной философии 147
Наумов Е.А.
Интеллектуальная экономика, основа интеграции, инновационного сотрудничества и устойчивого развития экономики государств ЕАЭС.... 151
Новиченкова Н.Г.
Символические изображения на фигурном сосуде из святилища у перевала Гурзуфское Седло..... 160

Останина О.А.
Ю. Хабермас и философия образования 164
Разбеглова Т.П.
Трансформация субъективности как «телос» образования..... 172
Сабирзянова И.В.
Ю. Хабермас: мировоззренческий плюрализм и вопросы
толерантности (аксиологический аспект) 180
Свешникова И.П.
Социум современности – православный взгляд 187
Слободянюк А.Г.
Идеализм теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса
и практика идеалистической публичной политики 190
Смирнов О.А.
Личность экстремиста в современном социокультурном
пространстве 197
Тайсина Э.А.
Знаково-символические системы: формы бытия – или познания?..... 201
Чудина-Шмидт Н.В.
Экстремальность совремпенного мира как свидетельство
его преобразования 208
Шевченко О.К.
Топохрон власти и новый рациональный мировой порядок:
прикладная рациональность будущего в текстах Ф. Фукуямы
и Ю. Хабермаса 212

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 218

УДК 75/76-051(292.471) ***Алексеева Е.Н.***

ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ «НОВОЙ ГРАФИКИ» В РАБОТАХ КРЫМСКИХ ХУДОЖНИКОВ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКА.

Аннотация. *В статье рассматривается процесс формирования крымской школы «новой графики» и события, способствовавшие развитию этого процесса. Исследуются новые тенденции и направления в искусстве полуострова, творческие проекты и объединения, в которых принимают активное участие художники-графики. Автор анализирует особенности графического стиля В. Нефедова, В. Бабанина, А. Воцмуша в контексте развития современного искусства графики. Выявлены основные стилистические особенности работ этих художников, обозначена значимость «новой графики» для развития художественной школы полуострова.*

Ключевые слова. *Художественная школа, стиль, графика, творческие объединения, концепция.*

Annotation. *The article considers the process of formation of the Crimean school of "new graphics" and the events that contributed to the development of this process. New trends and trends in the art of the Peninsula, creative projects and associations in which graphic artists take an active part are investigated. The author analyzes the features of the graphic style of V. Nefedov, V. Babanin, A. Votsmush in the context of the development of modern graphic art. The main stylistic features of the works of these authors are revealed, the importance of "new" graphics for the development of the art school of the Peninsula is indicated.*

Keyword. *Art school, style, graphics, creative associations, concept.*

Искусство Крыма формировалось на протяжении нескольких столетий, и прошло долгий путь развития от ремесленного производства и кустарных мастерских к высокому уровню исполнения предметов декоративно-прикладного искусства, живописных и графических работ. Культурное наследие полуострова богато именами художников, работавших в XIX веке в Ялте, Феодосии, Керчи, Севастополе, Симферополе. Многие из них приезжали в Крым в качестве путешественников, другие – на пленэр, за вдохновением, которое они черпали, созерцая природу Крыма. Это во многом повлияло на формирование крымской художественной школы.

Отдельного внимания заслуживает развитие искусства графики в Крыму. В XIX веке работали известные граверы (К. Боссоли, А. Гросс и др.), которые заложили академическую основу для развития этого направления, однако большинство мастеров уделяло большое значение

развитию пейзажной и маринистической живописи, реже тематической станковой композиции и натюрморту.

Крым с его многообразием и буйством природных ландшафтов, чередованием гор, моря, степей, архитектурных памятников завораживал художников и вдохновлял на создание живописных полотен. Графика долгое время оставалась в стороне и была скорее, как вспомогательный вид искусства, позволяющий с фотографической точностью запечатлеть пейзажи полуострова, памятники истории и древние города.

На рубеже XIX-XX веков К. Богаевский, М. Казас, М. Волошин, благодаря активной творческой деятельности вывели искусство графики на новый уровень. Наряду с живописными полотнами они уделяли большое внимание рисунку, иллюстрации, пейзажным наброскам. На протяжении XX века художники полуострова и выпускники столичных ВУЗов, приехавшие в Крым, стали уделять большое внимание развитию станковой графики, выполненной в различных техниках печати.

В последние десятилетия XX века произошли важные события, повлиявшие на развитие художественной жизни Крыма. Они нашли отражение не только в живописи, но и в графике. Многие художники отошли от импрессионистической практики и академизма и стали реализовывать новые творческие проекты, позволившие развивать современные направления и тенденции в искусстве Крыма.

В этот период ряд крымских художников направляет свою деятельность на организацию выставок, творческих объединений, что позволило обогатить культурную жизнь региона, и развивать искусство графики в контексте современных направлений в мировом искусстве. Основное отличие новых течений заключалось в концептуальности работ, в ярко выраженном позиционировании авторского мировоззрения, формировании графического и живописного языка, впитавшего основные тенденции постмодернистических направлений.

Многие художники-графики нашли вдохновение в природных ландшафтах, но заново интерпретировали в графических композициях привычные мотивы, добавили стилизацию, декоративные приемы и смешанные техники исполнения.

В последние десятилетия XX века организовываются различные творческие союзы и объединения, как альтернатива союзу художников Крыма, требования которого к работам художников-графиков были неприемлемыми и не соответствовали пониманию концепции современного искусства. Важную роль в художественной жизни полуострова сыграли частные галереи, которые представляли выставочное пространство художникам, творческие поиски которых выходили за рамки официального искусства 1990-х годов.

Поиски в области графики, перфоманса, инсталляции в конце XX века позволили молодым авторам более смело себя позиционировать на новом постсоветском арт-пространстве не только Крыма, но и других стран, и нашли продолжение в художественной жизни полуострова первые десятилетия XXI века.

Особое место в арт-пространстве полуострова занимают художники-графики, чья творческая деятельность позволяет говорить о новом поколении ярких представителей искусства полуострова, работы которых экспонируются наряду с европейскими мастерами графики и заслужили признание критиков и зрителей в различных странах. Их авторское видение, творческие поиски развиваются в контексте современного постмодернистического пространства и не ограничиваются определёнными визуальными качествами, присущими для традиционной художественной школы Крыма.

Одним из ведущих художников-графиков в области различных техник печати, монотипии, концептуального искусства полуострова по праву считают Виктора Бабанина. Автор на протяжении нескольких десятилетий формирует новое искусство региона. Значимую роль он вносит и в развитие выставочной деятельности, регулярно организуя экспозиции, привлекая к участию молодых художников, является идейным лидером и креативным руководителем арт-проектов, которые по праву занимают важное место в современном искусстве не только Крыма, но и России. Художественный критик Рудольф Подуфалый писал: «Монотипии В. Бабанина – это ощущение себя владыкой в крошечном королевстве поэтической метафоры, пластического, предметно-пространственного символа, когда композиция тяготеет к иконическому знаку, рисованному слову» [5].

Станковые работы Юрия Лаптева являются ярким примером формирования нового направления в графике региона. Сюжеты его композиций полны оригинальности и непредсказуемости. Художник предаёт обычным предметам новый вид и характер, что по сути меняет значение и саму сущность изображаемого. Лаптев показывает зрителю современный мир потребителей, в котором предметы и вещи становятся более значимы чем люди. Художник на протяжении нескольких лет работал над созданием своего авторского графического стиля. Большая часть произведений выполнена акварелью, но автор уделяет внимание печатным техникам, таким как офорт и монотипия. Графические листы Юрия Лаптева обладают общей стилистикой, графичностью и высокой степенью проработки деталей. В его работах присутствуют элементы стимпанка, магического реализма и фантастики [3]. Работы художника являются авторской интерпретацией истории многовековой и разнообразной

культуры Крыма, в них царит атмосфера разрушенного городского пространства, переплетённая с миром мифов и легенд полуострова.

Виктор Нефедов несомненно является наиболее ярким представителем современного искусства Крыма. Он создает свое арт-пространство на различных носителях: на холстах, деталях интерьера, стрит-арт объектах. Помимо этого, он талантливый график, применяющий свои изображения в книжных иллюстрациях, плакатах, оформлении сайтов. По мнению автора, наиболее значимые работы он выполнил в области стрит-арта и постера. Визитной карточкой Виктора является «тетраэдр» - уникальная форма бун, которые присутствуют на побережье Крыма для сохранения его природного ландшафта. Оживить камни, выделить несколько из общей массы – эта идея пришла художнику спонтанно. Теперь этот элемент присутствует в его работах, выполненных в различных техниках. Виктор создал целый проект «Колайдерленд», который был начат в 2011-м году. Художник создает работы, которые несут определенный посыл зрителю, заставляя по-новому воспринимать привычные объекты.

Еще одним ярким представителем «новой школы графики» является Александр Воцмуш. Он поражает своеобразием авторских приемов, сложным сочетанием колористического решения, сплетением образных сюжетных мотивов. Он виртуозно соединяет урбанистическую архитектуру, несуществующие города и сказочных персонажей. Каждая работа Воцмуша глубоко эмоциональна и экспрессивна, она способна вызвать у зрителя различные эмоции, которые не покидают его долгое время. Авторский стиль художника узнаваем, и напоминает сюрреалистические истории, которые затягивают зрителя сюжетом, заставляя быть его непосредственным участником. Акварельные листы Воцмуша отражают фантазийные сны, события из реальной жизни и персонажей из различных пространств нашей жизни [2]. Сложно определить время, которое запечатлел художник, оно как живая субстанция – перетекает из одного сюжета в следующий, завораживая и заставляя смотреть новую работу, как следующий кадр фильма.

Исходя из вышесказанного, делаем выводы, что специфика развития искусства графики конца XX начала XXI века обусловлена деятельности отдельных авторов и творческих объединений, которые привнесли в региональную, большей частью живописную школу, новые тенденции характерные для современного европейского искусства. Рубеж веков явился по сути переломным этапом в формировании новых тенденций в искусстве Крыма. В большей степени этот процесс проявил себя в графических работах, выставочных проектах, организованных и созданных группой крымских художников. Их мировоззрение и поиски новых

форм графического искусства позволили создать направление, ярко проявившее себя на арт-площадках полуострова и за его пределами.

Список использованных источников:

1. Алексеева Е.Н. Основные тенденции развития искусства Крыма 1990-2000-х. гг. // Синергия наук. 2018. № 22. − С. 1703-1711. − URL: http://synergy-journal.ru/archive/article2138

2. Газунова С. Крымская художественная жизнь. [Электронный ресурс] / С. Глазунова – Режим доступа: http://novofedorovka-crimea.com/cr_kult_jivopis.html

3. Ершова Ю.А. Постапокалиптический сюрреализм в работах Юрия Лаптева// Синергия наук. 2018. № 17. − С. 103-106. − URL: http://synergy-journal.ru/archive/article2138

4. Пацюков В. Юрий Лаптев: в поисках утраченного Времени http://www.artlib.ru/index.php?id=23&sid=1&iid=2705&idp=75

5. Подуфалый Р. Состав души и качество таланта. [Электронный ресурс] / Р. Подуфалый – Режим доступа: http://franco.crimealib.ru/proekty/khudozhnik-v-biblioteke/sostav-dushi-i-kachestvo-talanta.html

6. Черкезова Э. Я. Крымскотатарское изобразительное искусство довоенного периода (1917-1944 гг.) / Э. Я. Черкезова // Шестые крымские искусствоведческие чтения: респ. науч.-практ. конф.: материалы.– Симферополь, 2001.– С. 67-72

УДК 1:316.647.5 ***Атик А.А.***

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация*. В данной статье рассматриваются содержание теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в контексте проблемы толерантности, а также изучаются работы философа, посвященные конкретным практикам достижения взаимопонимания между людьми в поликультурном обществе на основе политической добродетели.*

Ключевые слова*: толерантность, теория коммуникативного действия, поликультурное общество, добродетель, этика.*

Annotation. *This article discusses the content of the theory of communicative action by J. Habermas in the context of the problem of tolerance, and also studies the work of the philosopher on specific practices for achieving*

mutual understanding between people in a multicultural society based on political virtue.

Keywords: *tolerance, theory of communicative action, multicultural society, virtue, ethics.*

Современное общество отличается значительным увеличением интереса к процессам коммуникации, которая стала неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности человека и общества. Сегодня коммуникация стала объектом и предметом исследования многих философских, социальных, экономических и политических течений. Современное информационное общество предполагает поиск путей установления конструктивного диалога на всех уровнях (социальных, политических), как необходимое условие поддержания стабильности и устойчивого развития.

В трудах Юргена Хабермаса, немецкого философа и социолога, исследуется вопрос о влиянии средств массовой коммуникации на формирования общественного мнения и манипуляция сознанием людей для достижения определенных целей. Сегодня, по мнению мыслителя, средства массовой информации выполняют функции агента социализации, не ставя перед собой задачу этико-нравственного воспитания или культивирования общественных ценностей и идеалов. Они тиражируют зачастую далекую от истины информацию. Ж. Бодрийяр отмечает, что «информации становится все больше, а смысла в ней все меньше» [1, с. 95].

В рамках своей неоднородной философии Ю. Хабермас ставит перед собой задачу построения новой критической теории общества, в которой осмысливаются проблемы современного западного общества и определяются необходимые условия развития современного человека как истинно свободная личность. Эти условия раскрываются Хабермасом в области коммуникации. В этой связи его теория коммуникативного действия играет одну из важнейших ролей, обладая разрешающей силой [2, с. 58].

Размышляя о кризисе культуры, Ю. Хабермаса предполагает, что это, по сути кризис рациональности и следующий за ним кризис и искажение коммуникации, оборачивающие человеческое бытие против него самого. Несмотря на отказ Хабермаса от классической парадигмы философии, он, однако, не отказывается от идеи рациональности, упадок которой он усматривает в сведение ее к инструментальной рациональности, как результат развития науки и техники. Мыслитель не сомневается в их гуманности, но выражает недоверие тем смыслам, которые они приобрели в современно обществе. Поэтому он противопо-

ставляет коммуникативную рациональность инструментальной рациональности и из этого следует его понимание коммуникативного действия как действие направленное коммуникативным разумом, обеспечивающим возможность конструктивного взаимодействия людей. Именно рациональность, как полагает Ю. Хабермас, позволяет человеку формировать свою личность и вести диалог в соответствии с положениями паритетности и взаимоуважения.

Обращение к новой рационализации человека и общества, ведущей к изменению и совершенствованию человеческой реальности, должна сопровождаться повышением в нем роли рационального действия, которое и отличает его коммуникативную стратегию. В этой связи, концепция толерантности рассматривается как одного из наиболее важных условий борьбы против искажений в процессе коммуникации.

Проблема толерантности у Хабермаса встречается в ряде работ, посвященных политической проблематике. В них он рассматривает толерантность для того, чтобы разъяснить практические действия, созданной им теории коммуникативного действия. В дальнейшем мыслитель публикует статьи, посвященные формулировке программных установок и условий реализации этой теории. Необходимо отметить, что идея толерантности всегда рассматривается Хабермасом в контексте поликультурности современного общества и проблемами, назревшими в результате процессов глобализации мирового пространства.

Ю. Хабермас говорит не только о толерантности религиозной, политической, но и в более широком смысле о толерантности к иным мировоззрениям. Исследователь исходит из того, что принципы толерантности уже существуют и в настоящий момент, но их необходимо уточнить и преобразовать. Мыслитель указывает, что для мирного сосуществования в обществе разных религий необходимо отделить этот уровень взаимоотношений (межрелигиозный) от социального и политического. Для этого необходима крепкая база, основанная на взаимном «принятии перспектив» и взаимоуважении. По мнению Ю. Хабермаса, этого можно добиться только путем свободного волеизъявления, требующего от представителей общества уважения к другому человеку, даже если его вера и мышление кажутся ложными, а образ жизни – неприемлемым [3, с. 241].

Согласно философу, «понятие коммуникативного действия относится, в конечном счете, к интеракции как минимум двух способных к речи и действию субъектов, которые – вербальными либо экстравербальными средствами – вступают в интерсубъективное отношение» [2, с. 128].

В своем докладе «Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий» Ю. Хабермас анализирует возможность практического применения толерантности, в том числе и религиозной, основанной на общем языке моральных норм, отмечая: «убеждения должны быть практически значимыми только в границах, обозначенных нормой полного и пропорционального *включения* всех граждан» [4, с. 50]. Также он отмечает, что «толерантность – это требуемая он граждан либерального общества политическая добродетель» [4, с. 50]. Мыслитель рассматривает толерантность, как возможность решения проблемы взаимного понимания между людьми. Толерантность должна способствовать укреплению общества, где важные для общества вопросы будут решаться на основе договора и общепризнанного порядка.

Таким образом, в контексте теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса толерантность предназначена защитить поликультурное общество от разрозненности и конфликтов, являющихся результатом религиозных или мировоззренческих разногласий при применении каких-либо действий или суждений в отношении инакомыслящих людей или сообществ. Рассматривая вопрос о пересмотре установок толерантности, Хабермас отмечает, что на данный момент она лишена терпимости и обоюдности, тогда как она должна формировать доверительные отношения между субъектами диалога.

Список использованных источников:

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого, или конец социального / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. Суслов Н.В.]. – Екатеринбург: Изд-во Уральский университет, 2000. – 96 с.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Сводный реферат // Современная западная теоретическая социология. – М., 1992. – Вып. 1. С. 57-101.
3. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. Весь мир: М., 2011. – 336 с.
4. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий (Торжественный доклад ко дню Лейбница в Берлин–Бранденбургской Академии Наук (29 июня 2002 г.)) // Социологические исследования. 2006. № 1

УДК 316.77:008 *Баранецкий А.Н., Шахин Ю.В.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ О КАЧЕСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ О ПРОГРЕССЕ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Авторы попытались проследить, как исторически менялись преобладающие типы социального действия у людей, которые управляют обществом. Они обнаружили циклическую смену типа целерационалов и типа коммуникаторов. Опираясь на требования современного капиталистического общества к качеству управления, авторы предсказали смену качества управленцев и прогнозируют переход к целеориентированным профессионалам, за которым последует возрастание коммуникативного типа поведения, затем появление целерациональных талантливых людей, после чего в поведении талантливых людей возобладает коммуникативный тип. Достижение этого состояния обеспечит неуклонный прогресс общества.*

Ключевые слова: *прогресс, социальная коммуникация, коммуникативное поведение, целерациональное поведение, история общества.*

Resume. *The authors attempted to trace how historically the prevailing types of social actions have changed among people who manage society. They have discovered a cyclical change of target-rational type and communicative one. Based on the requirements of modern capitalist society for the quality of management, the authors predicted a change in the quality of managers and pointed to a transition to the goal-oriented professionals, which will be followed by an increase in the communicative type of behavior, then the emergence of target-rational talented people, after which the communicative type will prevail in the relations of talented people behavior. This state achieving will ensure the steady progress of society.*

Key words: *progress, social communication, communicative behavior, target-rational behavior, history of society.*

Разрабатывая теорию социальных коммуникаций, Юрген Хабермас переосмысливал различные типологии, в первую очередь классификации Макса Вебера, и предложил разделять все социальные действия на коммуникативные, или ориентированные на взаимопонимание и формальные, ориентированные на результат или успех [6, с. 231]. Представленные ниже тезисы являются попыткой адаптировать эту типологию применительно к различным стадиям исторического процесса.

При этом авторы исходят из того, что в различные исторические эпохи можно выделить доминантные типы социального действия, преобладание которых не исключает одновременного существования иных

типов социального действия, носящих подчиненный характер как для индивида, так и для механизмов воспроизводства общества в целом. Подобный подход предполагает вынужденное абстрагирование от подчиненного или периферийного типа, на что нужно обязательно указать во избежание неверной интерпретации представленной ниже картины смены типов, как смены внешних противоположностей.

Для краткости мы предлагаем назвать социальных акторов, преследующих преимущественно формальные цели успеха целерационалами, тогда как стремящихся преимущественно к пониманию – коммуникаторами, которые руководят при доминирующей конвенциональности, по крайней мере, в важнейших аспектах принятия решений. Теперь выделим исторически доминирующие типы социального действия у лиц, принимающих решения в различные исторические эпохи.

В качестве исходной точки возьмем управленцев первобытного общества, еще не испытавшего на себе последствий неолитической революции и не втянутое в процессы классогенеза. В этой социальной структуре темпы изменений с существенно превосходили продолжительность жизни человеческого поколения, поэтому наибольшим авторитетом пользовались умудренные жизненном опытом общинники, формальными вождями они не были, но в их руках естественным образом концентрировалось решающее слово при обсуждении дел первобытной общины или родовой организации [4, с. 54]. Застойный характер первобытного общества и статичность его социальной структуры исключали доминирование социальных действий ориентированных на результат. Первобытные вожди были по своему характеру коммуникаторами конвенционалами. У них доминировали конвенциональные техники властвования над авторитарными путями реализации власти.

Совсем по-другому выглядит ситуация в эпоху разложения первобытного общества. Наступает эпоха военной демократии. Здесь появляется возможность широкого применения действий ориентированных на успех, внезапное изменение своего социального положения, от усилий личности до известной степени начинает зависеть ее положение в обществе. Доминирующее положение занимают целерационалы. Снижается способность к взаимопониманию и повышается значение «вожака» в племени.

Эпоха военной демократии завершается образованием классовых обществ и государства. Складываются устойчивые системы социальной стратификации и доминирования.

Сперва в странах Востока, а затем и в других государствах образуется бюрократический аппарат, играющий решающую роль в системе управления. По мере развития у бюрократии происходит специализация функций. В этой системе решающую роль начинают играть коммуника-

торы, так как устойчивость системы управления решающим образом зависит от их способности договориться и понять друг друга. Однако эта конвенциональность в новых исторических условиях предполагает авторитарный характер путей реализации власти.

Эту систему власти венчает фигура неограниченного монарха. Но он тоже включен в конвенциональную систему. В восточных деспотиях, как потом и в средневековых абсолютных монархиях, монарх несвободен в принятии своих решений. Он нагружен многочисленными знаково-символическими функциями, которые жестко ограничивают его коммуникативные возможности и ставят рамки свободе действий. Наиболее яркий пример подобного положения – имперский Китай [7, с. 51-53].

Не случайно, что при дворах неограниченных монархов во все исторические эпохи, расцветала и циркулировала сложная система знаков, символов и условностей, проявлявшая себя как в тонком придворном этикете и эстетике, так и в изощренных интригах. Такой образ жизни с неизбежностью приводил к закреплению у власти мастеров коммуникативных техник.

К этому состоянию разными путями пришли и европейские государства. Античный мир начал с военной демократии гомеровской эпохи, прошел через коллективизм полиса, в котором отсутствовал профессиональный аппарат управления, но уже требовалась способность граждан проявлять коммуникативные навыки в интересах устойчивости их власти, а завершил организованной на восточный манер позднеримской бюрократией. Затем, после упадка Римской империи Европа повторяет этот исторический цикл на новом витке.

После полосы военной демократии в эпоху великого переселения народов Европа переходит к своеобразным коммуникативным практикам позволяющим поддерживать власть феодалов без профессионального аппарата управления, а завершает складыванием централизованных бюрократических монархий с неограниченной властью главы государства и господством коммуникаторов.

Начиная с XV в. в недрах феодального общества происходит буржуазное развитие, которое приводит к возвышению группы целерационалов, ориентированных преимущественно на успех и оставляющих в стороне проблемы взаимопонимания. Длительное время коммуникаторские феодальные элиты держат их в стороне от реальной власти. Однако к XIX веку в основной массе европейских стран власть коммуникаторов оказывается повержена и наступает политическое господство целерационалов с их социальной прагматикой.

Впрочем, это господство длится недолго. Уже к середине XX века потребности управления крупными компаниями и государственными

делами привели в экономике к развитию слоя корпоративных менеджеров, а в политике к доминированию функционально специализированной бюрократии.

Одним из первых современников, обстоятельно изучившим их природу был Дж. Гэлбрейт, который ввел для их обозначения термин «техноструктура». Гэлбрейт настаивает, что именно в ее руки перешла реальная власть на предприятиях и в обществе [1, с. 162-167]. При этом для техноструктуры решающую роль имеет не борьба за результат, а коммуникативность. Тем самым господство техноструктуры означает новое торжество коммуникаторов над целерационалами.

Таким образом, формальное целеполагание и стремление ко взаимопониманию – это действительно основательные качества мироотношения и качества коммуникативной культуры. Хабермас подчёркивал их фундаментальный характер.

В истории, утверждаем мы, эти типы культуры чередовались.

При этом у нас получились качели, глубоко перекликающиеся с учением сенсимонизма об органических и неорганических эпохах [2, с. 194]. В органические эпохи господствует стабильность социальных систем и коммуникативные практики выходят на первый план, а в неорганические господствует целерациональное поведение, и многое зависит от соответствующего вектора усилий индивида. Это маятниковое чередование фаз служит основой прогноза о следующих этапах истории человечества.

Еще Ленин указывал, что «капитализм – школа профессионализма». И действительно, мы живем в эпоху все более возрастающих требований к работнику любого уровня и приумножению числа профессионалов. При этом рост профессионализма управленцев сопровождается ослаблением коммуникативности в их отношениях и усиления установок на целерациональность. Грядет новая эпоха господства целерационалов.

Мы сразу должны оговориться, что вопрос о социально-классовой природе профессионалов остается для нас пока еще не выясненным, однако наблюдения в системе управления позволяют выдвинуть гипотезу о сущности современности с претензией на диагностику: мы живём в эпоху мультипликации конфликтов между профессионалами и полу – профессионалами и последних друг с другом.

Это своеобразный «индивидуалистический» кошмар взаимного непонимания между профессионалами и разлада в их коммуникативных практиках в силу изменения доминирующих целей действий.

Обособленность профессионалов друг от друга – это то, что нами ощущается как главная черта современности. Нет такой страны на пла-

нете, где бы не надо было бы преодолевать межведомственные недоразумения или даже склоки, конфликты, барьеры.

Дальнейший прогноз развития ситуации логически реконструируется так. Первый, исходный этап современности – это этап конфликтов профессионалов и полупрофессионалов друг с другом в любых сферах организации общественно-политических систем, кругом мы видим хаос и межведомственные, внутриведомственные конфликты.

Но в то же время индивидуализм профессионалов делает невозможным никакой буржуазный волюнтаризм и авантюризм в тех точках, в которых кроме этих профессионалов никто ничего не понимает: все поголовно оказываются в тотальной зависимости от тысячи видов профессионализма, особенно учитывая то, что многие процессы управления уже опосредованы программированием.

А затем логично предположить, что в ближайшем обозримом будущем профессионалы смогут состыковать интерпретации своих стратегических подходов так, чтобы преодолеть непонимание и достичь некоторого минимального, но положительного взаимопонимания.

Думается – это и есть прогноз. Прогноз о доминировании коллективов профессионалов в большинстве значимых сфер социально-политической жизни и политико-экономического влияния. Для такого доминирования необходимо превзойти некоторый минимальный уровень коммуникативной культуры – культуры взимопонимания.

Это именно тот тип отношений, о которых писал Юрген Хабермас.

Чтобы мыслить продолжение будущего, давайте себе напомним, что нас воспитывали в духе гносеологического оптимизма, мы жили с аксиомой – «Всё познаваемо, есть непознанное, но непознаваемого нет…»

Хабермас прошёл через школу фрейдо-марксизма и гносеологический оптимизм вполне мог быть ему знаком.

Фрейдо-марксизм или социология Франкфуртской школы – теория хрестоматийная и от истории марксизма неотделима. Мироотношение Маркса и мироотношение Фрейда пронизаны гносеологическим оптимизмом, для них было привычно приступить к исследованию той грани реальности, исследование которой не было традицией и не имело прецедентов.

Так вот на этом фоне после приятной эпохи коллективизма профессионалов логично предположить переход к эпохе талантливых одиночек, обладающих уверенностью в личной исключительности и настаивающих на исключительных правах, определяющих вертикальную мобильность социального статуса своими талантами.

Разумеется, будучи талантами, они кое-где перегнут палку. Целерационалы вообще склонны путать праведное с грешным, а талантливые

целерационалы – тем более. Но кто же с ними справится, с талантами? Только эпоха коллективизма талантливых лиц.

Поэтому более - менее успешный переход от предыстории к истории человечества, скорее всего, будет в ту эпоху, когда педагогика и психология позволят людям доверять решение социальных проблем не просто молодым и талантливым, но объединённым в особые коллегии союзы талантливых координаторов управленческих решений в сфере социальной коммуникации, и воспроизводить талантливую личность как массовый тип населения, о чем мечтали еще лидеры большевиков [5, с. 108]. Фальстарт в данном отношении крайне опасен. Но зато перспективы в высшей степени обнадёживают.

Для методологии прогнозирования очень важны не только чёткие критерии и высокая дифференциация показателей при построении альтернативных моделей будущего, но и обобщения весьма существенных явлений, которые ещё недостаточно изучены. Если обнаружится оппонент для данных тезисов, то он может потребовать дефиниции понятий «талантливость», «профессионализм». Пусть исследование сущности профессионализма или талантливости пока не стало предметом всех хрестоматий и не столь определено, чтобы все студенты планеты отвечали дефиниции этих понятий на экзаменах. Но нельзя сказать, что в академическом общении преобладают кривотолки: критерии профессионализма могут различаться, но о сущности профессионализма уже 200-300 лет есть некоторое академическое обобщённое мнение.

Несколько сложнее обстоит дело с трактовкой сущности понятия «талантливость». Но академический словарь трактует её как такой уровень творческих способностей, который позволяет получить результат долговечный, ценимый веками [3, с. 392-393]. При этом традиции отечественного документооборота, научно-публицистическая литература отличается тем, что коллектив «талантливым» называть не принято. О коллективе говорят или пишут как о коллективе с «высоким творческим потенциалом».

Бесспорно, попытаться проверить – где комплименты, а где реальные коллективы талантливых людей современный социолог затруднится. Однако, именно исходя из дефиниции – вопрос о том, кто победит в войнах информационных, торговых, культурных, гибридных – это вопрос риторический. Талант – альтернатива бездарности по определению. Коллектив талантливых людей – коллектив с высоким творческим потенциалом – по определению альтернатива волюнтаризму одиночек. Пусть сегодня сложно говорить о специфике таланта или о наличии таланта вообще. Но уже сегодня можно и нужно исследовать то, что ещё библейский текст зафиксировал, как социально опасную характеристику известных субъектов: «Прости им господи, ибо они не ведают, что тво-

рят». Что значить «ведать что творишь»? Это значит понимать сущность дела.

Но если узкий специалист, свободный от бездарности, понимает только сущность узко специального дела, то в коллективе творческих людей есть очень впечатляющие требования к коммуникативной культуре. Сущность коммуникативной культуры – это не кантовская «вещь в себе», сущность коммуникативной культуры принципиально познаваема.

Без хорошего знания истории философии ни в одной из профессий человек не освободится от бездарности до тех пор, пока не привыкнет к осмыслению сущности. Пусть он это делает уникальными усилиями его души и разума, пусть он это делает с опорой на добросовестное усвоение философского наследия. Принципиально не то – самоучка это или хорошо образованный человек. Принципиально то, что без понимания логической или философской категории сущности отсутствует даже потенциальная возможность «ведать что творишь». Пусть сегодня рано говорить о гарантиях прозрений. Но уже сегодня есть гарантии диагностики известной слепоты: есть много надёжных способов обнаружения невежества.

Исключение (и «не исключение») любых лиц, которые не понимают, что такое сущность дела и сущность коммуникативной культуры из числа претендентов на руководящие посты в любом социуме даёт:

1. Гарантии краха тому социуму, которым руководят «слепые».
2. Гарантии приличных достижений тому социуму, которым руководят лица просвещённые, требующие от себя и друг от друга ежечасно и ежедневно понимания сущности дела, понимания сущности делового общения.

С диагностикой талантливости проблемы есть. Зато с диагностикой бездарности проблема только одна – отсутствие воли и права к её осуществлению. Именно это, как думается, – рациональное зерно идей Хабермаса и тот элемент, который придаёт смысл качеству коммуникации.

Пути прогресса, развитие социума от всех его несовершенств к более совершенным социальным практикам с необходимостью предполагает диагностику качества коммуникации и сущности коммуникации в каждом конкретном коллективе. И особенно – в коллективе, который руководит крупным государством, большой корпорацией.

Список использованных источников:

1. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М., 1969. – 460 с.
2. Изложение учения Сен-Симона. – М., 1961. – 608 с.

3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского, 2-е изд. – М., 1990. – 494 с.

4. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. – Вып. 2. История первобытного общества. – М., 1998. – 192 с.

5. Троцкий Л.Д. Литература и революция. – М., 1991. – 240 с.

6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вопросы социальной теории: Научный альманах. – М., 2007. – Том I. – Вып. 1. Философские и научные основания современной социальной теории. – С.229-245.

7. Хао Л. Традиционная форма подготовки государственных чиновников в Китае // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – №3. – С.50-56.

УДК 327.88 +323.282/285 ***Берест А.В.***

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация. *В статье проводится анализ крайне негативных феноменов современного социального пространства таких как экстремизм и терроризм с позиций логико-семантического и нормативно-правового дискурсов. Автор приходит к выводу, что существующая ныне система определения и понимания специфики указанных феноменов несет в себе неточность и размытость, что приводит к потере возможности не только борьбы с ними, но и понимания каким образом и какие действия могут быть определены как террористические и экстремистские, что убивает возможность предотвращения и искоренения столь негативных проявлений на корню.*

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм,экстремальность, нацистская атрибутика, символика.*

Annotation. *The abstract in the article analyzes the extremely negative phenomena of the modern social space such as extremism and terrorism from the standpoint of logical-semantic and regulatory discourses. In the course of the study, the author concludes that the current system for determining and understanding the specifics of these phenomena carries inaccuracy and blur, which leads to the loss of the ability not only to combat them, but also to understand how and what actions can be defined as terrorist and extremist, which kills the possibility of preventing and eradicating such negative manifestations in the bud.*

Keywords*: terrorism, extremism, extremism, Nazi paraphernalia, symbolism.*

Актуальность заявленного в статье исследования заключается в недостаточной разработанности подходов к построению эффективных механизмов противодействия международному терроризму, и, в частности, в отсутствии достаточной теоретической разработанности вопросов его разграничения с экстремистской деятельностью.

Для того, чтобы понять, что есть терроризм и экстремизм как феномены, в первую очередь, целесообразно рассмотреть понятие терроризм и экстремизм, компоненты которых помогут выйти на понимание что есть что, а следовательно, вычленить существенные признаки, отличающие терроризм от экстремизма.

Проведя логико-семантический и семиотический анализ [8] взаимодействующих понятий: «терроризм», «экстремизм», «экстрим», «экстремистская деятельность», «террористический акт» позволяет сделать следующий вывод: терроризм и экстремизм находятся во взаимоотношении соподчинения по отношению к понятию экстремальность, так как экстремальные проявления современного мира могут нести в своей основе как положительную, так и отрицательную направленность, в то время как терроризм и экстремизм только отрицательную[4,7].

Однако следует отметить, что законодательное определение понятия терроризма фактически отождествляется с уголовно-правовым его пониманием и что не соответствует его реальному содержанию, так как данное определение фактически описывает только уголовно-правовое понимание терроризма как явления общественной действительности [1,2].

Вообще, до сих пор, дискуссионным остается один подход законодателя к одновременному выделению таких понятий, как: терроризм, террористический акт, террористическая деятельность.

Терроризм определяется как общественно опасная деятельность ..., технологический терроризм – преступление ..., а международный терроризм – общественно опасные насильственные действия.

Сегодня можно констатировать, что международный терроризм становится более опасным, поскольку, акты терроризма совершают не одиночки, как это было в конце 19 века, или радикальными группировками, которые ставили тактические цели (середина 20 века), а членами террористических групп, которые пользуются самостоятельно разработанными мировоззренческими принципами и теоретическими концепциями, которые обосновывают законность и справедливость необходимости осуществления террористической деятельности (действия Хезболлах в августе 2006 года, которые едва не привели к началу региональной арабо-израильской войны).

Если рассматривать специфику и определение понятия «экстремизм» целесообразно воспользоваться алгоритмом теоретического ис-

следования сущности того или иного явления через последовательное изучение и сопоставление дефиниций данного понятия, которые имеются в научных источниках, энциклопедиях и нормативно-правовых актах.

Так 25 июля 2002 был принят закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности». В статье 1 дается следующее определение ключевому понятию – экстремизм:

Во-первых, под экстремизмом понимается определенная деятельность общественных и религиозных объединений, направленная на насильственное изменение конституционного строя или с целью массовых беспорядков и хулиганских действий, актов вандализма в основе которых лежат мотивы идеологические, политические, расовые, национальные или религиозные с ориентиром на ненависть или либо вражду. Или если перечисленные мотивы и действия проявляются в отношении какой-либо социальной группы. Так же с позиций законов к экстремизму может быть отнесена пропаганда исключительности и превосходства или обвинение кого-либо в его неполноценности[3];

Во-вторых, к экстремизму может быть причислена деятельность направленная пропаганда на публичную демонстрацию нацистской атрибутики или символики, а также на демонстрацию атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой, когда есть вероятность их подмены или смешения;

В-третьих, к проявлению экстремизма согласно нормативно-правовым актам могут быть причислены публичные призывы к осуществлению указанной в первом и втором пункте деятельность или ее осуществление;

И, наконец, в-четвертых, к экстремистской деятельности могут быть причислены финансирование указанной в пункте один и два деятельности или другое содействие для ее осуществления или совершение указанных действий, в том числе посредством предоставления любых форм и средств помощи, среди которых можно выделить и финансовые и движимые и недвижимые средства, а также те средства, которые помогают создать распространение и развитие идей экстремизма [9].

В Шанхайской Конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, экстремизм предстает перед нами как любое деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, равно как насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них.

Таким образом, исходя в нормативно-правовых актов, характерными признаками исследуемого явления являются: насилие или его пропаганда; исключительность и превосходство или неполноценности

по разным основаниям; финансирование указанной деятельности или иное содействие ее осуществлению.

Для постижения сущности самого явления целесообразно обратиться к тем факторам, которыми он порождается м, это позволит выйти на сущностные признаки самого явления[5,6].

Итак, как экстремальность так и экстремизм и терроризм, могут быть порождены следующими факторами:

1. Трансформационными процессами, происходящими в социальных структурах;
2. Обнищанием массовых групп населения, что приводит к сильной поляризации социума;
3. Экономическим и социальным кризисом, с возникновением которого происходит резкое ухудшение условий жизнедеятельности большинства людей;
4. Ослаблением влияния и легитимности государственной власти, а также дискредитацией его институтов;
5. Ростом недовольства, проявления антисоциальных течений и идей;
6. Распадом существующей системы ценностей.

Таким образом, интегрируя изложенное, можно сделать вывод, что в научных источниках экстремизм в основном понимается, как социально-политический феномен, который представляет собой совокупность ненасильственных и насильственных крайних форм или непринятие алгоритма социального управления в определенном социуме.

Список использованных источников:

1. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И.Степанова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 41 – 42.
2. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма //Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248-253.
3. Коноплева А. А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69). С. 56-58.
4. Коноплева А. А., Буткевич С. А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений// Философия права. 2018. № 1 (84). С. 57-64.
5. Чудина-Шмидт Н. В Склонность человека к экстремальному // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 449-450.

6. Чудина-Шмидт Н. В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.

7. Чудина-Шмидт Н. В. Факторы экстремального поведения личности// Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 347-349.

8. Чудина-Шмидт Н. В. Этимология понятия «экстрим» // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 107-110.

9. Федеральный закон – ФЗ № 114 «Об экстремистской деятельности»

УДК 130.2 ***Буга М.***

ДЕТЕКЦИЯ МАШИННОГО ФИЛИУМА

Аннотация. *В статье рассматривается объектно-ориентированный онтологический переворот в современной философии. Социальный аспект, исторические предпосылки возникновения и возможные перспективы развития объектно-ориентированной мысли в нашей стране.*

Ключевые слова: *спекулятивный реализм, корреляционизм, неореакция, объектно-ориентированная социология, тёмная экология, вице-причинность.*

Annotation. *The article discusses the object-oriented ontological revolution in modern philosophy. The social aspect, the historical background of the emergence and possible prospects for the development of objectively thought in Russia.*

Keywords: *speculative realism, correlationism, CCRU, object oriented sociology, dark ecology, substitutecausality.*

Спекулятивный реализм – это новое и, наверное, самое продуктивное направление современной философии. Оно возникло и сформировалось уже в новой медиасреде – это прежде всего интернет и социальные сети. Открытые онлайн-лекции читались в Twitter и выкладывались в открытый доступ. Значительная часть трудов по спекулятивному реализму остается не переведённой и доступной для русского читателя лишь на английском и французском языках. Таким образом, это философское движение развивается вне университетской среды. Тому есть причины.

Ведь спекулятивный реализм призван, с одной стороны, преодолеть пессимизм континентальной философии «оплакивания» (определе-

ние Йоэля Регева) [5], с другой стороны, обретая английский и американский аналитический каркас, не лишиться провиденциального характера, заданного Гегелем и последующими европейскими философами. В свое время Лейбницу пришлось организовать в Берлине Академию наук, занимавшуюся перепиской, лабораторной работой на базе новых научных открытий. Его учеником был Кристиан Вольф, а учеником Вольфа – Михаил Ломоносов. Поздние немецкие идеалисты трудились вне университета. Если Шеллинг и Гегель были почётными профессорами, то уже Шопенгауэр жил на ренту как свободный интеллектуал. Левые гегельянцы предавались всецело идее революции, но и какой-нибудь немецкий идеалист-систематизатор, пишущий труд в десяти томах, выводящий всё из некоего единого идеального принципа, уже не мог быть университетским сотрудником, от которого требовалось разрабатывать уже заданные темы и «воспроизводить одно и то же знание» [3]. Русский мыслитель В. В. Розанов, начинавший как систематизатор и написавший труд о понимании как о некоем изначальном принципе, был гимназическим учителем и не мог иметь никакой университетской позиции. В случае со спекулятивным реализмом можно говорить о поиске новых стандартов, новых пределов мысли, адекватных социальным, научным и техническим пределам.

Термину «спекулятивный реализм» предшествовал термин «спекулятивный материализм», который ввёл французский мыслитель Квентин Мейясу [4]. В 2007 году в Голдсмитском университете на лондонской конференции, руководимой Альберто Тоскано, британский философ Рэй Брасье предложил термин «спекулятивный реализм», так как не все мыслители придерживались строго материалистической точки зрения или, как мы увидим ниже, считали её недостаточной [18]. Для понимания основных тезисов спекулятивного реализма нам надо выделить кое-что, объединяющее всю традицию западной мысли от Платона до Канта, а это дуализм сознания и бытия, то есть *корреляционизм.*

Представители спекулятивного реализма критикуют корреляционизм как диаду «сознание и бытие», которая якобы нам *дана*. Нам дан разум, благодаря которому мы мыслим и существуем, и нам дан окружающий мир, который мы познаём при помощи разума. Соответственно, появляется такая переменная, как *данность*. Новыми мыслителями под вопрос ставится сам тезис заданности. Квентин Мейясу в своём докладе «Время без становления», прочитанном в Мидлсекском университете в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуордом и Рэем Брасье 8 мая 2008 г., говорит: «Корреляционизмом я называю любого противника современного реализма. Корреляционизм принимает нынче различные формы, но особенно трансцендентальной философии, различных фено-

менологических учений и постмодернизма». Согласно корреляционизму, «нет объектов, сущностей, которые не были бы всегда уже скоррелированны с точкой зрения, с субъектным доступом. Всякий утверждающий противоположное, т. е., что возможно достичь чего-то вроде реальности в себе, существующей независимо от его точки зрения, его категорий, или эпохи, или культуры, или языка, и т. д., этот человек был бы образцом наивности или, если угодно, реалистом, метафизиком, старомодным догматическим философом» [10]. Мы прочтём это утверждение так же, как и другие исследователи спекулятивного реализма, а именно: сознание всегда соотнесено с бытием и сообщается с ним через определённые каналы взаимосвязи, но сказать, что существует *данность*, невозможно, а, соответственно, и бытие, и сознание – это просто метафоры [3]. В случае корреляционизма некоторые предметы наделены привилегией в нашем сознании, формируют определённые прерогативные каналы доступа. Если стол стоит в комнате, то мы его познаём, стол нужен, чтобы на него класть предметы, стула нет в комнате – и мы его не познаём, в случае обнаружения стула мы познаём его одноканальным способом: стул – чтобы на нем сидеть. Во всех философских системах человек имеет привилегии, а вещи – нет.

Философы спекулятивного реализма единогласно считают Эммануила Канта представителем «слабого корреляционизма» [10]. Его «вещь в себе», вещь сама собой существующая, RES PER SE, дает основание предполагать, что есть нечто изначально сокрытое, самособой бытие, остающееся загадкой, неданностью, «мраком».

Американский философ Грэм Харман в своей попытке описать такую объектно-ориентированную онтологию, где объектом является каждая вещь, каждый живой и неживой предмет, мысль, образ, научное открытие или философский концепт, делит объекты лишь на реальные и чувственные (интенциональные) [9]. Но социолог науки Бруно Латур, автор акторно-сетевой теории, идёт дальше. У него предметы, «артефакты», технические комплексы, животные выступают как действующие единицы социальных отношений. Если объектно-ориентированная онтология помещает живые и неживые предметы в единое поле бытия, лишая человека былых привилегий, акторно-сетевая теория, социология техники и социология вещей – это конец всей столетней оптике социальной науки, конец даже Гоббсу, ведь сувереном теперь выступает машина или алгоритм [1]. Большинство россиян уже проголосовало за роботу-судью.

Наряду с этим спекулятивный реализм выступает как импримaтура для разного рода интеллектуальных и художественных проектов. «Тёмным просвещением» называет свою интеллектуальную деятельность Ник Лэнд. Его проповедь об акселерационизме, всеобщем ускорении на

пути слияния живого и неживого, человека и машины лишь кажется наивной. Лэнд последователен и глубок, он во многом превосходит своих единомышленников в смелости высказывания. Мрачный, недоступный человеку мир сам обеспечивает себе существование, человечество обречено, именно это должен возвестить Ник Лэнд, посланный машинами из будущего. Слияние капитала и техники не избежать. Разговоры о всеобщей безопасности, сами институты, поддерживающие эту безопасность, – «собор», – саботируют акселерационные процессы. Лэнд говорит о понимании онтологии времени и политических процессах, где человек не имеет особого онтологического статуса. Выживание человеческого из человека является основной программой никлэндовской неореакции [19].

Ещё одним вестником реинжиниринга жизни и плодотворным интеллектуалом ингуманистом является иранский философ Реза Негарестани. Его фундаментальный труд «Интеллект и дух» – это кропотливое исследование понятий интеллекта и искусственности. Книга начинается со следующих вопросов: «Что означает философски говорить об искусственном общем интеллекте (an artificial general intelligence – AGI), возможности которого будут, как минимум, равны нашим? Является ли *человеческое* корректной или единственной моделью, чтобы начать пытаться концептуализировать такой интеллект? И, вглядываясь в различные предложения и программы исследований искусственного разума, и ещё внимательнее – в более широкое понятие искусственного общего интеллекта, – способны ли мы прояснить, что конкретно понимается под интеллектом?» [16] Кульминацией книги является взгляд на саму философию как программу обыскусствовления (artificialization) интеллекта, или программу обыскусствовления в качестве интеллекта. В отличие от Ника Лэнда, этот подход более «мягок» и «демократичен».

К спекулятивным материалистам можно также причислить и такого американского интеллектуала, как Тимоти Мортон, с его «тёмной экологией». Задачей Мортона является осмысление любой материи как живой, такое понимание поможет нам избавиться от «наивного» противопоставления природы и, скажем, интернета [17].

Во всех своих проявлениях объектно-ориентированная мысль лишает человека его особого онтологического статуса и, собственно, размывает границу между живым и неживым.

Английский социолог лорд Энтони Гидденс в прочитанной в Кембридже в 2014 г. лекции «Между бессмертием и Армагеддоном» говорит, что любой оптимизм не должен быть глупым и что мы имеем дело с чем-то невиданным до сих пор. Двадцати лет не прошло со дня появления первого смартфона, а смартфонов собрано больше, чем самих людей, проживающих на земле [14]. В другой своей лекции – «Понимая

общество» – он говорит, что 24 мая 1844 г. Морзе впервые передает информацию посредством сигнала, не прибегая к помощи почтальона, с тех пор мир начинает радикально меняться [15]. И если продолжать его мысль, скажем, что в архаичном обществе письменность давала возможность передавать знания последующим поколениям и создавать историю. И, развивая классическую номиналистскую мысль лорда Гидденса, отметим: общая записанная история вела людей в будущее, общее письмо делало это общество причастными к общей судьбе и бытию.

Но нам всё же хотелось бы отметить, что эффект бытия предшествует эффекту информации. Создание всеобщего пространства как пространства коммуникации – идея исключительно общества парадигмы модерна. Пытаясь расколдовать мир, модерн вновь заколдовал его. Покинув корпорации университетов, где схоластическая мысль воспроизводила одно и то же знание, общество модерна сделало ставку на новую натурфилософию. Вся история последних трёхсот лет – становление такой онтогносеологической модели. Как говорит немецкий социолог Ульрих Бек, «крах модерна – это его успех» [12]. Кажется, повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» именно об этом: об интенсивном умирании отчуждённого от жизни человека ещё до наступления смерти [7].

Картину распада воссоздала SCIENCE ART группа под руководством Джеймса Аугера в художественном центре при Массачусетском технологическом институте: это проект «Изофон», основанный на теории сенсорной депривации [8].

При помощи сенсорной депривации проводились пытки при допросах особо значимых политических заключённых. Их погружали на несколько часов в камеру с особым раствором, в котором человек переставал чувствовать вес собственного тела. После нескольких часов пребывания в состоянии полной темноты, тишины и невесомости, человек впадал в изменённое состояние сознания и по извлечении готов был на всё, лишь бы не попасть туда вновь. В Москве в такой камере можно побывать в качестве развлечения: то, что было пыткой на Ближнем Востоке, стало доступным развлечением для менеджеров малого звена. Разница заключается лишь в длительности процедуры.

Джеймс Аугер помещал в камеру двух человек одновременно и оставлял им возможность вербального общения через телекоммуникации. На первом этапе сохранялся фрейм простого разговора по телефону, на втором – предельная откровенность по отношению друг к другу, на третьем – бессвязная болтовня, на последнем речь распадалась на междометия. Как нам кажется, «Изофон» иллюстрирует перспективы слияния с неживым миром и отказом от своей телесности.

Но мы должны разделять «глобализм» как идеологию, как совокупность идей от «глобализации», т. е. набора фактов, процесса [13]. Соответственно, и «мультикультурализм» от «мультикультуризации». И это, на наш взгляд, поможет нам провести чёткую дифференциацию между идеей и фактом. Мы сможем увидеть тогда, что постсингулярный мир новой бессмертности и машинного филиума имеет свой идеологический аппарат, с одной стороны, и свои конкретные пути и этапы развития, с другой. Социолог Зигмунт Бауман говорит, что модерн изначально предполагал миграцию и мультикультуризацию общества [11]. Но не везде процессы модернизации проходили одинаково. Население Африки, например, сложно посадить за станки. В Советском Союзе потратили более 20 лет на создание Таджикских авиалиний, попытки воспитать таджикских лётчиков провалились.

Но, пожалуй, самой сложной и неоднозначной культурной областью является наша страна. Наряду с развитием науки и техники сохраняется особая, общинная ментальность, свойственная архаическим обществам. Тому есть причины, которых мы не можем себе позволить коснуться в этой статье. Одна из особенностей современной русской культуры – это отсутствие единого семантического поля. Идентифицируясь с одной культурной группой, ты рискуешь тут же оказаться в оппозиции по отношению к другой.

Более того, после Первой мировой войны, революции, сложных социальных реформ, Второй мировой войны, в стране произошло серьёзное культурное истощение, некоторые даже говорят о культурном «кенозисе», который может оказаться невосполнимым. Война сильно травмировала русское общество. Когда В. Вахштайн говорит о том, что в России высокий процент технооптимизма, как показал социальный опрос «Евробарометр», нам кажется, стоит усомниться в таких статистических исследованиях [1]. Питирим Сорокин вёл речь о долгих послевоенных депрессиях, сопровождающих общество в нескольких поколениях [6]. Определённый военный образ мышления передается невербально от родителей к детям («фрейм» окопа или рукопашного боя). И тут на смену мультикультурализму может прийти мультинатурализм. Эти два понятия противопоставлял бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру.

В своей книге «Метафизика каннибализма» он, исследуя мир южноамериканских туземцев, говорит, что те совершенно спокойно относились к тому, что ягуары поедают людей. Для этих хищников, по словам аборигенов, кровь – как для людей пиво [2]. Нам никогда не понять ягуаров, а им никогда не понять нас. Мы живём в двух разных, параллельных мирах. Может оказаться так, что русское общество натурализуется в нечто, совершенно отличное от «общества изофона». Не исключено, что

для русского общества носители неживых и нечеловеческих мировоззрений будут тем же, что и туземцы для ягуара.

Список использованных источников:

1. Вахштайн В. Искусство и объектно-ориентированная социология. – URL: http://artguide.com/posts/1529

2. Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. Вивейруш де Кастро; ред. Д. Ю. Кралечкин. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 404 с.

3. Марков А. Другой Бурдьё и все-все-все. 3. Самое краткое введение в спекулятивный реализм. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_

4. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу; пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный учёный, 2015 – 196 с.

5. Рецензии на книгу Й. Регева «Коинсидентология. Краткий трактат о методе». – URL: https://www.livelib.ru/book/1001516774-koinsidentologiya-kratkij-traktat-o-metode-joel-regev.

6. Сорокин П. Человек и общество в годы бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – URL: https://web.archive.org/web/20131211182953/http://mirspb.ru/mir/index.php? .

7. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. – URL: https://ilibrary.ru/text/7/index.html.

8. Тотальная сенсорная депривация. – URL: https://tulpawiki.org/theory/methods/

9. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. – URL: https://www.labirint.ru/books/723804/ (дата обращения: 13.11.2019).

10. Черняк Н. А. Спекулятивный реализм vs корреляционизм / Н. А. Черняк // Вестн. Ом. ун-та. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 188–192.

11. Bauman Z. Europe: Birthday or Death Agony? – URL: https://www.youtube.com/watch?v=7vx8xB1xL3o&feature=youtu.be

12. Beck U. Europe at Risk: The Cosmopolitan Turn. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=4L_ksmXh8po&feature=youtu.be

13. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernit. – URL: https://www.amazon.com/Risk-Society-Modernity-Published-association/dp/0803983468

14. Giddens A. Between Immortality and Armageddon: Living in a High Opportunity, High Risk Society. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=2Dk7lYx4x-s&feature=youtu.be

15. Giddens A. Understanding Society – A Sociologist's Perspective. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=xl6FoLrv4JQ&feature=youtu.be

16. Intelligence and Spirit by Reza Negarestani. – URL: https://www.urbanomic.com/book/intelligence-and-spirit/
17. Morton T. Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. – URL: https://books.google.com/books/about/Dark_Ecology.html?id=y8R1CwAAQBAJ&source=kp_cover
18. Speculative Realism: A One Day Workshop. – URL: https://www.urbanomic.com/event/speculative-realism-a-one-day-workshop/
19. Stavrovsky I. Ник Лэнд. Ницшеанские осколки. – URL: https://syg.ma/@igor-stavrovsky/nik-lend-nitsshieanskiie-oskolki

Гордеевских Т.А.
научный руководитель: А. В. Логинов

УДК 111.852:32

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: РОЛЬ ЮМОРА В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ*

(*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649)

Аннотация. *В данной статье рассматривается современное состояние публичной сферы и политического дискурса в ней. Автор выдвигает тезис о том, что благодаря «диджитализации» жизни и всеобщему вовлечению в обсуждение различных событий, а также более широкому доступу к различным информационным ресурсам кардинально меняется то, каким образом субъекты вовлекаются в политический дискурс, и каким образом в нем участвуют. В частности, повышается роль юмора, в особенности его «постироничной» формы, которая становится также отражением отношения субъекта к политическому и новостной повестке вообще. Автор, опираясь на тезис Герхарда Шульце об «обществе переживания» полагает, что субъектное «чувствование», эстетизация, то, что субъект полагает как «органическое», формирует в итоге отношение субъекта к институциональной политике и позволяет вырабатывать новые политические стратегии.*

Ключевые слова: *публичная сфера, политический дискурс, постирония, эстетизация, «общество переживания», «система», Г. Шульце, В. Беньямин, юмор*

Abstract*. In this paper we look at the ways public sphere really works nowadays. We argue that normative project of public sphere developed by J. Habermas hardly correspond to semi-public or, more precisely, pseudo-public sphere of contemporary digitalized societies. What are the reasons*

people's behavior in pseudo-public sphere is conducted by - if not political or public reason? We assume this is aesthetic experience first. To be more concrete we compare G. Schultze's vision of emancipatory role aesthetic experience (including humor and irony) plays and W. Benjamin's approach to aesthetics as an ideological implement any state uses to bend citizens to its will.

Key words: *Public sphere, political process, humor, irony, post-irony, G. Schulze, W. Benjamin, humor.*

Публичная сфера – идеальный концепт, необходимый для моделирования системных характеристик гражданского общества. Мы можем видеть движение в сторону реализации современными демократиями идеальных (как их видел Юрген Хабермас) принципов организации публичных дискуссий, но зачастую вместо публичной сферы формируется ее превращенная форма - «псевдо-публичная» сфера. Это область публичной сферы, которая по своей сути повторяет конвеерность «культурной индустрии», как ее описывал Теодор Адорно, и нацелена на постоянное воспроизводство себя путем постоянного вовлечения все большего количества участников и наращивания оборотов обсуждения без получения каких-либо позитивных результатов обсуждения вне самой «псевдо-публичной» сферы. Акторами-инициаторами в «псевдо-публичной» сфере становятся как агенты «системного» мира – государственные пропагандисты, представители капитала, инициирующие искусственный интерес к определенному товару, так и обычные люди, стремящиеся максимизировать свой заработок от монетизированных медиа. Однако вместе с разрастанием «псевдо-публичной» сферы наблюдается также процесс выработки сопротивления действиям «системы» в публичной сфере, проявляющийся через неприятие институциональной политики, выработку новых, неинституциональных форм политического дискурса. Одним из способов такого сопротивления представляется «эстетизация» политического субъектом, которая, как можно предположить, связана с увеличением роли юмора в политическом дискурсе.

С учетом концептуальных рамок, заданных Хабермасом, стоит сказать, что субъект обязательно включен в процессы социальной и системной интеграции. Социальная интеграция тесно связана с коммуникативной рациональностью, обусловленной жизненным миром, а системная интеграция – на системной рациональности, связанной, соответственно, с системным миром. Конфликт двух рациональностей, невозможность продуктивного сосуществования двух интеграций, по мнению Хабермаса, состоит в том, что системная интеграция не способна анализировать влияние жизненного мира на формально организованные действия, на области принудительно регулируемых социальных отношений. Этот тезис можно продолжить так, что и интеграция «жизнен-

ная» входит в противоречие с интеграцией системной из-за невозможности реализовать жизненные стремления исключительно в «системных» рамках. Конфликт этот продолжается и в публичной сфере, и может приводить к возникновению такого явления, как «псевдопубличная» сфера – область, где обсуждение зацикливается, начинает существовать только ради увеличения оборотов самого себя и вовлечения все большего количества участников. Так как дискуссии о политике ведутся сегодня преимущественно в цифровом пространстве, к которому имеет доступ подавляющее большинство, то и процессы, происходящие в публичной сфере, оказываются под гораздо большим влиянием человеческой повседневности, чем во времена, когда информация для обсуждения входила в публичную сферу прежде всего в обработанном виде через печатные СМИ.

Люди, вовлеченные в «диджитализированную» публичную сферу, получили доступ не только к удовлетворению потребности в высказываниях, но и беспрецедентно широкий доступ к информации и ресурсам, в разном виде эту информацию предоставляющим, и широкий пласт информации стали производить самостоятельные субъекты, не имеющие какой-либо специальной подготовки и компетенций. Люди начали выделять отдельное время или пространство своих новостных лент в социальных сетях под контент, назначение которого можно описать как просветительский (например, в настоящее время популярность набирает сервис «всем обо всем» Яндекса – Дзен).

Также можно заметить преобладание юмористической формы в публичной сфере. Эта тенденция сложилась к началу 2010-х годов, и связана с распространением сначала на форумах, а затем в соцсетях (в русскоязычной среде, прежде всего, во «ВКонтакте») т.н. постиронии. Можно даже утверждать, что не существует влиятельного политического дискурса, не затронутого этими формами юмора[1]. Постироничная шутка внешне не соотносится с каким-либо дискурсом, но внутренне дискурс не исключает. Стоит указать, что слово «постирония» в данном контексте не является термином, по поводу которого признается научный консенсус, но скорее словом, которое принято использовать по отношению к подразумеваемому под ним явлению, или группе явлений, происходящих в среде массового интернет-юмора.

Постирония выступает следствием нового вовлечения в политическое, результатом как бы очередного «переоткрытия» политического для повседневного юмора, для новых его инструментов. Постирония - средство юмористического выражения мнения/эмоций по поводу некое-

---

[1] Анекдот как форма отношения к реальности: см. интервью Д. Вернера корреспонденту «Медузы» https://meduza.io/feature/2019/11/10/u-vseh-lidiruet-pornosayt-a-u-nas-sayt-s-anekdotami (дата обращения: 10.11.2019)

го события/явления, которое общедоступно вследствие своей «мемети-ческой» структуры. Как и мем, оно стремится к максимальной простоте для восприятия, не теряя сложности структуры. Тем самым, также как и т.н. «размытием границ серьезного и несерьезного», постироничная шутка способствует вовлечению в то, что стало объектом юмора без «уплощения», устранения сложности и многогранности этого объекта. Сама структура постироничной шутки предполагает, что объект шутки слишком сложен для объятия, а потому и юмористическое высказывание может быть только абстрактным. Форма мема и подразумеваемый общекультурным контекст оказываются в шутке важнее, чем «высказывание». Та сторона объекта, которая подвергается осмеянию, отсылает к этой неуказанной, но подразумеваемой и действительно важной, «реальной» стороне объекта. Т.е. сама шутка это просто абстрактная шутка, а ее, допустим, политический потенциал состоит в том, к чему она отсылает, в том, что находится вне этой абстракции – к контексту, и его несоответствию с «высказыванием» шутки.

Постироничным также можно назвать отношение к «хайповым» событиям – то есть к темам, вокруг которых темп обсуждения в определенный момент растет по экспоненте, и вокруг них поднимается «хайп» (от англ. «hype» – щумиха). Хайповое событие с одной стороны соотносится с «жизненным миром», с реалиями общественной жизни человека, а с другой у нас остается понимание того, что происходящее разворачивается «не здесь» – поскольку ощущение личной причастности возникает только из-за того, что значимых событий транслируется через личные страницы, блоги и т.п. участников. За высказыванием представляется некий «бэкграунд» из переживаний авторов текста (поста, видео и т.д.), участников и воспринимающего, которые играют большую роль, чем само событие. Причем касается это не только масштабных политических, общественных или природных событий, но и различных историй из повседневности. Повседневность в этом смысле стала гораздо больше транслироваться в публичную сферу, наполняя и формируя её.

Также стоит сказать, что политический дискурс количественно «омолодился» - благодаря широкому доступу к высказываниям и информации, доступной к анализу и выражению итогов этого анализа, молодые люди все раньше включаются в политическое обсуждение. Причем включение происходит не только с позиций бытового здравого смысла, но и «традиционных» политических/идеологических дискурсов – коммунистического, либерального, националистического, феминистического и т.д. Однако, несмотря на реактуализацию классических политических дискурсов, не происходит возврат интереса к классическим формам выражения участия в политике – например, участию в выборах или дебатах на классических политических площадках. Апатию по от-

ношению к традиционным, институциональным формам политического участия можно, отталкиваясь от успеха новых способов участия в обсуждениях политического, объяснить неорганичностью институциональной политической сферы. Неинституциональная политическая сфера, несмотря на отсутствие явных успехов во влиянии на политику, предлагает более органичное для «цифрового общества», понятное и менее ресурсозатратное вовлечение в политический дискурс. Стоит сказать, что описанные выше явления, связанные с юмором касаются только людей, чья социализация тесно связана с общением в Интернет-среде.

Предыдущие два тезиса (о повышении роли юмора в публичной сфере, и о неорганичности институциональной политической сферы) подводят нас к тезису Герхарда Шульце об эстетизации как современном способе вовлечения в политическое. Шульце принадлежит к традиции понимания эстетического как «aisthesis» (от греч. «чувственное восприятие») – чувственного переживания как значимой части общественной жизни [1]. Эстетическое для него интегрировано в повседневные практики, мы постоянно что-то воспринимаем и переживаем. Эстетизация как часть повседневности ведет к расширению возможностей, несет эмансипативный потенциал [2]. Выше был приведен тезис о том, что в современности юмор играет большую роль в субъектной «эстетизации» политического. Юмор становится органической частью эстетизации политического, и это происходит прежде всего из «жизненного» мира, а не из системного. Подвижки в сторону юмора со стороны системы воспринимаются как искусственные, нежизнеспособные, неорганичные. Получается так, что неорганичное «жизненному» миру воспринимается как неэстетичное, часто вопреки попыткам «системы» эстетизировать это.

Для Шульце в «обществе переживаний» эмоция становится источником принятия решения. Если раньше выбор был предопределен социальным полем, классом, стратой, то теперь, с каждым новым витком модерна в развитых индустриальных и постиндустриальных странах, человек получает все больше возможностей для оправдания своего выбора жизненной стратегии (или отсутствия таковой) через личные, субъективные переживания и эмоции. Представляется, что вектор развития в «благополучных» (за основу своего исследования Шульце берет современную ему Германию [5]) странах таков, что для их жителей не должно остаться возможности принятия «неверного» решения в своей «жизненной тактике», т. к. неверное решение подразумевает ощутимую потерю какого-либо капитала (денег, социального статуса, времени и т.д.). Однако если решение было принято из субъективных эмоциональных побуждений, то сам процесс принесет субъекту такие эмоциональные дивиденды, которые перекроют материальные затраты. Соответственно, и

своё участие в политике и политическом субъекты переживания будут выстраивать прежде всего на основании эмоций, которые у них вызывает та или иная новость или политический акт [4]. Такой взгляд представляется слишком нереалистичным, однако кажется возможным на основании идеи об «обществе переживания» выдвинуть тезис о том, что именно субъектное (и субъективное, в широком значении этого слова) переживание станет механизмом защиты от каких-либо навязываний со стороны «системы» при построении политических стратегий.

Есть и другой взгляд на «эстетизацию»: Вальтер Беньямин, философ Франкфуртской школы, считал «эстетизацию» способом власти и капитала навязывать свою волю. Беньямин, в отличие от Шульце, связывал «эстетизацию» с идеологическими и политическими функциями современного искусства – и соответственно манипуляции власти с «эстетизацией» происходят для него прежде всего в области искусства. Однако стоит отметить, что эстетизация производится также и капиталом через рекламу, через СМИ, формирует допустимую область отношения к тому, что эстетизируется. Эстетизация, по мнению Беньямина, ведет к атомизации людей, пустой возможности высказаться, без изменения имущественных отношений – «Фашизм пытается организовать возникающие пролетаризированные массы, не затрагивая имущественных отношений, к устранению которых они стремятся. Он видит свой шанс в том, чтобы дать массам возможность выразиться (но ни в коем случае не реализовать свои права» [3, с. 62] и далее – «Фашизм вполне последовательно приходит к эстетизации политической жизни. Насилию над массами, которые он в культе фюрера распластывает по земле, соответствует насилие над киноаппаратурой, которую он использует для создания культовых символов» [3, с 62-63]. Беньямин под «властью» рассматривает фашизм, однако возьмем смелость предположить, что механизмы переноса внимания с использованием культурной индустрии могут быть взяты на вооружение любым государством при любом идеологическом строе. Власть может таким образом устанавливать, что считать «эстетичным», т.е. органичным, а что нет. Это инструмент отчуждения – у людей отнимается чувство эстетического. Эстетизация товара увеличивает вовлеченность в безотчетное потребление, а значит увеличивает отчуждение. Такую возможность нельзя исключать, однако как предполагалось выше, в условиях глобализирующегося мира «эстетизация», проводимая властью, уже не так эффективна, как в первой половине XX века. Это было время наибольшей эффективности государственной / идеологической пропаганды, однако во второй половине ситуация изменилась, хотя сейчас угроза подобного рода навязывания воли человеку все еще исходит и со стороны капитала, и «псевдо-публичной» сферы. Однако, мы полагаем, это уже скорее неконтролируемые процессы, по-

скольку направление движения этого самого «капитала» задается коллективным действием людей (очень редко сознательным). Но если принять, что действительность такова, то «эстетизация» не является опасным оружием отчуждения в чьих-то руках – она лишь часть глобальных процессов, и «эстетизация», исходящая из «жизненного мира», отрефлексированная и соотнесенная с глобальными всеобщими тенденциями способна, по мнению Беньямина, привести скорее к освобождению.

Таким образом, получается, что Беньямин рассматривает «эстетизацию» пессимистично, как инструмент управления людьми и отчуждения, а Шульце рассматривает «эстетизацию» как то, что ведет к освобождению субъекта от контроля «системы». Для Беньямина это процесс внешний, направленный на субъекта, для Шульце – внутренний, направленный вовне. Однако эти два подхода могут не исключать друг друга – «эстетизация» внешняя может навязываться объективными условиями, внешними глобальными процессами – она ведет к формированию «псевдо-публичной» сферы, а «эстетизация» внутренняя может внешней сопротивляться, и, соответственно, она способ сопротивления влиянию «псевдо-публичной» сферы. Если рассматривать юмор как пример эстетизации, то можно признать эстетизацию также сложно контролируемым, хаотическим процессом. Есть юмористическое искусство, работающее над тем, чтобы сделать нечто более смешным, вызывающим большую реакцию. Однако большая часть того, что воспринимается как смешное, сгенерировано хаотично. Человек может оценить как смешную случайную ситуацию, не созданную намеренно никем, либо то, что намеренно создавалось как смешное, не признать таковым, либо признать смешным совершенно отлично от заданного изначально сценария. Это рассуждение имеет смысл в связи с высказанным ранее тезисом о том, что большой пласт публичной сферы, а соответственно и «псевдо-публичной» сферы составляет юмор, и юмор является самой широкой реакцией на любые события. Признание человеком либо массовой аудиторией чего-то смешным, т.е. успешно «эстетизированным», является крайне хаотичным, практически не контролируемым процессом. Однако если нечто уже «эстетизировалось» широкой аудиторией как смешное, очень трудно вывести это нечто из юмористического пласта, и это точно невозможно при намеренном институциональном вмешательстве со стороны «системы».

Список использованной литературы:

1. Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007.

2. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2005.

3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – Москва, «МЕДИУМ», 1996. – 241 с.

4. Круглый стол «Эстетизация повседневности: дефиниции, тенденции, перспективы» – Режим доступа: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kruglyj-stol-Estetizaciya-povsednevnosti-definicii-tendencii-perspektivy дата обращения: 10.11.2019

5. Сувалко, А. С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств [Текст] А. С. Сувалко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 48 с. – (Серия WP20 «Философия и исследования культуры»).

УДК 14:316 .286 ***Еникеев А. А.***

СОВРЕМЕННОСТЬ ФИЛОСОФИИ КАК ДИСКУРС «НЕЗАВЕРШЕННОГО МОДЕРНА» В КОНЦЕПЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация. *Статья посвящена обсуждению проблемы современности философии в контексте концепции Ю. Хабермаса о философии модерна. Обозначаются дискуссионные моменты в понимании термина «современность» в философии, предлагается точка зрения, согласно которой современность является условным понятием, обозначающим стремление философии стать актуальной гуманитарной практикой. Концептуализируется «принцип субъективности», предложенный Ю. Хабермасом для понимания положения современной философии «после Гегеля» и обосновывается идея, что именно этот принцип служит границей различия между философией «модерна» и «постмодерна». Делается вывод, что современный философский дискурс должен расширять свои границы, привлекая различные, даже маргинальные, гуманитарные практики. Только тогда можно будет говорить о перспективах развития философии будущего.*

Ключевые слова: *философия, дискурс, современность, модерн, постмодерн, субъективность.*

Annotation. *The article is devoted to the discussion of the problem of modern philosophy in the context of Yu. Habermas' concept of modern philosophy. The discussion points in understanding of the term «modernity» in philosophy are designated, the point of view according to which modernity is the conditional concept designating aspiration of philosophy to become actual humanitarian practice is offered. The author conceptualizes the «principle of subjectivity» proposed by Yu. Habermas for understanding the position of modern philosophy «after Hegel» and substantiates the idea that this princi-*

ple is the boundary between the philosophy of «modern» and «postmodern». It is concluded that modern philosophical discourse should expand its boundaries, attracting various, even marginal, humanitarian practices. Only then can we talk about the prospects for the development of the philosophy of the future.

Keywords: *philosophy, discourse, modernity, postmodernity, subjectivity.*

Дискурс «современности» в качестве предшествующего временного отрезка истории предшествует «постсовременности», в философии данный переход маркируется как смена гуманитарной парадигмы в движении от модерна к постмодерну [14; 10]. И если разговоры об особенностях постмодернизма в философии являются достаточно распространенным явлением [7], то особенности модернизма в философии гораздо менее обсуждаемы, за исключением ряда специальных работ [12; 13]. Исключением из правила является известная работа Юргена Хабермаса, с характерным названием «Философский дискурс о модерне» [16], которой в свою очередь предшествовал также популярный доклад 1980 года «Модерн – незавершенный проект» [16, с. 5; 15], который и обозначил принципиальную позицию немецкого аналитика в обсуждаемой проблеме.

Можно согласиться с мнением Ю. Хабермаса, что ключевой фигурой в философии, обозначившей переход от классической традиции к концепту современности (модерности) был Г. В. Ф. Гегель, который обратил внимание на значимую роль собственно философского дискурса в решении вопроса о современности. «Гегель первым возвышает до уровня философской проблемы процесс освобождения модерна от внушающего воздействия со стороны внешних по отношению к нему норм прошлого… Но только к концу XVIII столетия проблема самообоснования, самоподтверждения модерна обостряется настолько, что Гегель может воспринять этот вопрос в качестве философской проблемы и притом в качестве основной проблемы своей философии» [16, с. 16]. Это важный поворот в европейском мышлении, когда рефлексивная мысль о настоящем времени, о современности как таковой становится предметом философского анализа, а такой философов, как Г. Гегель даже делает эту проблему «основной проблемой своей философии» [11].

Здесь важно обратить внимание на два, связанных между собой обстоятельства: «современность» в качестве своеобразного концепта гуманитарных исследований своего времени требует собственного обоснования [5; 8]; философский дискурс испытывает потребность быть современным, не довольствуясь только удобной ссылкой на авторитет традиции, как это было раньше. Оба эти обстоятельства объединяются в масштабной системе философии наиболее значимого мыслителя своего времени, а может быть и вообще крупнейшего мыслителя всех времен,

Г. Гегеля, который по мнению некоторых философов (в том числе Ю. Хабермаса) явился также одним из основателей такого направления философских исследований, как философия истории. «Вследствие того, что модерн пробуждается к самосознанию, возникает потребность в самоподтверждении, которую Гегель трактует как потребность в философии. Перед философией, по его мнению, поставлена задача постичь в мысли свое время, а оно есть для него время модерна» [16, с. 17].

Однако современность понимается Г. Гегелем в духе своего времени как необходимость обоснования перехода от Нового Времени к иной гуманитарной парадигме, которую он назвал «философией духа» и которая являлась логическим завершением идеалистической традиции в философии [1; 9]. Таким образом, Г. Гегель один из первых (еще задолго до основных инвестиций в этот вопрос со стороны постмодернизма) начал говорить о «кризисе философии» и необходимости «обновления» философского словаря. Философская парадигма Просвещения исчерпала себя, «мир отчужденного духа» ищет себе концептуализацию и решить эту проблему может только философский дискурс, акцентирующий внимание на проблеме современности и выводящий на первый план «принцип субъективности», который по мысли Ю. Хабермаса, является главным принципом новейшей философии, начавшейся после Г. Гегеля. «Первое, что Гегель открывает в качестве принципа нового времени – это субъективность. Исходя из этого принципа, он объясняет, как превосходство мира модерна, так и его кризисное состояние: этот мир испытывает себя одновременно и как мир прогресса, и как мир отчужденного духа. Поэтому первая попытка сформулировать понятие модерна имеет единое начало с критикой модерна» [16, с. 17].

Принцип субъективности, о котором говорит Ю. Хабермас в связи с Г. Гегелем, следует понимать в логике гегелевского мышления, как отнесенность современности к самой себе. «Гегель считает, что для модерна в целом характерна структура его отнесенности к самому себе, которую он называет субъективностью» [16, с. 17]. Главными особенностями так понимаемой субъективности являются «свобода» и «рефлексия», Ю. Хабермас утверждает, что именно эти понятия стали не только маркерами мышления нового типа, но определили динамику культурных и социальных процессов XIX века, века модерна. Можно согласиться с мыслью Ю. Хабермаса о значимости тех четырех «коннотаций», которые раскрывают логику гегелевской субъективности в гуманитарном дискурсе современности. «Термин «субъективность» обусловливает четыре коннотации: a) индивидуализм: в мире модерна своеобразие, сколь бы особенным оно ни было, может претендовать на признание; b) право на критику: принцип модерна требует, чтобы обоснованность того, что должен признать каждый, была для него очевидной; c) автономию дей-

ствия: времени модерна присуще, чтобы мы добровольно принимали на себя ответственность за то, что делаем; d) наконец, саму идеалистическую философию – Гегель рассматривает в качестве деяния модерна то, что философия постигает знающую себя идею» [16, с. 17]. Следует признать, что данные коннотации оказались востребованными не только философией XIX века, но и современным гуманитарным дискурсом XX века, что подтверждает значимость «принципа субъективности» как в гегелевском варианте, так и в более поздних интерпретациях [6; 13; 4].

Принцип субъективности Г. Гегеля оказался, по мысли Ю. Хабермаса, тем камнем преткновения, который «расколол модерн», обозначив пределы и границы такого типа философствования. Философия Г. Гегеля не могла выйти за границы проблем своего времени, преодолеть современность, используя имеющиеся дискурсивные практики, в том числе философские. В этом можно усмотреть своеобразную трагедию гегелевского мышления, самого видевшего очевидные «пределы» предложенного типа философствования. «Гегель составил свое представление о расколе модерна, и в нем сразу же проявилось все беспокойство, вся динамика модерна, подрывающие само это представление. Это объясняется тем обстоятельством, что Гегель мог критиковать субъективность только в рамках философии субъекта» [16, с. 47]. В качестве раскалывающей силы модерна для философии Г. Гегеля явилась необходимость поиска нормативных границ самого мышления. На тот момент в философии разрабатывались два варианта: «критический разум» И. Канта и «принцип субъективности» самого Г. Гегеля, реализующийся через методы философской рефлексии. Однако, по мысли Ю. Хабермаса, оба эти принципа не могли стать убедительными аргументами процесса «нормативизации» философского дискурса современности.

«Таким образом, философия Гегеля удовлетворяет потребность модерна в самообосновании, только обесценивая актуальность и притупляя критику. В конечном счете философия лишает собственную современность значения, разрушает интерес к ней, отвергает ее призыв к самокритичному обновлению. Проблемы времени теряют ранг провокаций, потому что философия, которая находится на высоте времени, постигла их значение» [16, с. 48]. Проблема отношений времени и философии, которая концептуализировалась Г. Гегелем через понятие современности (модерна), привела к парадоксальной ситуации: если философия хочет быть современной (актуальной), она не должна говорить о настоящем времени, о современности как таковой, в свою очередь современность всегда оказывается слишком «текучей», ускользая от философского дискурса в иные области. Ю. Хабермас назвал это обстоятельство гегелевской философии «обесценением актуальности».

«Философия не может учить мир тому, каким он должен быть; в ее понятиях рефлексируется только действительность, какая она есть. Она больше не обращается критически против действительности, а направляется против туманных абстракций, которые обретаются между субъективным сознанием и объективно оформленным разумом… Гегель увидел философию освобожденной от бремени задачи сопоставлять пустое, гнилое существование общественной и политической жизни с ее понятием. Этому притуплению критики соответствует обесценение актуальности, от которой отворачиваются служители философии» [16, с. 48–49]. Потеря актуальности для философии оказалась тем радикальным обстоятельством, которое требовало «переоценки ценностей» (в духе Ф. Ницше) самого философского дискурса. Речь даже не столько о необходимости обновления философского словаря, которая возникает при каждой смене гуманитарной парадигмы, сколько о проблеме институциональной включенности философии в современные процессы социальной и культурной жизни общества. Говоря другими словами, возникла проблема «топологической репрезентации философского дискурса», понимаемая как поиск философией своего места в современной гуманитарной культуре [3].

Закончить размышления о роли Г. Гегеля в становлении философии модерна и обосновании «современности философии» хотелось бы согласившись с оценкой Ю. Хабермаса: «Гегель – не единственный философ, который принадлежал времени модерна, но он первый философ, для которого модерн стал проблемой. В его теории понятийная констелляция – взаимное соотношение между модерном, осознанием данного времени и рациональностью – впервые стала очевидной. В конечном счете Гегель сам подрывает это взаимное соотношение, потому что рациональность, раздутая до абсолютного духа, нейтрализует условия, при которых модерн достиг самосознания. Гегель не разрешил проблему самоподтверждения модерна» [16, с. 49]. В этом смысле модерн поистине оказался «незавершенным проектом», реализация которого силами философского дискурса продолжалась в XX веке.

Современная философия, философия XX века, вынуждена учитывать те усилия, которые совершил Г. Гегель для придания философскому дискурсу статуса законодателя и нормативизатора в решении значимых социальных и культурных проблем современности, но нам представляется, что основным достижением современной философии является ее вполне осмысленный отказ от тотальных и потому «фатальных стратегий» (термин Ж. Бодрийяра) собственного позиционирования. Дискурсивный характер современного философского мышления позволяет ему реализовываться в самых разных, подчас маргинальных гуманитарных практиках и технологиях, при этом оставаясь той областью, в

которой единственно и рождаются «концепты», понимаемые в духе Ж. Делеза, как подлинные продукты философской работы [2].

Список использованных источников:

1. Бочковой Д. А. Проблема негативности Абсолюта в философии Гегеля // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 102–109.

2. Еникеев А. А. Методологические парадигмы исследования философского текста // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 16–23.

3. Еникеев А. А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 34–36.

4. Еникеев А. А. От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 9–12.

5. Ищенко Е. Н. Современность в предметном поле философии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2014. № 4. С. 17–26.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

7. Липский Е. Б. Феномен философии постмодернизма: его роль и значение в современном обществе // Философские науки. 2015 № 6. С. 87–96.

8. Мальцев Я. В. Концепт «современность» в философско-гуманитарном дискурсе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Выпуск 2. С. 136–142.

9. Маркова Л. В. Философия Г. В. Ф. Гегеля как философия духовного вызова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 148–159.

10. Павлов А. В. Философия постмодерна и популярная культура // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 206–214.

11. Плотников В. В. Философия времени как способ осмысления действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 228–229.

12. Савка А. В. Человек и общество в философии постмодерна // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 2 (50). С. 115–128.

13. Семашко И. М. Модерн и постмодерн как проекты европейской философии (в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида). Авто-

реферат дис. ... кандидата философских наук / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2011. – 18 с.

14. Фомичева Ж. Е. От модернизма к постмодернизму: некоторые аспекты смены литературно-художественной парадигмы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Выпуск 10. С. 160–169.

15. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

16. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. – 416 с.

УДК 930.1 ***Еремина Н.В.***

СПЕЦИФИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация: *В данной статье мы рассмотрим актуальную проблему, связанную с формированием исторической теории. Существенные различия создания теорий в разных областях научного знания требуют постоянного мониторинга, так как методология науки – сфера постоянно развивающаяся.*

Ключевые слова*: наука, история, теория, историческое познание, методология.*

Annotation*. In this article we will consider the actual problem associated with the formation of historical theory. Significant differences in the creation of theories in different areas of scientific knowledge require constant monitoring, as the methodology of science is a constantly developing area.*

Key words: *science, history, theory, historical knowledge, methodology.*

История занимала ведущие позиции в гуманитарном познании на протяжении XIX – XX вв.: будучи в европейской научной традиции парадигмальной наукой, генерируя достоверные знания о прошлом как историческом опыте, формируя основы исторического сознания [13, с.17–18]. Историческое познание искало истину, укрепляя историческую память и, как следствие, социальную уверенность. Поиск духовных опор, ориентиров сопровождает человечество на протяжении всех исторических процессов, переломных событий глобального, странового и национального масштабов. Каждый индивид, находясь в гуще событий, внутри исторических процессов, осознавая и представляя характер этих событий, обладает историческим сознанием. Одни представления,

моральные ценности, суждения сменяются другими. Одна истина – другой. Эти процессы в постоянном взаимодействии друг с другом призваны изучать две области знания: историческая наука и философия истории.

Философия истории, обосновывая и разрабатывая модели мышления истории, обращает их и к обывателю, и к ученому историку. Для обыденного сознания историческая память приоритетнее истины: память – избирательна. Поэтому в обыденной жизни обыватель ждет «правды». Для научного же знания истина важнее памяти. В этом обращении, на наш взгляд, возможно, вычленить два аспекта этом обращении: первый – гносеологический - которому отводится роль выяснения особенностей исторического познания – это теоретический фундамент науки о случившемся в смысле обнаружения системного единства событий на прочном основании праксеологической природы человека, опредметчивании в материальном сущности. Второй – определение характера исторического процесса - онтологический: диалектическое единство человека и природы. История как становление реальной действительности – без истории нет человека.

Л.Карсавин склонялся к трактовке предметной области философии истории в трояком смысле: прежде всего это предельные основания исторического бытия [10, с.6] – процесса проявления бытия вообще. Это познание оснований приводит к возникновению истории как науки – феномена, порожденного рациональной деятельностью человека, осмыслением историчности бытии: «Невозможно определить основоначала истории иначе, как через отношение их к основначалам бытия и знания вообще» [10, с.6]. Функциональная значимость истории как конкретного культурологического феномена – «значение и место исторического в целом мира» - второй аспект предмета философии истории [10, с.5]. Третий аспект – поиск смысла истории: имеет ли она целенаправленное движение или же спонтанна, телеологична или целесообразна?

Гегель отмечал: «Сознание как самосознание имеет отныне двойной предмет: один – непосредственный, предмет чувственной достоверности и воспринимания, который, однако, для самосознания отличается характером негативного, и второй – именно само себя, который есть истинная сущность и прежде всего имеется налицо только лишь в противоположности первому. Самосознание выступает здесь как движение, в котором эта противоположность снимается и становится для него равенством его с самим собой» [6, с. 94].

Решению вопросов, подразумевавших, что история обладает онтологическим качеством посвящала себя традиционная философия истории: вопросы о смысле истории, ее направленности, цели исторического процесса, о движущих силах истории и исторической необходи-

мости. И тут история представала как некоторая реальность, относительно которой и ставились эти вопросы. Это означало, что через призму исторического познания историю нужно только верно отобразить прошлое таким, «каким оно действительно было».

С развитием философской мысли в конце XIX и в XX в. постулат о том, что «история и есть реальность» был поставлен под сомнение и был подвергнут критике: «Не существует такой исторической реальности, которая была бы создана до науки и которую следовало бы просто верно воспроизвести», - пишет Р. Арон [3, с. 316]. Постмодернисткий вызов в историческом познании XX в. [20, с. 64] превратил историческую науку в мультипарадигмальную дисциплину: обилие школ, течений, методологий, и подходов оформили историческую науку в пеструю карту познавательной деятельности. Историческому знанию перестали доверять. Задаваясь вопросами цели, рассматривая историю как реальность, философия истории накопила серьезный багаж знаний. И сегодня актуально пересмотреть эти накопления под углом зрения того, что в нем устарело и должно быть отброшено, а что вполне работает и может быть сохранено.

Специфика теоретического знания в исторической науке уже долгое время является предметом спора между философами и историками. На первый взгляд, это сугубо методологическая проблема, однако, если понимать историческое знание как процесс и как результат, то возникают вопросы его образования, отношения к нему и его интерпретации.

К предмету этого спора возможно выделить два подхода. С одной стороны, история выступает как эмпирическая наука, теоретическое знание – прерогатива философии истории. Главный тезис здесь можно сформулировать перефразируя слова английского мыслителя Р.Дж. Коллингвуда: ученый оперирует абстрактными и обобщающими понятиями, не имеющими пространственно-временной привязки, историк всегда имеет дело с конкретным неповторимым и реальным фактом. Так К. Поппер считал, что история заимствует законы из других наук (социологии, психологии и т. д.), сама же история оперирует обыденными закономерностями, не имеющими познавательной составляющей.

С другой, история как часть науки способна сама формировать теорию. Сторонниками такого понимания истории как совокупности эмпирического и теоретического знания были, например, отечественные ученые М.А. Барг, Н.Г. Козин, А.С. Уйбо и другие.

В таком отношении к истории большую роль сыграл материалистический подход к историческому процессу. Одним из важнейших принципов исторического материализма является признание закономерностей общественного развития, а именно признание действия в обще-

стве общих, устойчивых, повторяющихся, существенных связей и отношений между процессами и явлениями [12, с. 118].

Можно выделить следующие причины, существование которых не позволяет говорить о теоретическом знании в науке:

1. История – это в значительной мере описательная дисциплина.

История не способная формировать общие понятия, так как каждое ее понятие – индивидуально. В.А. Лекторский писал о задаче историка: «Выявление фактов в их индивидуальности и в их неповторимой связи» [9, с.241]. Можно сказать, что история – наука об индивидуальном.

История часто отождествляется с «рассказом» о прошлом на основании исторических источников. Это рассказ как бы «самими участниками событий», поэтому история XIX века – это история политическая, в которой рассказывалось о деятелях, войнах, договорах и прочее. Простой пересказ источника не позволяет создать надиндивидуальное знание. Однако Генрих Риккерт утверждал, что как таковых «индивидуальных понятий» не существует. Всякое понятие, высказывающее что-нибудь о действительности, необходимо является уже значительным *упрощением* этой действительности. Описательный материал наука перерабатывает в абстрактные построения. Например, возьмем казалось бы индивидуальное понятие «государство Ватикан», в котором речь идет о конкретном государстве. Однако сначала надо определить, что такое государство, выявив соответствующие признаки, а потом понять, что в содержательном плане имеет ввиду историк: территорию, людей, влияние на окружающий мир и т.д.? То есть используя это понятие, историк имеет ввиду что-то абстрактное.

В современной исторической науке существование такого подхода определяется тем, что практически каждое историческое исследование достаточно узкотематическое. Однако невозможно исследовать историю без использования каких-либо обобщающих схем, концепций. Макс Вебер писал: «Если историк (в самом широком значении данного слова) отказывается от попытки формулировать такой идеальный тип, считая его «теоретической конструкцией», то есть полагая, что для его конкретной познавательной цели он неприемлем или не нужен, то в результате, как правило, оказывается, что этот историк, осознано или неосознанно, пользуется другими подобными конструкциями, не формулируя их в определённых терминах и не разрабатывая их логически, или, что он остаётся в сфере неопределённых «ощущений» [4, с.394]. Современный американский исследователь Коллинз согласен с Вебером: «Историки опираются на теории - знают они об этом или нет. Великим историком, работы которого привлекают внимание широких

кругов, делает способность создавать теорию, показывать более общую схему, скрытую под грудой рассказанных частностей» [9, с.85].

2. Предмет исторического исследования – прошлое, которое дано опосредованно через исторические источники, при таком временном интервале познать его объективно невозможно.

Историк не имеет возможность «быть очевидцем» изучаемых явлений, действительно, между исследуемым объектом и историком всегда есть определённая временная (либо еще и пространственная) дистанция, которая влияет на получаемое знание. Исследователь всегда имеет предпосылочное (предзнание) знание даже при непосредственном чтении первоисточников, то есть информация получается опосредованно, то есть уже используя в своей исследовательской деятельности своего рода методологические предпосылки. В физике, например, при исследовании микромира информация получается опосредованно, через сложный приборный комплекс, результаты исследования таким же образом потом интерпретирует автор. Иногда временная дистанция даже необходима и имеет положительное значение. Не имея временного интервала, исследователю сложно определить, какое событие значимо, а какое нет. Более того, историк всегда уверен, что событие или факт уже завершились, то есть его можно оценивать целиком как единое. Вот что пишет Н.Г. Козин: «Но именно благодаря прежде всего завершённости процесса развития объекта (то есть именно наличие временной дистанции, позволяющей увидеть законченность процесса – моя вставка) историк получает не только всестороннюю информацию о нём, но и нередко научно обоснованный предмет исследования» [11, с. 65].

3. Противопоставление истории естествознанию (еще неокантианцы разделили знание на науки о природе и науки о культуре). Еще в XIX веке позитивисты попытались свести науку к единому образцу, в качестве какого выступила физика. Но ряд наук невозможно «упаковать» в такие категории в силу их специфики (вариативность, невозможность только одного «единственного» решения), поэтому гуманитарное и естественнонаучное знание встали в оппозицию друг к другу. Генрих Риккерт замечал, что между естественными науками, поскольку они являются науками систематическими, и философией, которая точно также ищет системы, имеется гораздо больше чисто внешнего сходства, нежели между философией и историей, которая никогда не может стать систематической наукой [14, с. 137]. Историческая мысль о деятельности разума свободна от господства естественных наук и природы». История изучает сферу человеческого духа, где нет места законам, повторениям, а науки о природе «царство слепой необходимости, повторяемости и закономерности» [8, с.92]. Но ещё в начале XX ве-

ка Макс Вебер уже обратил внимание на «порочность» такого деления: «В наши дни неоднократно делалась попытка защитить своеобразие социальных наук посредством установления границ между ними и «естественными науками». При этом известную роль играла молчаливо принятая предпосылка, будто в задачу «истории» входит только собирание фактов или только чистое «описание»; в лучшем случае она якобы поставляет «данные», которые служат строительным материалом для «подлинной» научной работы. К сожалению, и сами историки в своём стремлении обосновать своеобычность «истории» как *профессии* немало способствовали предубеждению, согласно которому «историческое» исследование есть нечто качественно иное, чем «научная» работа, так как «понятия» и «правила» «не представляют интереса для историка» [4, с.417].

Если рассмотреть современную физику на современном этапе развития естественнонаучного знания, то понятно, что изучаются объекты, которые так же не имеют повторения, развиваясь во времени, от прошлого к будущему [11, с. 47]. Поэтому противопоставление сегодня истории (гуманитарного знания) и естествознания – это устаревшая позиция, в современной науке происходит процесс интеграции наук. Это выражается в «принципиальном единстве исследовательских методов» [11, с. 44]. Все области человеческой деятельности имеют общие моменты – одинаковые для всех идеалов научности характеристики: смежная методология, оформление результатов исследования в системном виде. Знание прошлого часто предстаёт как личностное понимание чего-либо, на основании которого и формируется представление об объекте. В естественных науках исследователь формирует знание об объекте.

Такое понимание познающего субъекта характерно для «классической» науки. Обосновывая прямую зависимость субъекта от степени развития научного знания, В.С. Стёпин пишет, что в историческом развитии науки, начиная с XVII столетия, возникли три типа научной рациональности и соответственно три крупных этапа эволюции науки, сменявшие друг друга в рамках развития техногенной цивилизации: 1) классическая наука (в двух ее состояниях, додисциплинарная и дисциплинарно организованная наука); 2) неклассическая наука; 3) постнеклассическая наука. Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки выступают в качестве разных типов научной рациональности, характеризующихся различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной дея-

тельности. Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций. Этот тип научной деятельности может быть представлен Схемой «А». Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). Этот тип научной деятельности можно изобразить Схемой «В».

Схема А:

Внутринаучные ценности и цели

S – Ср – [О]

Социальные ценности и цели

Схема В:

Внутринаучные ценности и цели

S – [Ср – О]

Социальные ценности и цели

Схема С:

Внутринаучные ценности и цели

[S – Ср – О]

Социальные ценности и цели

Где: S – субъект познания, Ср – средства операции, О – объект.

Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями. Этот тип научного познания можно изобразить посредством Схемы «С». Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы) [16, с.180-200].

Данное отношение «субъект-средства-объект» на всех трёх этапах развития научного знания применялось в первую очередь к естествознанию. Однако к гуманитарному знанию, к историческому такое отношение применить было нельзя, так как изначально процесс получения исторического знания связан с ценностными ориентациями субъекта познания. Только на постнеклассическом этапе субъект познания, со всем своим «ценностным» багажом стал учитываться при познавательной деятельности. Такой подход позволил говорить о возможности интеграции естественных и гуманитарных наук по принципу получения знания [11, с.44]. В этом случае субъект познания и при естественнонаучном, и при историческом познании вносит в равной мере в этот процесс свой ценностный мир.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. История не является только описательной наукой. Описание как один из элементов познавательной деятельности свойственно всем научным дисциплинам. История способна сама формировать общие понятия, но и заимствовать их из других наук.

2. Временная дистанция, разделяющая субъект и объект познания, свойственна многим другим наукам.

3. Противопоставление исторического знания естественнонаучному - искусственно, если рассматривать особенности формирования теории, то и там, и там действуют одни и те же принципы формирования теоретического знания.

Таким образом, те причины, на которые указывали как на основу отделения истории от теоретического знания, оказались свойственными и другим научным дисциплинам. В качестве итогового вывода можно привести слова М. Вебера о процессе исторического исследования: «Уже первый шаг к вынесению исторического суждения – и это надо подчеркнуть – являет собой, следовательно, процесс абстрагирования, который протекает путём анализа и мысленной изоляции компонентов непосредственно данного события (рассматриваемого как комплекс возможных причинных связей) и должен завершиться синтезом «действительной» причинной связи. Тем самым уже первый шаг превращает данную «действительность», для того чтобы она стала историческим фактом «фактом», в мысленное построение – в самом факте заключена, как сказал Гёте, «теория» [4, с.472].

Список использованых источников:

1. Алферов А.А. История как возникновение нового// Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 2.

2. Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. – М.: 1979.

3. Арон Р. Введение в философию истории. В: Р. Арон. Избранное: Введение в философию истории. М. - С-Пб.: ПЕР СЭ, Университетская книга, 2000.

4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

5. Вильчек Вс. Прощание с Марксом. (Алгоритмы истории). - М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1993.

6. Гегель Г Феноменология духа. СПБ.:Наука, 2002.

7. Гурьянова А. Н. Метод исторической науки: его сущность и функции. // Эмпирическое и теоретическое в гуманитарном познании. Межвузовский тематический сборник. Калинин, Издат. Калининского Гос. Универ., 1978.

8. Иоселиани А. Д. Место роль гипотезы в становлении современного научного знания. М., 1999.

9. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.

10. Карсавин Л. Философия истории М.: АСТ, 2007.

11. Козин Н. Г. Познание и историческая наука (Эмпирический и теоретический уровни

12. знания и познания и историческая наука). Саратов, 1980.

13. Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М.: «Российская Политическая Энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

14. Копосов Н.Е. Как думают историки? М., 2001.

15. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

16. Степин В. С. Елсуков А. Н. Методы научного познания. - Мн.: Вышейшая школа, 1974.

17. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992.

18. Тойнби А. Дж. Мир и Запад. В: А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис - Пресс, 2002.

19. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991.

20. Уваров М. С. Бинарный архетип // URL.: http://orel.rsl.ru.

21. Филюшкин А. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века//Россия XXI.2002.№4.

22. Швырёв В. С. Объяснение. // Новая Философская Энциклопедия в 4 томах. Т3. М.: Мысль, 2001., т. 3.

23. Швырёв В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М.: 1978.

24. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.

25. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998.

26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

УДК 141 ***Ерзаулова А.Г.***

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ К ПОСТМОДЕРНИСТИЧЕСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. *Глобализацию принято рассматривать как процесс формирования взаимозависимого мира в разных сферах, политической, экономической, информационной и правовой. Но часто забывают о том, что есть еще и обратная сторона, это процесс ослабления внутринациональных связей. В информационном поле этот процесс обернулся подменой традиционных национальных ценностей «вестернезацией».*

Ключевые слова: *глобализация, деконструкция, постмодернизм, вестернизация, трансгуманизм, роботизация.*

Annotation. *It is customary to consider globalization as a process of forming an interdependent world in various fields, political, economic, informational and legal. But often they forget that there is also a flip side, this is a process of weakening national ties. In the information field, this process turned into a substitution of traditional national values for «westernization».*

Keywords: *globalization, deconstruction, postmodernism, westernization, transhumanism, robotization.*

Современная элита на наших глазах пытается деконструировать социум, ссылаясь на стареющие основы эпохи демократического модерна. Процесс этот затронул все сферы жизни, но что настораживает более всего – образовательную сферу. Как пишет О.Четверикова в своей новой книге «Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар»: «То, что происходит в нашем обществе, можно понять только в свете тех глубоких глобальных перемен, которые стали следствием перехода мирового правящего класса к осуществлению полномасштабной технологической революции» [4, с. 3]

Поэтому наиболее актуальной проблемой сегодня является попытка осмыслить грамматику деконструктивизма.

Исследователи постмодернизма пытаются дать характеристику этой программе, вскрывая ее внутренние парадоксы: «Часто под декон-

струкцией понимается такое обращение с бинарными конструкциями любого типа (формально-логическими, мифологическими, диалектическими), при котором оппозиция разбирается, угнетаемый ее член выравнивается в силе с господствующим. Критики много спорили о том, удается ли Деррида «снимать» бинарные оппозиции западной культуры, или он лишь меняет знаки, эмансипируя униженные элементы оппозиций» [1, с.19]

Как известно, теоретиками технологии деконструкции, возникшей на основе аналитики постмодерна были Ж.Дерида, Д.Делез и Ж.Бодрийяр. Их идеи восприняли сегодня активные глобалисты, в целях перераспределения не только мирового геополитического пространства, но и социокультурного, касающегося гуманистической морали, которую они стремятся заменить «естественным рыночным отбором» [3, с.151]. Если теоретики модерна с уважением относились к исторической необходимости, то постмодернистическая эпоха демонтирует все знаковые системы, используя инструменты разложения, глумления и развоплощения. Методологической базой такого процесса является лингвистическая реформа Ф. де Соссюра, который провозгласил автономию знака, обозначающего, по отношению к референту – обозначаемому.

В таком процессе рыночные начала заменяют социальное, упраздняя все базовые ценности культуры. Новые собственники обратились к постмодернизму, оправдывая освобождение капитала от социальных и национальных обязательств. «Новейший капитализм поствеберовского образца, предпочитающий вкладывать деньги не в реальную экономику, а в акции краткосрочного спекулятивного капитала, вполне способен узнать себя в этой версии целиком «автономного», освобожденного от связи с реальностью знака [3, с. 154]. Такой тип экономики поддерживает новая элита, пропагандируя невмешательство государства в экономику и участвуя в разрушении национальных границ.

То, что было важно в эпоху модерна – возникновение коллективной идентичности, как нации, имеющей свое историческое предназначение, свой культ героев и свой суверенитет, в эпоху постмодерна подвергается полному переосмыслению, искажению и деконструкции.

Последователи глобализма сознательно стремятся унизить национальное самосознание, превращая героев в антигероев, заставляя стыдиться не только своей идентичности, но и связи с традициями предков и своей истории. Вместо коллективного национализма предлагается агрессивный индивидуализм, формирующий новых «граждан мира», свободных от национальных ценностей и культуры. Ч.Х.Кули описывает этот процесс таким образом: «Вместо того чтобы исходить в нашей социологии и этике из того, чем человек является на самом деле, как часть нашей интеллектуальной и моральной жизни, его невразумитель-

но, однако упорно считают материальным телом, куском плоти, а вовсе не идеальным образованием» [2, С.91-92]

Самая страшная реформа, которую произвели на свет глобалисты – это реформа в образовании. В первую очередь это вопрос освобождения образовательной сферы от ненужной, лишней теории и общекультурных базовых установок. Образование теперь приспосабливается к законам рынка: привилегированный класс получает хорошее образование за определенную плату, а все остальные, необходимый теоретический минимум знаний, выжатых из разных наук. Возможные перспективы для привилегированных слоев и бедного населения катастрофически различны и приводят к тому, что само понятие «нация» демонтируется из-за накопившихся противоречий. А ведь это единый народ, с единой исторической судьбой и историей.

Процесс, задействованный в образовательной сфере России, в первую очередь касается не столько новых технологий, сколько критических изменений в сознании людей и установлении новой формы контроля. В обучении происходит изменение стандартов мышления, поведения и пропаганда новых смыслов. Главная цель – разрушить традиционные образовательные системы, и создать новые – кастовые, для привилегированных слоев населения, и цифровые – для всех остальных. Кастовые школы ориентируются на Запад, а именно Англию, которая формировала свою элиту как расу господ, в этих школах используются совершенно другие методы. Новые информационные технологии влияют на все сферы жизни, в том числе и образовательную, подготавливая роботизацию человека.

Современные технологии, совершенствуя искусственный интеллект, упрощают человеческий, что приводит к культурной деградации. Все то, что было накоплено тысячелетиями, оказывается невостребованным. Рыночные отношения способствуют декультурации человека, используя капитал, как необходимое средство обогащения и прибыли, совершенно не заботясь о возвышении человеческого духа. Поэтому роботу можно присвоить права человека, а человека можно роботизировать при помощи определенных технологий, вследствие чего человек начинает деградировать, и его можно легко лишить человеческих прав, а искусственный интеллект становится носителем разума.

Таким образом, можно сказать, что элита, представленная сегодня буржуа-глобалистами извлекает прибыль, создавая новые потребности на незащищенных пространствах и лишенных прав социальных групп, надеясь обогатиться за счет их ресурсов. Основой власти представителей глобализации является деконструктивисткое отношение к ценностям, разрушение социокультурной среды. По мнению А.Панарина

единственно возможным оппонентом надвигающейся катастрофы может быть религиозный фундаментализм [3, с.185].

Сегодня как никогда назрела необходимость в реабилитации русской культуры, обращению и возрождению традиционных ценностей и культуры нашего народа.

Список использованных источников:

1. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.,2000, с.19

2. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.,2000, С.91-92

3. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. – М.,2005. – 188 с.

Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании // О.Н.Четверикова, М.; Книжный мир, 2018.с384, с.

УДК 17:316.3 ***Жукова О.И., Жуков В.Д.***

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СОЦИУМА СОВРЕМЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Аннотация: *Рассматривается проблема нравственных отношений в современном информационном обществе. Подчеркивается, что современный человек вынужден жить в эпоху максимального «отехничивания» информации, а отсюда в эпоху все большей подмены подлинного, естественно-непосредственного общения с личностным существованием человека общением сугубо техническим.*

Ключевые слова*: информационное общество, научно-технический прогресс, нравственные отношения, бытие личности, обезличенность.*

Abstract: *The problem of moral relations in the modern information society is considered and today scientific and technological progress has long entered its information phase of development. At this stage, not only did the previous paradoxes of his existence in the context of moral relations not be removed, but also acquired the most acute forms of his existence.*

Key words: *information society, scientific and technological progress, moral relations, being a person, impersonality.*

В разные эпохи нравственные отношения (даже тогда, когда они современниками не осознаются в качестве ведущих) всегда играют значительную роль, принимая самые различные формы и выступая в самых различных вариантах. К концу XIX в. и века XX – времени с определя-

ющим фактором научно-технического развития – характерно было осознание глубокого различия между научно-техническим и нравственным прогрессом (если последний вообще тогда был). Об этом говорили, например, русские иррационалисты (Л. Шестов и Н.Бердяев)[1], констатировал этот социальный феномен Ю. Хабермас и многие другие мыслители различных социально-философских воззрений. Здесь упомянутый разрыв не только фиксировался, но и осознавался как угрожающий симптом болезни современного человеческого бытия в целом.

Подобный философский пессимизм имел реальные основания и подтверждался самой практикой общественного существования. Реалии и последствия Первой и Второй мировых войн–наглядное тому подтверждение.

С другой стороны, уже тогда обозначилась проблема – проблема нравственных отношений в контексте научно-технического прогресса – в еще одном из вариантов своего существования– в фиксации потери своего «Я», в утрате личностного бытия в сопряжении с существованием бытия «Другого»[2.] Человеческий мир стал мыслиться, существовать не только в распаде «связи времен», но и в потере подлинной человеческой коммуникации. Это фиксировалось в искусстве (Ф. Кафка, Ф. Феллини и др.), философии (Ю. Хабермас) [5.]. Явно обозначалась проблема поисков утраченных связей как межличностного порядка, так и порядка надындивидуального глобального характера.

Если искать иллюстрации подобного феномена в философской рефлексии, то в качестве примера можно обратиться к концепции Н. Бердяева, который, как нам представляется, наиболее обостренно выразил подобную взаимосвязь человека и общества. В работе «О рабстве и свободе человека» русский мыслитель настаивает на полном противопоставлении человека и общества. Он придерживается идеи, что из всех форм рабства человека, наибольшее значение имеет рабство у общества. «Человек находится в дурной рабьей зависимости от общества и он сам создает эту зависимость, гипостазируя общество, создавая о нем мифы» [1.с.97] Человек живет как бы находясь под гипнотическим воздействием общества и ему трудно противостоять миру социума, потому что социальные мифологемы заставляют его поверить в то, что все, что есть у него, и в первую очередь состояние свободы, получено им исключительно от общества. «Общество как бы говорит человеку: ты мое создание, все, что у тебя есть лучшего, вложено мной и поэтому ты принадлежишь мне и должен отдать мне всего себя» [1. с. 87] Бердяев настаивает на необходимости человеком культивировать и сохранять свою самодостаточность и индивидуальность. Человек это не просто чистый лист бумаги, на котором социум прописывает определенные социальные нормы, неукоснительно принимаемые в качестве догм. Человек должен

развивать саморефлексию как норму нравственно-этического личностного бытия и, в этом контексте, соблюдать определенную дистанцию, не позволяющую ему полностью растворяться в социальных процессах.

На сегодняшний день научно- технический прогресс давно вошел в свою информационную фазу развития. На этой стадии не только не снялись предыдущие парадоксы его бытия в контексте нравственных отношений, но и приобрели наиболее острые формы своего существования. Теперь вряд ли кто-либо будет отрицать наличие глубокого, все увеличивающегося разрыва между развитием науки и техники, с одной стороны, и нравственности,– с другой. Более того, сегодня вряд ли кто не заметит появление и функционирование новых форм этого парадокса.

Мышление человека все более запутывается и затуманивается, вместо того, чтобы просветляться. Мозг людей получает различные антиномичные послания, которые усиливают состояние деструктивности и не дают возможности объективно, не предвзято оценить тот или иной объект. Различные информационные структуры борются за сознание людей, и человеку ничего не остается, кроме как ментально принадлежать тому или иному продукту, идеологии, политической партии, но никогда не принадлежать самому себе. Критически оценивая все то, что происходит с человеком в современном социуме, можно видеть насколько беззащитным становится его сознание перед состоянием социальной нестабильности и неопределенности, что проявляется в разнопорядковых дискурсивных практиках и ситуации когнитивного диссонанса. Современный человек находится в положении потери логических связей с окружающей реальностью, в силу того, что само общество демонстрирует взаимоисключающие, противоречивые варианты развития. Социальные институты, структуры, чья роль заключается в преодолении различного рода проблем, превращаются в институты их порождающие.

Живя в многомерном и крайне многообразном информационном пространстве современный человек не всегда ощущает на себе воздействие его, так сказать, интеллектуально - радиоактивного поля, которое охватывает все стороны бытия личности сегодня. От глобально - социальных процессов–до самых интимных. Человек воспринимает воздействие этого поля как норму своего существования, в значительной степени не осознавая последствий этого воздействия. И первое из них– все усиливающаяся тенденция обезличивания человеческого бытия с одной стороны, и, на этом фоне, потеря нравственных традиционных устоев,– с другой.

Мораль всегда предполагает осознание человеческих связей в обществе в целом и самих нравственных отношений в частности. Отсюда предполагает наличие саморефлексии личностного бытия. Но вот имен-

но это крайне трудно осуществимо в сложных перипетиях нынешнего информационного существования. Дело в том, что современный человек вынужден жить в эпоху максимального «отехничивания» информации, а отсюда–в эпоху все большей подмены подлинного, естественно- непосредственного общения с личностным существованием человека общением сугубо техническим. Как ни странно, это и является одним из следствий самого технического прогресса.

В свое время Э. Фромм[4] писал о потере, так сказать, контакта между воюющими сторонами в период Второй мировой войны. Он говорил о том, что английские и американские летчики, бомбардируя германские города, были максимально удалены от сущности выполняемого действия. Они просто нажимали на кнопку – и бомбы сыпались, тогда, как в предыдущую войну летчики воюющих сторон между собой сражались как на дуэли. Таким образом, уже более семидесяти лет тому назад складывался процесс «снятия реальности» в сознании человека техническим способом. Сегодня мы живем в эпоху завершения этого процесса «снятия». Человеческое бытие в целом все более становится надындивидуальным, все более обезличивается, а поэтому все более стремится к выходу в состояние, которое в свое время отметил Ф. Ницше: «По ту сторону добра и зла»[3].

Результат подобного воздействия оказывается амбивалентным: с одной стороны, налицо скептицизм и цинизм в отношении всего, с чем сталкивается индивид, с другой – наивное доверие ко всему, что говориться и предлагается. Подобное сочетание цинизма и наивности весьма типично для современного человека, результатом которого становится боязнь собственного мышления, ответственных самостоятельных решений и привычка скорее быть ведомым, чем самому вести.

На подобную тенденцию, происходящую с человеком в обществе, обращали внимание многие мыслители прошлого. В этом контексте сегодняшняя философическая конструкция не является совершенно новой. Но она заостряет внимание на сложностях выбора интеллектуально нравственной позиции личности в море полифонизма текущей информации. И в этом ее значимость.

Список использованных источников:

1.Бердяев Н. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии) – Париж.: YMCA-PRESS, 1939

2.Жукова О.И., Жуков В.Д. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности.// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. №29-1.

3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: Издательство АСТ , 2018

4.Фромм Э.Анатомия человеческой деструктивности.– М.: Республика,1994

5.Хабермас Ю. Понятие индивидуальности./ О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991

УДК 1: 316.776.4 ***Каримов А.Р.***

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ

Аннотация. *Статья посвящена внутрифилософскому общению и тем препятствиям, которые ему угрожают. Кажется, что одним из этих препятствий является саморефлексия философов о том, что сама философия оскорбительна и возможна только как оскорбление. Преодоление интеллектуальной дискриминации в философии связано с необходимостью критиковать интеллектуальное высокомерие и интеллектуальный снобизм.*

Ключевые слова: *философское общение, оскорбление, эпистемология добродетели, интеллектуальный снобизм, интеллектуальный шовинизм.*

Annotation. *The article is devoted to the intra-philosophical communication and those obstacles that threaten it. One of these obstacles seems to be the self-reflection of philosophers that philosophy itself is insult and is only possible as insult. Overcoming intellectual discrimination within philosophy is associated with the need to criticize intellectual arrogance and intellectual snobbism.*

Key words: *philosophical communication, insult, virtue epistemology, intellectual snobbism, intellectual chauvinism.*

Одним из препятствий необходимости становления культуры коммуникации и уважительного отношения внутри философии является саморефлексия у части философов, которая выражается в том, что такой диалог и уважительное отношение вовсе не рассматриваются как что-то желаемое или положительное, а даже наоборот. Мы полагаем, что подобная саморефлексия философов заслуживает серьезной критики. Примером в данном отношении выступает статья К. Мартынова «Философия как оскорбление» [5]. В своей статье К. Мартынов выдвигает два основных тезиса. Первый тезис состоит в том, что философия строится как оскорбление. Второй тезис, вытекающий из первого, состоит в том, что философия единственно возможна как оскорбление. Для демонстрации первого тезиса автор приводит различные примеры из истории фи-

лософии, когда философы демонстрировали неуважительное или оскорбительное отношение к публике или к друг другу. В качестве примера автор приводит киников, и прежде всего Диогена, который днем с фонарем искал человека, тем самым характеризуя своих сограждан как полуживотных, что тоже может рассматриваться как оскорбление. Помимо этого, в статье приводятся примеры прямой атаки и оскорбления философами друг друга, в частности высказывания Шопенгауэра о Гегеле. Таких примеров меньше. И наконец, приводятся примеры дисквалификации оппонента, т.е. когда философы по форме вежливо, но по существу издевательски рассматривали теории своих коллег. К таким примерам он относит статью Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» или известную работу А. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна».

Положения настоящей статьи заключаются в следующем. Поднята действительно заслуживающая внимания проблема. Речь идет о дисквалификации оппонента как приеме в философской дискуссии. На наш взгляд, именно дисквалификация оппонента является основным препятствием к философской коммуникации. Мы разберём основные формы, в которых осуществляется эта дисквалификация в современной философии. Мы выдвинем нормативный тезис о том, что для развития философского диалога необходимо преодоление интеллектуального шовинизма в философии, т.е. дискриминации по отношению к различным культурным, теоретическим и методологическим течениям внутри философии.

Что такое оскорбление? К. Бринев констатирует, что «в лингвистической экспертологии проблема квалификации оскорбления является, пожалуй, одной из самых неясных проблем» [1]. В русском языке «оскорблять» и «оскорбиться» означает «оскорбеть», т.е. опечалить, огорчиться. Аристотель в «Риторике» определяет оскорбление как гнев, сопровождающийся болью. Дж. Ноу в своей монографии «Философия оскорбления» [9] отмечает, что английское слово “insult” означает «атака», «нападение», «разновидность ущерба» (ср. русск. «инсульт»). В связи с этим определением возникает несколько вопросов, которые исследует в своей монографии Дж. Ноу: 1) в ком оскорбление: в том, кто оскорбляет или в том, кто оскорбляется? всегда ли оскорбление является намеренным? и более важное для нас 2) может ли истина оскорблять?

Что касается первого вопроса, то можно сказать, что вполне может быть так, что кого-то оскорбили, а он не оскорбился, и наоборот: кто-то оскорбился, хотя его никто не хотел оскорбить. Ноу различает между просто чувством оскорбленности и релевантным чувством оскорбленности. Предположим, что кто-то является настолько «тонкокожим», что

простое замечание рассматривает как оскорбление. Однако есть вещи, которые мы «вправе» ожидать в отношении себя от родных, друзей, знакомых или незнакомых в соответствии с правилами этикета. В этом случае оскорбление можно определить как отрицание подобающей чести. Например, звонок по телефону в два часа ночи от незнакомого человека или нарушение этикета приветствия между подчиненным и начальником вполне заслуженно могут рассматриваться как релевантное оскорбление. Но даже в этом случае это еще может не повлечь за собой чувство оскорбленности, если сам человек не желает оскорбиться, хотя и имеет на это право. Возможно, он просто в данный момент в хорошем настроении или не сочтет нужным предавать этому какое-то значение. Тем не менее, как остроумно отмечает Ноу, оскорбляются чаще, чем оскорбляют. Это означает, что люди готовы оскорбляться чаще, чем их на самом деле оскорбляют.

Может ли истина быть оскорбительной? Дж. Ноу полагает, что ответ на этот вопрос зависит от того, кто и в какой форме ее излагает [9, с. 17-18]. Допустим, что некто говорит человеку с избыточным весом (выше медицинской нормы), что он толстый. Является ли это истиной? Да. Будет ли это оскорблением? Это зависит от того, кто это говорит и при каких обстоятельствах. Очевидно, что оклик «Эй, толстый!» (и тем более «Эй, жирдяй!») на улице от незнакомого человека будет считаться оскорблением. С другой стороны, если близкий человек тактично сообщает ему о том, что у него излишний вес и беспокоясь о его здоровье, советует ему сесть на диету или пойти в спортзал, то такое обращение скорее всего не будет воспринято как оскорбление, в крайнем случае оно будет воспринято как назойливое вмешательство в личную жизнь (что для близкого человека вообще-то простительно). Таким образом, даже истина может быть оскорбительной, если она не преподносится в надлежащей форме в ненадлежащем случае ненадлежащим лицом.

Интеллектуальный шовинизм. Классификация форм интеллектуальной дискриминации в философии. К. Мартынов пишет: «Философ, желающий оскорбить другого философа, применяет хитроумную тактику. Философу следует утверждать, что другой философ не является настоящим философом, потому что он мыслит иррационально, и следовательно, его философский проект не является интеллигибельным. Коротко, для того чтобы оскорбить философа, ему нужно отказать в мышлении, удовлетворяющем парменидовскому принципу тождества бытию. Тот, чья мысль лишь скользит по видимостям, не является философом» [5]. Я считаю, что это наиболее распространённая форма интеллектуального оскорбления в философии. Важно отличать эту форму от прямого оскорбления личности (argumentum ad personam). Здесь скорее имеет место известный софистический прием «отравление колодца»,

форма дисквалификации оппонента. Вместо того, чтобы содержательно критиковать взгляды того или иного философа, он просто объявляется не-философом, ненастоящим, неподлинным философом.

Я считаю, что такой ход в аргументации является проявлением интеллектуального высокомерия и интеллектуального снобизма. Высокомерие можно определить как следующую установку: я в чем-то превосхожу других, и это дает мне право относиться к ним без уважения: «Я выше тебя, следовательно, я имею право». «Высокомерие становится интеллектуальным, если права, которые приписывает себе человек, происходят из его интеллектуальных способностей и относятся к познавательной деятельности. Снобизм – это диспозиция к ассоциации с теми, кто занимает более высокий социальный статус, и отказ общаться с теми, кто занимает более низкий социальный статус» [3, с. 293]. Интеллектуальный снобизм проявляется принижении ко всем, кто не представляет ту же интеллектуальную школу, или интеллектуальное движение, что и ты.

Я предлагаю называть философским шовинизмом любое высказывание вида: *x* – есть подлинная (настоящая, истинная) философия или *x* – есть истинный (подлинный, настоящий) философ.

Выделим четыре основных формы философского шовинизма: 1) дисциплинарный; 2) внутридисциплинарный; 3) межшкольный; 4) внутришкольный.

Под дисциплинарным шовинизмом мы понимаем такой взгляд, который считает, что только определенная философская дисциплина является «подлинной», «настоящей» философией. В западноевропейской философии в качестве такой дисциплины, «философского прототипа» долгое время считалась метафизика (онтология). Г. Майоров выражает такое мнение, когда пишет: «Подлинной философией мы считаем ту философию, которая соответствует своей первоначальной идее, открытой Пифагором, разработанной Сократом и окончательно проясненной и реализованной Платоном. В этом смысле всякая подлинная философия есть платонизм» [4, с. 68]. Выразителями этой главной, или «софийной», линии в философии он называет великих метафизиков от Платона до Гегеля. Причем уже Аристотель, по мнению Майорова, является отходом от этой «изначальной» линии, поскольку его интересовала не София, а эпистеме, т.е. природа точного, научного знания. Поэтому в статусе «подлинного философа» ему отказывается. В современной философии такая дискриминация проявляется в отказе в статусе «философских» таким дисциплинам, как гендерная философия, медиафилософия и даже социальная философия, которая, например, отсутствует в перечне философских дисциплин в некоторых американских учебниках по философии. Примером такого подхода является рассмотрение фигуры Маркса –

величайшего философа XIX века – как прежде всего социолога или экономиста.

Вторая форма интеллектуального шовинизма в философии – внутридисциплинарный шовинизм. В рамках какой-то дисциплины утверждается, что может считаться этой дисциплиной, а что нет. Например, в метафизике утверждается, что является настоящей метафизикой, а что – нет; в эпистемологии – что является настоящей эпистемологией, а что – нет, и т.п. Например, разграничение «бытия» и «сущего» у Хайдеггера, разведение метафизики и онтологии уже само по себе есть дискриминация определенного типа метафизики. Ведь в результате этого разграничения большая часть того, что традиционно считалось метафизикой, объявляется «неподлинной», «ненастоящей» метафизикой. Не говоря уже о том, что сегодня считается метафизикой за Атлантическим океаном. Характерными являются даже сами названия произведений Хайдеггера: «Что такое метафизика?», «Что зовется мышлением?». В этом смысле название работы «Как я понимаю философию?» М.К. Мамардашвили говорит нечто об интеллектуальной скромности автора. Примеры подобного отношения можно привести и из области теории познания. Так, например, Поппер фактически отрицает принадлежность к области эпистемологии таких авторов, как Декарт, Кант или Рассел, поскольку они не разделяли его бессубъектное понимание знания. В работе «Объективное знание» Поппер презрительно называл Декарта, Локка, Беркли, Канта и Рассела «философами мнения» (belief) за то, что последние «занимались исследованиями наших субъективных мнений, их оснований и происхождения» [6, с. 109]. Единственно научной эпистемологией им объявляется эпистемология без субъекта знания, а эпистемологии с субъектом знания вытесняются в область психологии и т.д.

Третья и наиболее часто встречающаяся форма интеллектуального шовинизма – это межшкольный шовинизм. Некоторая философская школа объявляется «подлинной философией», а все остальные направления лишаются этого статуса. Примером здесь является взаимное неприятие между современной континентальной и аналитической философией. Континентальные философы обвиняют аналитиков в логико-лингвистической схоластике, в «ковбойском» стиле философствования, когда оппоненты «выстреливают» друг в друга бесконечными аргументами и контраргументами. Аналитические философы обвиняют континентальных в отсутствии ясности, неправомерном использовании научной терминологии (Сокал и Брикмон) и даже буквально в бессмыслице (Витгенштейн, Карнап). Н. Хомский называл французскую философию «дешевой и продажной» [7, с. 310.]. Известность получило открытое письмо ведущих аналитических философов против присуждения Дерри-

да степени почетного доктора Кембриджского университета, поскольку его философия не соответствует стандарта «ясности и строгости» [8]. В ходе известной полемики Серла и Деррида по поводу теории речевых актов Дж. Остина Сёрл обвинил своего оппонента в «обскурантизме», а тот в ответ обвинил Сёрла в «поверхностности».

Четвертый тип интеллектуальной дискриминации, который мы предлагаем выделить, это внутришкольный шовинизм. Речь идет о том, что внутри определённого философского течения или учения конкретного философа устанавливается некоторый канон, которому должны следовать все сторонники этого направления или интерпретаторы данного философа. Российским философам хорошо знакома полемика по поводу того, какой Макс является аутентичным: Маркс периода «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» или поздний Маркс? Последователи Витгенштейна спорят о том, какая его интерпретация является аутентичной: позитивистская или мистико-метафизическая. Какой феминизм является подлинным или неподлинным? Автор этих строк в студенческие годы был свидетелем полемики двух философов о том, был ли Кант материалистом или идеалистом. И я помню, что еще тогда я был поражен тоном этой дискуссии. Оппоненты обвиняли друг друга просто в «неспособности понять» сочинения философа, поскольку если бы люди поняли их «подлинный смысл», то все, конечно, согласились бы с отстаиваемой ими точкой зрения.

Безусловно, эти споры будут продолжаться, пока будет продолжаться философия. Но философы должны осознать, когда их позиция становится интеллектуально шовинистической, высокомерной, снобистской и дискриминационной по отношению к другим философским точкам зрения. Факт состоит в том, что философам в своих дискуссиях следовало бы проявить гораздо больше интеллектуальной скромности и интеллектуального смирения.

Заключение. Проблема культуры философского диалога, в отличие от научного, состоит в том, что философы как правило находятся между собой в состоянии глубокого разногласия. С точки зрения теории аргументации, все разногласия можно условно разделить на две группы [2]. В первую группу входят те типы разногласий, которые могут быть относительно легко устранены указанием на какой-то конкретный факт. Например, если у нас с другом есть разногласие по поводу того, составляет ли счет за обед меньше 100 долларов, то это разногласие легко устранить, если мы просто внимательно вместе изучим чек. Такого типа разногласия обычно не приводят к конфликтам и быстро разрешаются. Другой тип разногласий касается не фактов, а способов установления фактов, и соответственно, убеждений по поводу фактов, которые установлены такими способами. Последний тип исследователи называют

«глубоким разногласием» (deep disagreement). Проблема с глубоким разногласием состоит в том, что из-за того, что оппоненты не могут найти общего критерия для разрешения спора, они прибегают к оскорблениям, дисквалификации оппонента и другим нарушениям аргументативной этики. Именно это является фундаментальной основой для культуры оскорбления в философии, о которой говорит Мартынов и той философской дискриминации и интеллектуального шовинизма, о которых мы говорим в настоящей статье. Выходом из этой ситуации должно быть более широкое обсуждение качества аргументативной этики. Даже сам тот факт, что некоторую эпистемическую установку мы обозначаем как интеллектуально добродетельную или интеллектуально порочную (снобистскую, шовинистическую) уже есть первый шаг к созданию возможности философского диалога между различными традициями и направлениями.

Список использованных источников

1. Бринев К.И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Юрислингвистика. № 1 (11), 2011 С. 330-338
2. Каримов А.Р. Глубокое разногласие и аргументативные добродетели // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 15–20.
3. Каримов А.Р. Сущность и роль интеллектуальных добродетелей в познавательном процессе: диссертация на соискание ученой степени д.филос.н.: специальность 09.00.01. / А.Р. Каримов. Казань, 2018. – 415 с.
4. Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. Изд. 3-е. – М: Либроком, 2012. – 416 с.
5. Мартынов К. Философия как оскорбление // Отечественные записки. № 6 (63), 2014. [Электронный ресурс]: www.strana-oz.ru/2014/6/filosofiya-kak-oskorblenie. Режим доступа: свободный.
6. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Перевод с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
7. Chomsky N. Language and Politics. Ed. by C. P. Otero, 2004.
8. From Professor Barry Smith and others. [Электронный ресурс]: http://ontology.buffalo.edu/smith/varia/Derrida_Letter.htm Режим доступа: свободный.
9. Neu J. Sticks and Stones. A Philosophy of Insult. Oxford University Press, 2009.

УДК 159.95 – 057.875 ***Кондрашихина О.А.***

КОГНИТИВНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ИТУАЦИЙ БУДУЩИМИ ПСИХОЛОГАМИ

Аннотация. *Представлены результаты анализа категории «неопределенность» в философских и психологических исследованиях, приведены результаты эмпирического исследования когнитивного оценивания неопределенных ситуаций студентами-психологами. В рамках эмпирического исследования использованы анкетирование и ассоциативный метод. Анализ ответов респондентов показал, что основными критерия когнитивного оценивания неопределенной ситуации являются - непредсказуемость, множественность исходов, появление новых возможностей, недостаточность информации, противоречивость информации.*

Ключевые слова: *неопределенность, психолог, категоризация, когниция.*

Annotation. *The results of the analysis of the category of "uncertainty" in philosophical and psychological studies are presented, the results of an empirical study of cognitive assessment of uncertain situations by psychology students are presented. An empirical study used questionnaires and an associative method. The analysis of respondents' answers showed that the main criteria for cognitive assessment of an uncertain situation are unpredictability, multiplicity of outcomes, the emergence of new opportunities, insufficient information, and inconsistency of information.*

Keywords*: uncertainty, psychologist, categorization, cognition.*

Анализируя эволюцию современного общества, Ю.Хабермас определяет его как общество особого типа. «Современность уже не получает от предыдущих эпох образцы для ориентации и задаваемые ими масштабы. Она представлена исключительно самой себе и должна черпать свою нормативность из самой себя» [Цит. по 7, с. 62]. Современный мир содержит высокую степень неопределенности, изменчивость, динамичность, нестабильность в качестве основных своих характеристик. «Спонтанность повседневности» (Б.Вальденфейс [4]) становится неизменным атрибутом реальности. И как бы ни стремился современный человек снизить давление неопределенности, какие бы технологии не использовал, ему не удается в полной мере элиминировать неопределенность, являющуюся имманентной характеристикой человеческого бытия. Остаточная неопределенность в разнообразных своих видах (достаточно точно прогнозируемее будущее, альтернативные варианты будущего, диапазон возможных вариантов, полная непредсказуемость)

продолжает влиять на процесс и характер принимаемых личностью решений . Главными факторами успешной адаптации и выживания человека в современном мире становится постоянная готовность к переменам и способность к конструктивной активности в ситуациях неопределенности.

Такая оценка современности позволяет говорить о формировании новых техник мышления, необходимых личности для успешной адаптации. Они базируются на несколько иных когнитивных способностях личности, нежели техники традиционного мышления, а именно – на способности видеть нетипичное, непредзаданное в явлениях, процессах и событиях, акцент на необычных, неопределенных, неоднозначных, отличных от стереотипных, явлениях действительности.

Ясперс подчеркивал эту особенность мыслительного процесса: «Даже если мы сознательно выберем новые техники мышления, неожиданно можно увидеть цепляние за наши старые привычки мышления, которые неожиданно заставляют нас мыслить по-старому, даже если мы уже преодолели это в нашем сознании» [9, с. 94]. Коммуникативная рациональность в интерпретации Ю. Хабермаса – это тот тип рациональности, без которого немыслимо адаптация человека к современному миру с высокой долей неопределенности [8].

Цель статьи – изучить особенности когнитивного оценивания неопределенных ситуаций студентами-психологами. Гипотезой исследования послужило предположение о большом сходстве научных и имплицитных представлений о неопределенности

Анализ проблемы. Дефиниция «неопределенность» неоднократно становилась предметом рассмотрения философов, психологов, социологов и является, по сути, междисциплинарной единицей научного анализа. Часто дефиницию неопределенности используют в качестве синонима для обозначения неясности, двусмысленности, риска. Приведем базовые определения неопределенности, используемые в научных работах за период с 1960 по 2013 годы.

S.Budner [13] рассматривал неопределенную ситуацию как ситуацию, которая не может быть адекватно структурирована или категоризована индивидом в связи с недостатком информации. Существует три типа таких ситуаций: 1) совершенно новая, в которой нет привычных знаков, 2) сложная ситуация, где есть значительное число сигналов, которые необходимо брать в расчет или 3) противоречивая ситуация, в которой различные элементы или сигналы предполагают формирование различных структур. Иначе говоря, это ситуации, характеризуемые новизной, сложностью, или неразрешимостью. D.E.Berlyne пишет, что неопределенность присутствует в ситуации, когда: 1) любая из ряда альтернатив возможна; 2) относительно конкретного момента времени не-

известно, какая альтернатива осуществится; 3) вероятности и частота альтернатив равны. Неопределенность будет возрастать с увеличением числа альтернатив и с приближением к равенству в вероятностях альтернатив. Неопределенность связана с неожиданными, комплексными и противоречивыми стимулами [12].

J. Thompson [22] описывает давление неопределенности как неспособность личности действовать детерминировано из-за отсутствия понимания причинно-следственного соотношений. S.R. Berger и R.J.Calabrese говорят о неопределенности в ракурсе теории коммуникации [11]. Они подчеркивают, что неопределенность - это «ряд способов, которыми может действовать каждый из взаимодействующих субъектов» [11, с. 100]. В момент наивысшего уровня неопределенности субъекты будут иметь минимальную способность предсказывать поведение или события. В процессе взаимодействия индивиды сталкиваются не только с проблемой предсказания настоящего и прошлого поведения, но также пытаются объяснить, почему другие ведут себя определенным образом. Таким образом, речь здесь идет об альтернативах поведения и непредсказуемости действий других людей, неизвестности их причин, а непредсказуемость называется как основная характеристика неопределенной ситуации.

Anderson B. F., Deane D. H., Hammond K. R., McClelland G.H. трактуют неопределенность как ситуацию риска, в которой 1) принимающий решение не имеет сведений о том, что произошло или произойдет, 2) принимающий решение знает только вероятность возможного развития событий [10]. Humphreys P., Berkeley D. описывают неопределенность как отсутствие точного знания относительно одного или нескольких пунктов из перечисленных: последствия событий, последствия данных последствий, значение последствий; соответствующего процесса принятия решения; будущие предпочтения и действия; способность влиять на будущие события [20]. K.R.MacCrimmon, D.A.Wehrung в контексте неопределенности говорят о значимости роли и вероятности потерь в ситуации выбора [21]. Hogarth R.M. трактует неопределенность как неоднозначность - ambiguity - отсутствие точных знаний о вероятности наступления определенных событий [18]. Galbraith J. рассматривает ее как различие в количестве информации - необходимой и имеющейся [16].

В концепции Leon Festinger неопределенность можно рассматривать как своего рода когнитивный диссонанс. Автор выделяет три типа отношений между когнициями: консонантные (когда они находятся в равновесии друг с другом), диссонантные (когниции противоречат друг другу) и иррелевантные (не влияют друг на друга). Последние 2 типа отношений и могут детерминировать ситуацию неопределенности [23].

В фокусе внимания Cathy Fisher находится неопределенность внешней среды. Она рассматривает следующие ее трактовки: 1. недостаток информации о факторах, связанных с данной ситуацией принятия решения. 2. Неизвестность результата (каковы потери в случае неверного решения). 3. Неспособность определить, как внешние факторы будут влиять на успех или неудачу решения в процессе его реализации [14].

Кроме того, в современных исследованиях наблюдается разделение двух оттенков значения неопределенности: «неясность», «неопределенность» (uncertainty) и «неопределенность, двойственность» (ambiguity). Ambiguity - неопределенность «здесь и теперь», заданная недостатком информации, сложностью, новизной или неоднозначностью имеющейся ситуации, тогда как uncertainty - неопределенность будущего, связанная со сложностью построения прогноза)– Grenier S., Barrette A.-M., Ladouceur R. [17], Бутенко Т.П. [3], Лихачева Е.Ю. [5]. Соответственно, ученые рассматривают нетерпимость к неясности и нетерпимость к двойственности в рамках изучения нетерпимости к неопределенности. Несмотря на то, что в большом количестве исследований оба термина используются синонимично, обнаруживается разница смыслов.

В научных исследованиях существуют следующие подходы к пониманию неопределенных ситуаций: 1) как ситуаций с неизвестными переменными (Леонтьев Д.А.) и относительной неизвестности того, что будет происходить, 2) как ситуаций, характеризующихся наличием неполной информации относительно происходящего здесь и сейчас в условиях необходимости принятия решения, (Е.П.Кринчик), 3) как ситуации, которые в субъективном осознании индивида строго не детерминированы ни в способах решения, ни в искомом результате (Е.А.Лустина), 4) как ситуации смыслового абсурда (Н.В.Зоткин Н. В.), как ситуации принципиальной неизвестности будущего (Г.М.Льдокова), 6) как ситуации двойственности, противоречивости и бессвязности поступающей информации и др. [3].

Когнитивное оценивание ситуации - «субъективная представленность картины ситуации в индивидуальном сознании» (Л.Ф.Бурлачук) [2]. Л.И.Анцыферова характеризует данный процесс как распознавание особенностей ситуации, выявление негативных и позитивных её сторон, определение смысла и значения происходящего и указывает на значимую роль способности к оценке ситуации, от которой зависит адекватный выбор стратегий преодоление. Если субъект расценивает ситуацию как подконтрольную, то он склонен применять для ее разрешения конструктивные копинг - стратегии [1].

Методика исследования. Для исследования особенностей когнитивного оценивания неопределенных ситуаций проводилось пилотажное анкетирование (респондентами выступили студенты-психологи Сева-

стопольского государственного университета, всего 52 человека). Целью анкетирования явилось выявление неопределенных ситуаций, категоризуемых как трудные, определение репрезентативного основания для их классификации и эмпирическое выделение критериев оценивания.

Результаты исследования. В результате анкетирования были получены следующие данные. Среди ассоциаций, связанных с восприятием неопределенной ситуации, преобладают два блока ассоциаций. Первый блок акцентирует понимание неопределенности как ситуацию недостаточности, неясности, противоречивости информации. Второй блок ассоциаций связан с подчеркиванием эмоционально-негативного фона ситуации неопределенности. Анализ ответов респондентов показал, что основными критерия когнитивного оценивания неопределенной ситуации являются – непредсказуемость, множественность исходов, появление новых возможностей, недостаточность информации, противоречивость информации.

Согласно ответам респондентов, типичными видами копинга в ситуации неопределенности для них являются – 1) эмоциональная регуляция, 2) пассивное ожидание, 3) обращение за помощью, 4) принятие решений и совершение действий, 5) уход от проблемы - то есть, присутствуют как конструктивные, так и неконструктивные стратегии совладания. Несмотря на значительную долю неконструктивных стратегий совладания (уход от проблемы, пассивное ожидание), лишь 27% испытуемых ответили, что их действия в ситуации неопределенности могли бы быть более эффективными.

Анализ ответов респондентов позволил составить типологию неопределенных ситуаций, воспринимаемых испытуемыми как трудные, эмоционально негативные. Среди таких ситуаций респонденты называли неопределенность отношений с детьми и родителям (24% анкет), партнером (15%), неопределенность будущего (15%), ситуации выбора, неструктурированных требований руководства и преподавателей, угрозы жизни и здоровью детей (7% анкет). В ходе обработки данных анкетирования были выделены критерии категоризации неопределенной ситуации как трудной ситуации: эмоциональное беспокойство (55% от общего числа ответов), беспокойство за будущее (29%), экзистенциальная нагруженность (25%), сложности принятия решения (20%), выбор и отказ от чего-то (15%), неподконтрольность ситуации (13%), угроза благополучию (12%), затруднения в прогнозировании (6%), оценка собственных знаний и опыта как недостаточных (6%). То есть, неопределенные ситуации, которые связаны с экзистенциальной нагруженностью и неопределенностью в будущей жизни субъекта вызывают негативные эмоции и классифицируются как трудные.

Обобщение результатов экспериментального исследования позволяет сделать следующие выводы. Испытуемые понимают ситуацию неопределенности как ситуацию недостаточности, неясности, противоречивости информации либо ситуацию моральной дилеммы, выбора, принятия решения. Основными критериями когнитивного оценивания ситуации как неопределенной являются - непредсказуемость, множественность, появление новых возможностей, нехватка и противоречивость информации. Неопределенная ситуация категоризуется испытуемыми как трудная в случае, если она связана с эмоциональным волнением, беспокойством за будущее, является экзистенциально нагруженной, сопрягается с принятием сложных решений, выбором и отказом от каких-то возможностей, ощущением недостаточности собственных знаний и опыта, неподконтрольна и сложно контролируема.

Список использованных источников:

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. - С.3 – 18.
2. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. - № 1. – С.5 – 17.
3. Бутенко Т.И. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук/ Бутенко Т.И. - Москва, 2009. – 278 с.
4. Вальденфейс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Бернхард Вальденфейс // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. - С. 39-50.
5. Лихачева Е.Ю. Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) / Лихачева Е.Ю. // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психологические науки». – М., 2010. – № 3. – С. 22-32.
6. Луковицкая Е.Г. Феномен неопределенности в психологии// Тезисы научно-практической конференции «Психология: итоги и перспективы» – 1996. – С.32-33.
7. Навроцкий А. И. Высшая школа: теория и практика модернизации / А. И. Навроцкий. – Харьков : Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, 2007. – 196 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действи / Ю. Хабермас ; [пер. с нем., послесл Б. В. Марков; под общ. рук. С. В. Шачин; пер. под рук. Д. В. Скляднев]. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.
9. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. — Москва: Практика, 1997. — 1056 с.

10. Anderson B. F. Concepts in judgment and decision research: Definitions, sources, interrelations, comments / Anderson B. F., Deane D. H., Hammond K. R., McClelland, G. H - New York: Praeger, 1981. – 345 p.

11. Berger C.R. Some explorations in initial interaction and beyond: Toward a developmental theory of interpersonal communication [electronic resource] / C.R.Berger, R.J.Calabrese // Human communication research. - 1975. - Vol. 1. P.100.URLhttp://en.wikiboolcs.org/wiki/Communication_Theory/Uncertainty_Reduction (дата обращения: 03.04.2019).

12. Berlyne D.E. Structure and direction in thinking / Berlyne D.E. - New York. London. Sydney: John Wiley & Sons, Inc., 1966. - 378 p.

13. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable / Budner S. // Journal of personality. - 1962. - Vol. 30. No. 1. - P. 29-50.

14. Festinger L. A theory of cognitive dissonance / Festinger L. - Stanford, CA: Stanford University Press, http://books.google.com.ua/books?id=voeQ-8CASacC&printsec=frontcov

15. Fisher C. The impact of perceived environmental uncertainty and individual differences on management information requirements: a research note //Accounting, organizations and society. 1996. Vol. 21, No. 4. R 361-369.

16. Galbraith J. Designing complex organizations / Galbraith J. - Reading, MA: Addison Wesley, 1973. - P. 1 – 21.

17. Grenier S. Intolerance to uncertainty and intolerance to ambiguity: similarities and differences / Grenier S., Barrette A., Ladouceur R. // Personality and individual differences. – 2005. - Vol. 39. - P. 593-600.

18. Hogarth R. M. The psychology of judgment and choice / Hogarth R. M. - San Francisco, CA: Jossey Bass, 1987. – 311 p.

19. Hogarth R. M. Decision-making under ignorance: Arguing with yourself / Hogarth R. M., Kunreuther H. // Journal of Risk and Uncertainty. – 1995.- №10. – P. 15–36.

20. Humphreys P. Handling uncertainty: levels of analysis of decision problems, in Behavioral decision-making / Humphreys P., Berkeley D. – Ed. in G. Wright, New York: Plenum Press, 1985. - P.257 – 282.

21. MacCrimmon K. R. Taking risks / MacCrimmon K. R., Wehrung D. A.- New York: Free Press, 1986. - P. 400.

22. Thompson J. Organizations in action / Thompson J. - New York: McGraw Hill, 1967. – 192 p.

УДК [37.035.6:316.647.5]-057.875 ***Кемалова Л.И.***

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Аннотация. *В статье подчеркивается, что в условиях полиэтничности Крыма проблема формирования этнической толерантности особенно актуальна. В рамках системы высшего образования этнокультурная толерантность является важной составляющей профессиональной компетенции. Будущие специалисты должны интегрироваться в полиэтническое общество, имея навыки межэтнического взаимодействия, готовность к межэтнической коммуникации. Дана характеристика педагогических условий формирования этнической толерантности у студентов вузов, на примере работы с курсантами морских вузов.*

Ключевые слова: *толерантность, этническая толерантность, профессиональная компетенция, система образования, полиэтническое общество*

Annotation. *The article emphasizes that in the conditions of the multi-ethnic Crimea, the problem of the formation of ethnic tolerance is especially relevant. Within the framework of the higher education system, ethnocultural tolerance is an important component of professional competence. Future specialists should integrate into a multiethnic society, having the skills of inter-ethnic interaction, readiness for interethnic communication. The characteristic of pedagogical conditions for the formation of ethnic tolerance among university students is given, using the example of work with cadets of maritime universities.*

Keywords*: tolerance, ethnic tolerance, professional competence, education system, multi-ethnic society*

Одной из характерных черт развития современного поликультурного, полиэтнического общества становится распространение различных форм проявления нетерпимости, этнофобии. Неприятие культуры других народов, шовинизм, национализм со всеми вытекающими из них последствиями блокируют развитие позитивных социальных тенденций, создают угрозу социального взрыва. Наиболее уязвимой и подверженной влиянию различных антисоциальных настроений является молодежь. Будучи нестабильной социальной группой (в силу переходности своего статуса - от детства взрослости, неустойчивости мировоззренческих установок, несформированности ценностных ориентиров), молодежь имеет огромный протестный потенциал, который используют в своих интересах различные организации асоциального и антисоциаль-

ного толка. Нерешенность множества проблем молодежи (рост безработицы, проблемы с жильем, отсутствие неразвитость позитивных каналов самореализации) приводит к росту девиантных форм поведения, желанию быстро заработать деньги, часто незаконным способом, что вызывает противоречивое отношение к молодежи со стороны общества. С одной стороны, данная социально-демографическая группа воспринимается как угроза стабильности общества, с другой – именно молодежь способна стать силой, которая может внести позитивные изменения во все сферы общественной жизни. Вопрос в том, какой из этих вариантов предпочтет сама молодежь.

В условиях полиэтничности благополучие общества зависит в первую очередь от уровня сформированности толерантного отношения к культурам различных народов, от способности к межэтнической коммуникации. Этим определяется актуальность заявленной темы. Цель данной статьи – рассмотреть педагогические условия, в рамках которых формируется этническая толерантность как составляющая профессиональной компетентности будущего специалиста.

Формирование этнической толерантности – одно из важных условий межэтнического взаимодействия и согласия в поликультурном обществе в целом и в студенческой среде, в частности. Воспринимая студенчество как авангард молодежи, важно понимать, что именно на ее плечи в будущем ложится ответственность за решение задач, связанных с вопросами межэтнического взаимодействия. Поэтому воспитание культуры общения с представителями разных этносов помогает снизить уровень агрессии и этнофобии в среде студенческой молодежи.

Анализ работ зарубежных и отечественных авторов по проблеме межнационального взаимодействия убеждает в том, что формирование этнической толерантности – не стихийный процесс, а целенаправленный, и требует особых педагогических условий [1; 2]. Как отмечает Н.М. Лебедева, этническая толерантность – это отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной [3, с. 67].

Термины «толерантность» и «этническая толерантность» имеют как общие, так и отличительные характеристики. С одной стороны, понятие «этническая толерантность» понимается как вид толерантности, в основе которого - принятие «иного», обусловленного принадлежностью к другой этнической группе. С другой стороны, толерантность рассматривается как личностная черта, тогда как этническая толерантность понимается как комплекс установок по отношению к другой (другим) этническим группам. Исходя из этого, толерантность является более стабильной характеристикой, а этническая толерантность/интолерантность,

обусловленная как внутренними, так и внешними факторами, легче поддается изменению. Внешне этническая толерантность отражается в выдержке, самообладании, способности индивида длительно выносить непривычные воздействия чужой культуры без снижения его адаптивных возможностей. Этническая толерантность проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора, сопровождается психологической напряженностью и уровень ее проявления зависит от личностного опыта общения с представителями других этносов.

Вопросы формирования этнической толерантности в среде курсантов морских вузов имеют большой значение в силу специфики их будущей профессии. Работа в многонациональных и поликонфессиональных экипажах, пребывание в течение длительного времени в замкнутом пространстве во время рейса, предполагает наличие навыков общения с представителями самых разных культур и религий. Эти навыки формируются в стенах вуза, в процессе общения со сверстниками – представителями разных этносов – во время учебы и плавательной практики. Формирование этнической толерантности у курсантов морских вузов является важным условием их этнокультурной компетентности. Этническая компетентность понимается как совокупность определенных знаний, умений, навыков, благодаря которым специалист способен устанавливать взаимоотношения с представителями различных этносов, ориентируясь на принципы согласия, гармонии, доверия. «На выходе» мы должны получить не только специалиста, обладающего профессиональными навыками, способного к коммуникации, но и человека, готового работать в многонациональном экипаже.

В рамках общения со сверстниками курсанты сталкиваются с рядом сложностей, связанных с несформированностью навыков межнационального общения. Восприятие других через призму своей культуры, религии, интолерантность, этнические стереотипы, предубеждения, негативные обобщения мешают адекватному восприятию человека как представителя другого этноса [4, с. 11]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что навыки межэтнического общения не возникают сами по себе, их необходимо сформировать в процессе обучения. Изучение дисциплин социально-гуманитарного цикла (культурологии, религиоведения, социологии, философии, психологии) позволяет усвоить теоретические знания о многогранности, поликультурности нашего общества и заложить основы толерантного отношения к другим. Важным представляется внедрение поликультурного образования, спецкурсов, содержащих этнокультурную проблематику, проведение деловых игр (моделирование ситуаций), тренингов с целью формирования навыков межкультурного диалога. Проявление интереса к культуре различных

этносов, уважения к их традициям, религии должно способствовать повышению уровня толерантности курсантов морских вузов и формированию этнокультурной компетентности. Это позволит создать механизм противодействия агрессии, этнофобии и снизить угрозу межэтнических конфликтов в условиях многонационального экипажа.

Курсанты должны обучаться умению адаптироваться к особенностям межкультурного взаимодействия с представителями разных этносов, проявлять этническую толерантность, которая является показателем профессиональной компетентности будущего специалиста.

В структуре этнической толерантности, понимаемой как способность и готовность к восприятию других с уважением к их культуре, языку, традициям, выделяют несколько компонентов. Среди них: 1) когнитивный компонент – *знание* о культуре, межэтнических отношениях между различными социальными группами; 2) эмоциональный - *отношение* к другим этническим группам; 3) поведенческий - толерантное или интолерантное *поведение* в конкретных ситуациях. Все эти компоненты неразрывно связаны между собой и раскрывают сущность этнокультурной компетентности.

Вопрос о том, как воспитать у молодежи культуру межнационального общения, основанную на этнической толерантности, является одним из важных в условиях современного образования. Однако требуются эффективные технологии для того, чтобы сформировать *готовность* к межкультурному взаимодействию. Сегодня приходится констатировать, что образовательный уровень молодых людей за последние десятилетия снизился, ухудшилась криминальная обстановка в России, возрос уровень алкоголизма и наркомании среди молодых людей. Выросло поколение, сформировавшееся в условиях напряженных экономических, социально-политических отношений, которое не имеет опыта интернационального общения. Это привело к осложнению социальных отношений во всех сферах, в том числе и в сфере межэтнических отношений. Опыт работы с курсантами морского факультета нашего вуза позволяет отметить эффективность проведения психодиагностики по определению уровня этнической толерантности/интолерантности у курсантов, тренингов по преодолению этнических стереотипов, круглых столов по вопросам межэтнических конфликтов и путей их решения, деловых игр по формированию навыков межкультурного общения с представителями различных этнических групп.

К педагогическим условиям формирования этнической толерантности студентов вуза относятся:

– наличие соответствующих компетентных кадров, способных помочь установлению позитивного межэтнического взаимодействия в студенческом коллективе;

– разработка программы этнокультурного образования, основанного на гуманистическом подходе. Данная программа должна носить междисциплинарный характер и опираться на достижения педагогики, психологии, социологии, философии, культурологии, включать комплекс практических заданий, в которых будут отражены проблемы межэтнического взаимодействия;

– развитие этнической толерантности и компетентности как составляющей общей профессиональной компетенции, как будущих специалистов, так и их педагогов. Формирование уважения к культуре, ценностям представителей различных этносов, понимания приоритета общечеловеческих ценностей, установки на создание благоприятного социально-психологического климата в полиэтнической среде вуза.

Таким образом, в рамках учебного и воспитательного процесса можно моделировать ситуации, которые дадут возможность студентам продемонстрировать навыки межнационального и межконфессионального общения. Эти знания и навыки понадобятся в профессиональной деятельности при взаимодействии с представителями различных этнических общностей. В процессе формирования у студентов толерантного отношения к представителям других этносов важно учесть, что это должно быть не просто терпимость, но уважение к ним, признание их права на свою культуру, религию, язык. систематическая Необходима, на наш взгляд, постоянная диагностика уровня этнической толерантности студентов в процессе обучения и корректировка, по мере необходимости, организационно-педагогических условий данного процесса.

Список использованных источников:

1. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. /А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 286 с.

2. Васильева С.А. Проблемы воспитания этнокультурной толерантности в курсантской среде (на примере деятельности Академии ФСИН России) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – №6. – С.16.

3. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. /Н.М. Лебедева. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 191 с

4. Смирнова Е.О. Межличностные отношения как сфера зарождения и проявления толерантности //Возрастные особенности формирования толерантности. Труды по социологии образования. Т. VIII. Вып. XIV / Под ред. В.С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2003. – С. 11.

УДК 316.7: 7.05 ***Кондакова Ю.В., Волкова А.Н.***

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ: ОТРАЖЕНИЕ В ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ

Аннотация: *Дизайн одежды для женщины, занимающей ключевые позиции в малом и среднем бизнесе, должен как отвечать современным социальным преобразованиям, так и позволять свободно адаптироваться к изменяющимся условиям социума, транслируя соответствующую информацию окружающим. Общепринятые стереотипы внешнего проявления мужественности и женственности, предписывающие различные типы поведения в социуме, проявляются в специфике ткани, в ассортименте и форме одежды. Выявлено, что одежда для женщины-руководителя не исключает возможность самовыражения и проявления своей индивидуальности, совмещая в себе маскулинные и феминные признаки.*

Ключевые слова: *маскулинность, андрогинность, женственность, дизайн одежды, деловая женщина.*

Abstract: *Clothing design for a woman occupying key positions in small and medium-sized businesses should both meet modern social transformations and allow her to freely adapt to the changing conditions of society, transmitting relevant information to surrounding. The generally accepted stereotypes of the external manifestation of masculinity and femininity, prescribing various types of behavior in society, are manifested in the specifics of the fabric, in the assortment and form of clothing. Clothing for a female leader does not exclude the possibility of self-expression and manifestation of her individual, combining masculine and feminine signs.*

Keywords: *masculinity, androgyny, femininity, clothing design, businesswoman.*

Так или иначе, как на онтологическом, так и на гносеологическом уровне женское и мужское начало присутствует в ключевых ценностных ориентациях и установках современного социума. Вместе с тем, как внешний облик женщин делового мира, так и система ценностей, имеющая место в социуме, демонстрирует серьезные трансформации восприятия образа деловой женщины. Еще недавно можно было говорить, что социальный мир строго «разделён» по половому признаку, когда мужчины и женщины призваны выполнять разные функции, когда имеет место размежевание между публичной и приватной сферой, причем последняя неукоснительно закреплена за женщинами. Вплоть до второй половины XIX века господствовало мнение, что так называемый «тра-

диционный» форматы способ распределения социальных обязанностей, а также возможностей ролей мужчины и женщины являются универсальными, то есть данными раз и навсегда. В настоящее время участие деловой женщины имеет место практически во всех ключевых социально-экономических процессах, что превращает ее в активный субъект социума, причем серьезно изменяются и требования к ее внешнему виду.

Мода как «отражение духовных идеалов социальной группы в конкретных объектах, выражающих определенные ценности» [2, с.6] представляет собой визуализацию изменений, происходящих в социуме, и задает образцы, формируя в общественном сознании стандарты социально престижных образов, интересов и потребностей. Наряду с другими практиками мода является фактором опредмечивания гендерных репрезентаций – базовых культурных практик, смысл которых каждый раз заново конструируется и реконструируется в процессе коммуникации, непосредственно отражая их культурный контекст. С помощью правильно сформированного гардероба женщина маркирует свою лояльность к принятым в деловом обществе нормам, одновременно позволяя визуально отметить уникальность и индивидуальность своей личности. Характерно, что социокультурные модели восприятия образа деловой женщины находят свое отражение в дизайне одежды. Дизайн одежды для женщины, занимающей ключевые позиции в малом и среднем бизнесе, должен отвечать современным социальным преобразованиям, позволять свободно адаптироваться к изменяющимся условиям социума, а также транслировать соответствующую информацию окружающим.

На протяжении длительного времени нормы и правила в обществе диктовали подчеркивать жесткие критерии гендерных отличий особенностей костюма. Общепринятые стереотипы внешнего проявления мужественности и женственности, предписывающие различные типы поведения в социуме, проявлялись в специфике ткани, в ассортименте и форме одежды. Так, например, брюки считались одеждой, которая относится к мужскому ассортименту, а юбки – к женскому. Эволюция женского облика отражается в контексте изменения взглядов общества. В XIXв. под влиянием эмансипации произошло изменение структуры гендерных ролей, отразившееся на преобразовании женской одежды. Постепенно уровень занятости дам в общественном производстве возрастал: представительницы слабого пола выходили из-под мужской опеки и начинали заниматься собственным делом, что требовало одежды, визуальные сигналы которой свидетельствовали бы о компетентности, и способствовали карьерному росту, передавая ощущение надежности и профессионализма.

Внимание женщин обратил на себя мужской деловой костюм, ввиду своей практичности и строгости линий. Первый деловой женский костюм был создан в начале XX века кутюрье Джоном Редферном – ему социум обязан появлением первых женских жакетов, Что характерно, их крой напоминал мужской (за основу был взят мужской сюртук). Локальные попытки ввести в женскую моду брюки хоть и осуществлялись в начале XX в., однако в это время принять в свой гардероб подобный элемент одежды отваживались только экстравагантные молодые модницы. Например, появление парижанки Анастасии Блумер в придуманных ею еще в 1851 г. «блумерах» (некой разновидности турецких шаровар, одеваемых под юбки и используемых для велосипедных прогулок) иначе как скандальным назвать было нельзя. В начале XX в. работающие женщины предпочитали простые, сдержанные наряды(классический вариант сочетания консервативных белых блузок и длинных узких темных юбок).

Как следствие меняющейся реальности, в женском деловом образевозникает маскулинность, выражаемая в доминировании мужских элементов в одежде. Начиная постепенно осваивать отдельные элементы, женщины «используют в своем костюме почти весь мужской гардероб»[5, с.337]. Во времена войн – Первой и Второй мировой – отмечается маскулинизация женской одежды, однако к моде распространенность брюк в женском гардеробе не имела какого то бы ни было отношения: это было скорее необходимостью, впрочем, «все чаще начинают носить костюм, эту «униформу тыла», который подразумевает множество вариантов и благодаря своей функциональности наводит на мысль об активном образе жизни женщины» [1, с. 200].Заменяя мужчин в тылу, дамы получили доселе недопустимые для слабого пола рабочие места – рабочих и полицейских, кондукторови вагоновожатых, полицейских и даже грузчиков. В качестве удобной униформы для ношения в течение рабочего дня женщинам позволяется надевать брюки.

Этот период характеризуется трансформацией традиционной системы ценностей, активизацией идей феминизма, в жизни женщин имеет место стремление к активному преобразованию окружающего мира. В гардеробе деловых женщин утверждает свои позиции галстук – неординарный аксессуары традиционный символ мужественности, а также актуализируются простота и рациональность. Кардинальные изменения внешнего облика женщины обуславливаются глобальной трансформацией во взаимоотношениях между индивидом и государством и связываются с возникновением эгалитарной гендерной системы. Все это приводит к тому, что «в 1930 гг. городской элегантный костюм стал основным предметом женского гардероба. Это самое элегантное изобретение XX века, к которому дизайнеры современности обращают-

ся каждый раз, когда нужно создать изысканный, рафинированный образ» [4] .

Трансформация женского бизнес-гардероба, которая берет свое начало с середины XX века, свидетельствует о развитии логики эгалитаризма (например, данным правом обусловлено ношение брюк в качестве униформы сотрудницам авиакомпаний, медицинских учреждений и полиции). Однако по сей день женская вестиментарная свобода нередко становится причиной придирок и обвинений в чрезмерной демонстрации маскулинности, а также отсутствии профессиональной идентичности. К примеру, гардероб первой женщины-канцлера Ангелы Меркель, постоянно носящей брюки, кроме вечерних церемоний, относят к стилю powerdressing (данный стиль исключает ассоциации с женственностью). Следует также отметить, что до 1950-х годов твид считается «мужской» тканью и только в середине XX века Шанель вводит твид в свою коллекцию, создав одежду для независимой и самостоятельной женщины, «которая хочет быть элегантной в любой ситуации» [3, с.120].

Брючный костюм для женщин также был практически табуирован до 1960-х гг., когда женские брюки появляются в коллекциях от-кутюр и прет-а-порте.В 1966 г. Ив Сен Лоран впервые продемонстрировал аудитории «LeSmokingSuit», считающийся первым смокингом, предназначаемым специально для женщин и состоящим из смокинга, широкой сорочки, широкого пояса, галстука-бабочки и брюк, которые имели сбоку атласную полосу. Смокинг для женщин, таким образом, утверждает идею сильной и независимой женщины. И.-С. Лоран совершает революцию, утверждая брючный костюм как основу целенаправленного и прагматичного, элегантного и внушительного делового гардероба. Этот костюм придает образу своей обладательницы респектабельность и лоск.

«Символическая функция брюк стала одним из рычагов общественных перемен» [1, с.269] – в 1970-е брючный костюм становится униформой эмансипированных женщин. Женщина в брюках выглядит более самостоятельной, выражая высокую ориентацию на деловую активность. В 1976 году Джоржио Армани, уловив гендерные перемены в деловом мире, выпустил первую женскую коллекцию с использованием «мужских» тканей и соответствующего кроя. Это были брючные костюмы и «мужские» пиджаки. Тем не менее, женский брючный костюм в 1960-1970 гг. еще находится в зоне локальных вестиментарных запретов: многие компании вводят ограничения, связанные с ношением женщинами-сотрудницами брюк.

На подиуме «сильный» костюм 80-х с подплечниками был воплощением «одежды для успеха» [7]. Женщины в безупречных деловых костюмах с широкими плечами транслируют окружающим информацию

об укреплении своей роли в деловом мире, доказывая свою компетентность и самостоятельность. Но даже в 1980-е гг. рядовые потребители одежды долгое время не могли позволить себе полную свободу в выборе костюма. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда возникло массовое стремление выделиться из общей массы, уйти от прежних канонов. В данный период «брючный костюм, который современные женщины носят наравне с мужчинами – это один из примеров андрогинности» [9, с. 242].

В настоящее время укрепление роли женщины в качестве субъекта в политических, экономических и социальных правах, воплощается в дизайне одежды как идея маскулинности, выражающая власть и респектабельность в деловом обществе и являющаяся инструментом выражения личности.В современных коллекциях дизайнеры стирают черту между гендерными различиями, таким образом, одежда, смешивая формы и стили, стала привносить маскулинные черты в женский гардероб. Эта идея проявляется в дизайне строгой формой костюма, только усиливающей общее впечатление женственного облика его обладательницы. Примеры можно найти в последних коллекциях дизайнеров, таких, как Мария Грация Кьюрри креативного директора Dior, «пресекающей любую ассоциацию с женской хрупкостью» [8]. Тем не менее, «унификация моды обоих полов видна только при первом, поверхностном взгляде..»[6, с.152], при детальном рассмотрении становится очевидным принадлежность одежды женщине, выражающаяся в силуэте, пластике и деталях.

Сегодня женщине больше не требуется равнение на мужчин для того, чтобы добиться успеха. В деловой сфере актуальными являются такие качества личности как гибкость, мобильность, индивидуальность, и скорость принятия решений. Однако доминирующее влияние на восприятие в социуме оказывает внешний вид. Возвращение женственности и актуализация персональной индивидуальности в рамках классической одежды, способствуют эффективной коммуникации с профессиональным окружением. Таким образом, сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках демонстрирует серьезные трансформации восприятия образа деловой женщины, в связи с чем необходимо улавливать трансформации в моде, эффективно адаптируя современные тренды в одежде для женщины-управленца (предпринимателя, руководителя).

Список использованных источников

1. Бар К. Политическая история брюк. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 320 с.

2. Демшина А.Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. – СПб.: Астерион, 2009. – 106 с.

3. Ермилова Д.Ю. История домов моды: учеб.пособие для высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.

4. История делового женского костюма. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://studbooks.net/510398/etika_i_estetika/istoriya_delovogo_zhenskogo_kostyuma (дата обращения: 24.10.2019).

5. Косарева Е.А. Мода. XX век. Развитие модных форм костюма – СПб.: Издательство «Петербургский институт печати», 2006. – 468 с.

6. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 336 с.

7. Подплечники: история революционного тренда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.marieclaire.ru/moda/podplechniki-istoriya-odnogo-iz-samyih-revolyutsionnyih-trendov/ (дата обращения: 6.11.2019).

8. Тренд на маскулинность: как стираются границы между мужским и женским гардеробом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.glamour.ru/trends/trends/trend-na-maskulinnost-kak-stirayutsya-granicy-mezhdu-muzhskim-i-zhenskim-garderobom

9. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 288 с.

УДК 1:35.08

Коновалова И.В., *научный руководитель к.ф.н., доцент Шевченко О.К.*

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БЮРОКРАТИИ

Аннотация*: Автор рассматривает разнообразные одходы к пониманию феномена бюрократии в работах знаменитых философов, социологов и политологов 19-20 века.*

Ключевые слова*: государство, общество, бюрократия, бюрократ, государственное, муниципальное, управление.*

Abstract. *The Author considers various approaches to understanding the phenomenon of bureaucracy in the works of famous philosophers, sociologists and political scientists of the 19th-20th century.*

Keywords: *state, society, bureaucracy, bureaucrat, state, municipal, management.*

Понятие «бюрократия» – происходит от двух слов (от франц. «bureau» – стол, канцелярия и греч. «kratos» – власть) буквально это переводится как господство канцелярии.

Бюрократия-это система управления, которая осуществляет управление при помощи аппарата стоящего над обществом и имеет четкую систему порядка получения услуг от разных организаций. Главенствующей задачей бюрократии является правильное функционирование государства.

Феномен появления бюрократии как понятии и явления заключается в том, что де-юре как понятие бюрократия появилось намного позже, чем само явление де-факто.

Известно, что бюрократия как действительно научный термин появился лишь в начале XVIII века. Однако на самом деле бюрократия зародилась намного раньше, еще в древни времена благодаря развитию письменности и появлению новых государств.

Так ярким примером де-факто первых бюрократий стали: Древнейший Шумер, Египет и Рим. Появляясь в обществе и фиксируясь письменно, бюрократия начала входить в некую систему знаний, которая в свою очередь не могла не проявляться на философии каждого, отдельно взятого древнего государства. Возьмем, к примеру, Древний Китай, где произошел синкретизм государственного и философского знаний, что в результате породило сильнейшую идеологию Китая, которая живет и по сей день.

Бюрократия, а вернее государственное бюрократическое устройство и его правильные формы не оставили без своего внимания и всеми известных философов, Платон и его ученика Аристотеля. В своих великих произведениях каждый философ дает трактовку своих правильных и не правильных формы государственного управления, а так же аппаратам государственной власти.

Платон не только выдвинул свою субъективно правильную модель государства, но и утвердил бюрократический тип правителей своего идеального государства. Платон, утверждал, что государством могут управлять действительно избранные люди, которых он называл мудрецами- философами.

Именно на философах держится государство и остальная иерархия служащих в государстве[8,с.250 – 270].

В эпоху средневековья мощнейшим бюрократическим аппаратом была церковь, что объясняется тем, что сама эпоха средневековья – это эпоха религии и все сферы общественной жизни на то время были служанками богословия.

Усиление роли бюрократии началось в эпоху абсолютизма. Эпоха абсолютизма ознаменовалась ростом разно уровневых чиновников. В XX в. бюрократизация усиливается, что опять таки напрямую связано с ходом

истории и социально-экономическим развитием. Именно тогда возникла необходимость в выработки общих принципов работы социальных организаций, выключающих в себя огромную структуру управления: строгую иерархию должностей и занимаемых постов; строгое разделение функций органов управления; четко прописанные правила информирования руководства и конечно строго прописанная дисциплину.

Фундамент для бюрократии как феномена науки заложили в своих произведениях такие мыслители как Н. Макиавелли[6], Т. Гоббс[5], Ш. Монтескье[7], Г. Ф Гегель[4].

Но что же касается феномена бюрократии именно как политической составляющей, то ее основал Г.Ф.Гегель. Именно Г.Ф.Гегель начал раскрывать суть государственных служащих, их функциональные обязанности и их «игру»[4,с.354], которую они ведут в государстве.

Можно сказать, что он начал разработку прединститута государственного управления или института государства. Смысл существования которого Гегель видел в создании общих решений, точек зрений на ту или иную ситуацию, что было весомым противостоянием единоличностных решений в государстве и вело к хаосу в жизни общества.
В его концепции идеи рационального устройства такого государства достигли наиболее отточенного и завершенного выражения. В «Философии права»[4] он соединил этический рационализм И. Канта и традиции немецкого идеализма, соотнеся их с реалиями институционального устройства Прусского государства своего времени.

Как мы уже выяснили бюрократия – это исторический феномен абсолютно каждого общества в каждый отдельно взятый исторический период он будет по разному трактоваться и восприниматься.

Но не смотря на то что феномен бюрократии невероятно обширен и разнообразен в XIX веке трем известным ученым: В. Вильсоном, Ф. Гуднау и М. Вебером удалось сформулировать основные понимания бюрократии.

Так буду в 1887 году будущий президент США профессор Вудро Вильсон в своей работе «Изучение администрирования»[3] положил начало теоретической разработке вопросов государственной службы. Он утверждал, что *«наука администрирования будет искать способы улучшения деятельности правительства, сделает его работу менее трудоемкой, приведет в порядок организацию управления»*.[3,с196.]. Задачей государственного управления являлось быстрое и правильное проведение в любых социальных групп политических лидеров .

Вильсоном была разработал модель «административной эффективности» в системе государственной и муниципальной службы. Вильсон обосновал необходимость высокого профессионализма в системе государственной и муниципальной службы, т.е. подбора государствен-

ных служащих по их профессиональной компетентности. Таким образом бюрократия должна была превратиться в инструмент профессионального управления с его принципами иерархии и разделения функций.

Многочисленные идеи Вильсона были поддержаны и разделены американским политологом Фрэнком Гудану.

Так в конце XIX – начале XX века Гуднау и Вильсон даже провели совместные исследования американской системы управления, государственной и муниципальной службы. Целью их исследования была идея о создании модели идеальной бюрократии. Идеальной именно по тому, что она должна была работать в демократических обществах.

Созданная ими концепция дала возможность политологам начала прошлого века принять идеалы демократии вместе с деятельностью профессиональной гражданской службы.

Вильсон считал, что отношения между государственной администрацией, исполняющей законы, и политической властью, создающей законы, *«составляют самую сущность правительственной системы»*[3,с254]. Политики и администраторы во всякой хорошо отлаженной государственной системе должны идти рука об руку. Осуществление политических решений, применение законов, проводимых администрацией, обнаруживают мудрость и исполнимость этих решений и законодательных актов. В свою очередь законодательство и политическое руководство дают основное направление деятельности администрации.

Кроме того Гуднау и Вильсон сделали очень важное разграничение между политиками и администраторами. По их мнению, для того чтобы четко обеспечить развитие демократии, политикам необходимо контролировать деятельность администраторов. Такая строгая субординация должна быть определена не только на коллективном уровне, но и на индивидуальном. Тогда администраторы никогда не смогут «вмешиваться» в политику: они просто будут следовать определенным указанным направлениям, заданным для них политическими лидерами.

Таким образом, под влиянием прогрессивных идей Гуднау и Вильсона ведущее место в теории государственной и муниципальной службы сразу же начали занимать вопросы научного управления, или менеджмента, вне независимого от политической идеологии.

Стоит обратить внимание на тот факт, что сам термин «административное управление» впервые был использован в программе республиканской партии США в 1886 г.

В программе республиканской партии осуждалась «некомпетентность» демократического правительства, по причине не владения научными методами управления. Для ускоренного внедрения новых методов государственного администрирования в 1920-х гг. в США была создана сеть частных организаций – бюро муниципальных исследований, фи-

нансировавшихся через специальные фонды. Эти бюро начали разрабатывать правила и процедуры административно-государственного управления, используя достижения социальных наук.

Первым кто создал систематизированный анализ государственной администрации, был всеми известный немецкий социолог Макс Вебер. Именно его классическое исследование «Хозяйство и общество»[1] смогло дать ту отправную точку для современного изучения государственной и муниципальной службы. Государственная администрация как часть исполнительной власти в обществе была еще в 16 веке в Западной Европе, но достигла своего расцвета только к 20 веку. Веберовский анализ хоть и был основан на бюрократической модели Германии, однако разработанные и описанные им принципы достаточно универсальны и могут быть применены ныне повсеместно.

В правовом государстве, основанном на разделении властей, исполнительная власть призвана осуществлять основные политические решения, принятые законодательной властью. При этом правительство выполняет функцию по принятию политических решений (в рамках конституции на основе законов) и руководству государством, а администрация реализует эти решения в политической практике.

Вебер считал идеальной государственную и муниципальную службу, которая была бы построенную на жестких бюрократических принципах: авторитарная власть руководителя, который должен принимать точные решения, отдавать распоряжения подчиненным и контролировать их исполнение.

При этом задача служащих государственной администрации заключается только в том, чтобы применять управленческие принципы к конкретным ситуациям, для чего и разрабатываются определенные правила государственного администрирования.

Идеи М. Вебера, В. Вильсона и Ф. Гуднау оказали значительное воздействие на становление теории государственной и муниципальной службы как дисциплины специализации. В их работах были сформулированы три основополагающие идеи научной теории государственной и муниципальной службы:

1) государственное управление делится на две основные сферы – политическое и административное управление;

2) аппарат административного управления (государственной и муниципальной службы) находится в подчинении у политического руководства;

3) кандидаты на политические должности избираются или назначаются на короткий период времени, а все государственные служащие, аппаратные работники должны отбираться на основе системы профес-

сиональных оценок и служить на постоянной основе (принцип пожизненного найма).

Концепция разделения государственного управления на политическое руководство и государственную службу (административно-государственное управление) была положена в основу классической теории государственного управления, и получила широкое признание в мире.

В России после победы Октябрьской революции государственное управление целиком отождествлялось с политическим (в духе марксистской теории о направляющей роли коммунистической партии). И только в постсоветский период в системе государственного управления вновь была создана система профессиональной государственной и муниципальной службы.

Сословная сплоченность бюрократии, по мнению Вебера, вытекает из ее фактически властного положения по отношению к «нивелированному» подчиненному большинству населения и характеризуется следующими чертами:

- повышенной социальной оценкой «чина», защищенного административными и уголовными нормами;
- построением ранговой иерархии на принципах «назначаемости» (в противовес принципу выборности);
- пожизненным статусом «чина» и «службы»;
- регулярным денежным вознаграждением в соответствии с рангом;
- карьерным принципом перемещения в ранговой иерархии.

Властное положение бюрократии основывается также на владении техникой управления, содержание которой имеет два основных аспекта: во-первых, специальные знания, полученные профессиональными государственными служащими в результате подготовки в соответствующих областях государственно управления; во-вторых, знания правил бюрократического процесса в самих ведомствах.

Бюрократия стремится монополизировать технику управления, используя для этого такие приемы, как: засекречивание информации, защита «служебной тайны» и т.п.

Вебер предупреждал, что по мере роста самостоятельности бюрократия обнаруживает тенденцию руководствоваться в своей деятельности не только функциональными потребностями, но и «инстинктом власти». Иначе говоря, бюрократия обнаруживает стремление распространять свое влияние далеко за рамками собственной юрисдикции.

Основные принципы рациональной бюрократической организации, согласно Веберу, таковы:

- административные учреждения организованы иерархически;

- каждое учреждение имеет свою собственную область компетенции;
- гражданские служащие назначаются, а не выбираются на основе профессиональной квалификации, как указано в дипломах или по результатам экзаменов;
- гражданские служащие получают заработную плату в соответствии с рангом;
- для гражданского служащего его работа представляет профессию или, по крайней мере, основное занятие;
- служащий не владеет учреждением, в котором работает;
- служащий подчиняется дисциплине и находится под контролем;
- смещение с должности основывается на решении вышестоящих инстанций.

Вебер представлял профессиональных государственных служащих как высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных подготовкой, с высокой сословной честью, гарантирующей безупречность. По его мнению, без этого возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, что поставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата. Вебер также считал, что подлинной профессией настоящего чиновника не должна быть политика. Он должен управлять, прежде всего, беспристрастно — данное требование применимо даже к так называемым «политическим» управленческим чиновникам, по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», т.е. жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* — «*без гнева и пристрастия должен он вершить дел»*[2,с.245].

Список использованных источников:

1. Вебер М. Хозяйство и общество. – Издательский дом Высшей школы экономики.2017.-445с.
2. Вебер М. Власть и политика. – Рипол-Классик.2017. – 460с.
3. Вильсон В. Изучение администрирования. – РИНТ,2017.- 336с.
4. Гегель Г. Философия права . – Юрайт.:2019. – 292с.
5. Гоббс Т. Левиафан . – М.:АСТ,2019. –352с.
6. Макиавелли Н. Государь . – Азбука СПб, 2017.-512с.
7. Монтескье Ш. О духе законов . – М.:АСТ,2019. – 690с.
8. Платон. Государство. – М.:АСТ,2017. – 446с.

УДК 159.923.2: 323.2 ***Кундрюкова М. С.***

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Annotation: *The behavioral practices of Russians allow us to turn to the phenomenon of identity and self-identity. Analyzing the practice of refusing vaccinations and refusing HIV status, it is proposed to consider these phenomena in the context of the theories of "liquid modernity" by Z. Bauman and the "social trust" of P. Shtompka. Bescribing behavioral practices with the concepts of "negative identification" by L. Gudkov and "negative solidarity" by O. Yanitsky. The article used data from sociological studies and expert assessments. The author notes the positive and negative points of the considered practices.*

Keywords: *Identity, "liquid modernity", negative identification, refusal of vaccinations.*

Нет сомнений, мир меняется, и его человеческое измерение становится все сложнее описывать и понимать. Книги, которые стали уже классическими, а именно «Общество потребления» Жана Бодрийяра, «Одномерный человек» Герберта Маркузе, «Индивидуализированное общество» и «Текучая современность» Зигмунта Баумана, имеют одну общую идею: социальная реальность трансформировалась, а вслед за ней трансформируется человек и общество. Следует отметить, во всех перечисленных выше работах речь идет о качественной перемене либо уже наступившей и преобразующей жизненные практики людей, либо о перемене, набирающей свои обороты. Так, Ж.Бодрийяр фиксирует, как массовое производство товаров широкого потребления формирует новый тип потребительской культуры, и подчеркивает, что практика потребления становится самостоятельной формой и отчасти теряет свой рациональный смысл [3]. Герберт Маркузе критикует развитое индустриальное общество за то, что оно сдерживает качественные перемены и держит членов своего общества в страхе перед какой-либо угрозой. Также автор указывает на иррациональность этого сдерживания, считая, что общество нуждается в переменах и улучшении человеческой жизни и имеет для этого все возможности [7]. В работах Баумана прослеживаются тенденции, которые имеют все шансы стать общемировыми. Интерпретируя современность, Бауман пишет о переходе старого структурированного определенного мира в условия возрастающей свободы. Новые условия характеризуются неопределенностью, скоростью перемещения и принятия решений, ослаблением социальных связей [2].

Российское общество также чувствует на себе проявление некоторых черт, описанных Бауманом. Так, оптимистические настроения, которые были зафиксированы социологами в эмпирических исследованиях 2014–2016 гг., не касаются состояния мира в целом. Учитывая результаты опросов 2016–2017 гг., которые отмечают повышенную тревожность, Горшков и другие предполагают, что «тревоги наших сограждан отражают не столько реакцию на конкретные угрозы, сколько некое общее ощущение неустойчивости того мира, в котором мы сегодня живем» [12; 122–125].

Перечисленные выше работы созданы на основе анализа и осмысления опыта европейских обществ, но это не умаляет их ценность для понимания российской современности, поскольку поднимают вопрос основания человеческой идентичности и её влияния на жизненные практики в момент изменяющейся реальности. В частности, Бауман пишет: «Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным самоопределением» [1; 182] и обращает внимание, что основная проблема состоит не только в самостоятельном поиске и утверждении выбранной идентичности, но и в быстрой смене последней в случае ее непривлекательности для индивида.

Тенденция самоопределения и творчества своей идентичности в условиях перемен характерна и для российского общества, поскольку его характеризуют как транзитивное, или переходное, находящееся в состоянии модернизации, и теперь после кризисных явлений в экономике называют посткризисным. Именно в условиях перемен и посткризисного состояния возрастает роль качества человеческого капитала и подхода к его реализации. Успешное будущее зависит, в том числе, и от возможности людей развивать и проявлять свои способности, тем самым повышая уверенность в себе и доверие к своей стране.

Феномен доверия привлекает особое внимание исследователей. Фрэнсис Фукуяма отмечал, что доверие – ключевая характеристика развитого человеческого общества и проявляется как на индивидуальном, так и на социальном уровне [10]. Говоря о социальном уровне, подразумевается доверие к общественным институтам и государству в целом. По мнению П. Штомпки, доверие – это важная составляющая идентичности. Именно доверие «становится необходимым ресурсом, позволяющим справиться с присутствием чужих» в условиях общества риска [11; 59]. Говоря о России, Штомпка, как и Фукуяма, относит ее к «обществам низкого доверия» [11; 295]. Кризис доверия, по словам Штомпки, один из симптомов «постокоммунистической травмы», раскола культурного порядка, в результате которого была разрушена коллективная идентичность. Результаты последних опросов фиксируют уровень доверия к большинству государственных и общественных институтов,

кроме армии, церкви и РАН как невысокий [12; 127]. Снижение уровня доверия к большинству государственных институтов отмечено, прежде всего, в среде социально-активных и ресурсно-благополучных групп сограждан: молодежи, материально обеспеченных и самодостаточных россиян [12; 364]. Важно отметить, что современная молодежь является той группой, социализация которой проходила в условиях распада СССР и становлении России.

Недоверие к государственным и общественным институтам приводит к тому, что люди перестают идентифицировать себя с последними, что приводит либо к противопоставлению, либо к их отрицанию. Одним из первых, кто обратил внимание на особенность конструирования идентичности на основе отрицания, в российском обществе был Лев Гудков. Он писал: «Механизмы негативной идентификации можно квалифицировать как самоконституцию от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, – в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества, короче, в качестве антипода» [5, 271]. То есть процесс самоидентификации сопровождается обязательным поиском «другого» или «неправильного», а не описанием собственных позитивных статусов.

Разрабатывая проблематику социологии риска, Яницкий О.Н. фактически описал негативные солидарности применительно к российскому обществу. Так, он описывает два противоположных друг другу вида: солидарности производителей риска и солидарности жертв риска. Первые могут быть определены как «общность людей, силовым образом приватизирующая национальные ресурсы и воспроизводственные структуры общества, включая социальный порядок, в своих эгоистических интересах» [14; 28–29]. Вторые как «общности людей, защищающих здоровье и безопасность природы и общества». Риск солидарности являются структурным результатом общества риска. Сущностным качеством риск-солидарностей российского общества является двузначность: то, что для некоторой группы выступает благом, позитивом, то для ее оппонентов и для среды, в которой она функционирует, является риском, бедствием. Более того, для данного общества характерны вынужденные, а потому негативные, солидарности. Негативная солидарность есть противоестественная общность людей, так как она основана на вынужденной (в целях самосохранения) взаимной поддержке людей с противоположными интересами и ценностями, равно как и различным социальным статусом [14; 28–30].

Анализируя обширные данные опросов, Левада-центра, Гудков описывает в 2004 г. распространенность нигилизма и цинизма в россий-

ском обществе, а также массового недоверия к общественным институтам и СМИ [6; 53–54]. По мнению Гудкова, негативная мобилизация или идентификация оставляют после себя выжженное ценностное пространство, в пределах которого уже невозможны никакие смысловые инновации, энтузиастический подъем или позитивная гратификация. При этом он отмечает следующее: «негативная мобилизация никогда не носит тотального характера» [6; 57].

Феномены, которые мы раскрыли выше, имеют свое проявление в жизненных практиках россиян. Недоверие к общественным институтам и попытка сконструировать или обрести свою идентичность приводят к тому, что люди ищут альтернативные источники и группы для самоидентификации. По этому поводу Штомпка писал: «недоверчивость… приводит к обособленности и лишению человека корней, а, следовательно, к поиску альтернативных, часто нелегальных форм идентичности (через участие в бандах, мафии, преступных группах и т. д.)» [11; 334].

Мы не будем анализировать такие крайние формы, как преступность, но все же сосредоточимся на тех поведенческих практиках, которые балансируют на грани добра и зла. Комментируя результаты сравнения опросов 2008 и 2015 гг., касающихся здоровья, Сергей Марков, член Общественной палаты и Лиги здоровья нации, отметил, что после распада СССР ведущие позиции в списке ценностных предпочтений россиян занимали элементарная безопасность и личный доход. По прошествии времени, преодолев кризис 90-х, по мнению Маркова, «наедине с самим собой» российский человек выбрал две ценности: семью и здоровье [13; 160].

Среди поведенческих практик, касающихся и семьи, и здоровья, есть две, которые актуализировались в последние годы. Обе связаны с недоверием к государственной системе здравоохранения. Первая – отказ некоторых россиян признавать свой положительный ВИЧ-статус. Эта практика получила название ВИЧ-диссидентство. В основном упоминания о ней встречаются в СМИ в связи со смертельными исходами. Эта практика еще мало изучена социологами, но активно обсуждается медицинскими работниками и юристами. В своей статье о проблемах медицинского права Н.Г. Галковская пишет: «не редки случаи отказа ВИЧ-диссидентов от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних» [4;210]. Этот факт порождает немало споров вокруг изъятия детей из семей ВИЧ-диссидентов, которым необходимо лечение. На наш взгляд, поведение таких людей указывает не только на недоверие к общественным институтам, но и на отказ, в связи с этим идентифицировать себя как больного человека. Природа этого отказа кроется в непривлекательности и низком статусе людей с этим заболеванием в России.

Вторая практика включает в себя поведение, при котором человек отказывается проходить вакцинацию сам и не делает прививки своим детям. Этих людей называют антипрививочники. Еще несколько поколений назад вопрос о том, ставить детям прививки или нет, не стоял перед родителями так остро. Мац А.Н. отмечает, что «решение родителей принять или отвергнуть вакцинацию – результат оценки ими соотношения риска и пользы». Также автор подчеркивает, что недоверие чаще возникает у получающих информацию не от врача, а из альтернативных источников [8; 112]. Таким образом, человек неизбежно сталкивается с выбором, происходит то, о чем Бауман писал, как о «принудительном самоопределении» [1; 182]. Мац А.Н. отмечает следующие черты современного антипрививочного движения: стремление отвратить население от вакцинопрофилактики, вызвать антипрививочную панику; союз врачей-антипрвивочников с маргинальными, парамедицинскими, ретроградными течениями [9; 91].

И в первом, и во втором случае последователи этих практик активно заявляют о них, в некоторых случаях массово агитируют следовать их примеру и объединяются с целью обмена информацией и выработки стратегий избегания санкций. Обе поведенческие практики, на наш взгляд, являются свидетельством переосмысления россиянами своих рисков, их недоверия к общественным институтам и творческому подходу в определении своей идентичности. В любом обществе есть несогласные или недовольные, но здесь речь идет о самой практике принятия решений. Человеку приходится делать выбор, доверяет ли он и идентифицирует ли себя с официальной медициной и институтом здравоохранения или нет. Важно также отметить, что явления, взятые нами в качестве примера, конструируют свою идентичность на основе негативной идентификации. И ВИЧ-диссиденты, и антипрививочники являются антиподами официальной медицины и агрессивно пропагандируют свои движения.

Можно продолжить ряд подобных поведенческих практик, затронув темы домашних родов, семейного обучения, увлечения россиян тренингами, которые обещают всех сделать счастливыми в семейной жизни или разбогатеть, и пр. Почти все перечисленные практики связаны с частным пространством россиян, в котором еще не все до конца регламентировано государством, и многие общепринятые поведенческие нормы носят рекомендательный характер. Из этого мы можем сделать вывод, что часть российского общества активна и подходит творчески к самоопределению в вопросах воспитания и образования детей, финансового благополучия, здоровья и т. д. Этот факт можно расценить как положительный. В то же время склонность россиян к механизму негативной идентификации в условиях недоверия к общественным институ-

там приводит к обращению в своих поведенческих практиках к альтернативным, неформальным, лженаучным, эзотерическим образцам. Так возникают группы, в основе которых лежит негативная мобилизация. На наш взгляд, это приводит к нарастанию напряженности, в то время как важна позитивная мобилизация, чтобы достойно ответить на вызовы постоянно меняющегося мира.

Список использованных источников:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Жан Бодрийяр; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. – Москва: Республика: Культурная революция, 2006. – 268, [1] с.: ил.
4. Галковская Н. Г. О некоторых спорных моментах правовой регламентации новой категории административных дел о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни (глава 31. 1 КАС РФ) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №424.
5. Гудков Л.Б. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». 2004 – 816 с.
6. Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. – 2005. – №6. – С. 46–57.
7. Маркузе Г. Одномерный человек . – М.: «REFL – book», 1994. – 368 с.
8. Мац А.Н., Чепрасова Е.В. Антипривочный скепсис как социально-психологический феномен // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2014. №5 (78).
9. Мац А.Н. Современные истоки антипрививочных измышлений и идеологии // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2013. №3 (70).
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2008. – 730,[6] с.
11. Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2017. – 424 с
13. Россия удивляет 2015. – Москва: Эксмо, 2016. – 208с. – (Россия в цифрах)
14. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. №С. 3-35.

УДК 364.278:316.64 ***Литвинова О. С.***

ПОТЕРЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируется проблематика смысла жизни и влияние его потери на формирование личности, которая в своих мыслях и поступках руководствуется экстремальными принципами. Автор приходит к выводу, что смысл жизни — это та ценность, которую человек осознает, как повелевающую над ним, которой он подчиняется, ради которой ставит цели и стремится к их реализации.*

Ключевые слова: *смысл жизни, ценности, экстремизм, экстремистская личность*

Annotation. *The abstract in the article analyzes the problems of the meaning of life and the impact of its loss on the formation of personality, which in its thoughts and actions is guided by extreme principles. The author comes to the conclusion that the meaning of life is that value that a person realizes as commanding over him, to which he submits, for the sake of which he sets goals and seeks to realize them.*

Keywords*: meaning of life, values, extremism, extremist personality*

Сегодня проблема смысла жизни является одной из основных проблем в жизни каждого человека. Можно сказать, что смысл жизни – это «первопричина» любой проблемы, так как в конце концов решение всех других проблем, которые встают перед человеком на его жизненном пути, как теоретические, так и практические зависят от первоначального осознания человеком для чего он живет [1].

Смысл жизни в таком случае, является некоторым первотолчком в развитии и становлении человека, поскольку он постоянно к чему-то стремится, ради чего-то живет, видит в чем-то прекрасное, что-то его огорчает и т.д. Возможность человека осознавать окружающий его мир и стремится к чему-то является важным фактором не только его развития, но и отличительной чертой отделяющей человека от животного. Именно от того, каков смысл жизни человека будет зависеть как он будет жить в каком направлении будет развиваться.

Существуют различные факторы, которые могут искажать восприятия человека. Именно поэтому человек, который видит смысл жизни в чем-то плохом и будет стремиться нарушать какие-то традиции, нормы, правила поведения и правовые нормы, что впоследствии сформирует его негативное воздействие на окружающих [5, 11].

Смысл жизни, в первую очередь, должен быть направлен на формирование положительных стремлений, базой выбора, то есть отраже-

нием в сознании человека основ бытия и объективной оценки окружающей действительности.

Если человек, который всегда имел перед собой какую-то цель и стремился к ней, у которого положительные ценностные и смысложизненные ориентиры, которые были для него «путеводной звездой», направляли его в жизни, в какой-то момент теряет их, то он разочаровываться в правильности своих стремлений, идей и поступков. Тогда он начинает поиск себя в деятельности, которая ущемляет чьи-то интересы, становится более радикальной.

В качестве примера подобного поведения можно привести экстремистскую деятельность, так как члены любой экстремистской группы потеряли собственный, индивидуальный смысл жизни, и в результате находят свое отражение в деструктивном поведении, поскольку у них есть только негативный образ общества, который они и стремятся разрушить разными способами [2, 10].

Экстремизм – является одним из самых опасных явлений в сфере безопасности международного сообщества, представляющее угрозу всему обществу и разрушению общепризнанных норм морали, права и общечеловеческих ценностей, являющееся своеобразным способом разрешения социальных противоречий, сложившихся в отдельных сферах общественной жизни.

Экстремисты это те люди, которые не понимают существование других людей и тем самым не видят смысла своего существования с лучшей стороны. В широком плане экстремисты выступают против существующих социальных структур и институтов и стремятся подорвать их стабильность, главным образом силой. При этом для них крайне важен резонанс, вызванный их действиями в государстве.

Сложность смысложизненных позиций экстремистов трудно понять, для это, прежде всего, необходимо определить их цели, ценностные ориентиры, то чем они руководствуются при совершении этих противоправных действий. Смысл их существования не всегда понятен, так как у каждой этой личности есть свои наклонности к этой деятельности.

Основным идейным компонентом в экстремистской деятельности выступает убеждение, что социум может быть преобразован только путем насилия, которое не может быть устранено без жесткого и радикального воздействия, поэтому идеологическая мотивация поведения экстремистов связана с доминирующими агрессии настроениями [7].

Для человека, который склонен к проявлению своих идей и позиций путем экстремистской деятельности, становится единственным содержанием его смысла жизни. Например, гуманист всегда нацелен на диалог и компромисс, в то время как человек, склонный к экстремистской деятельности, наоборот закрыт. Представления о смысле жизни

экстремиста формируется на основе мистического откровения или интуиции, которые заменяют ему рациональное познание окружающей реальности.

Одним из наиболее важных смыслообразований в сознании экстремиста, является образ «Чужого», который предстает перед ним в качестве врага «Чужой» это тот, идеи, мысли, взгляды и поступки кардинально отличаются от мыслей, поступков и идея самого экстремиста. С «Чужим» нет возможности идти на переговоры, он должен быть уничтожен любыми методами и способами, поскольку он не принимает существующие в «моем» мире правила, поэтому итогом может быть только смертельные столкновения [3, 8,12]. Таким образом, в сознании экстремиста враг предстает не как конкретный человек, а как то, что кардинально отлично от меня и моего мира. Эта характерная особенность образа врага, а также отсутствие конкретных личностных качеств, объясняет экстремистское поведение, которое проявляется через агрессию и чрезмерную жестокость.

Человек, склонный к экстремистской деятельности, не понимает и не хочет понимать интересы и реальное положение других людей. Он не воспринимает никаких разговоров с другими людьми у которых отличается идеология от его, он предпочитает идти по пути, который кажется ему наиболее разумным.

Важнейшую роль в процессе формирования смысловых ценностей человека и тем более экстремиста играет вера, которая выражает предельный интерес к определенным ценностям, идеям и установкам. Это то состояние, которое предполагает активное эмоционально-личностное отношение, оно неизбежно захватывает все волевые процессы, обеспечивая экзистенциальную направленность и саморегуляцию. Все эти процессы беря начало в психических процессах затем становятся лакмусовой бумагой поведения индивида и проявляется в его поведении. Несмотря на разные мотивы и формы проявления экстремизма, экстремистское сознание, которое возникает под давлением и контролем, неся в себе элементы подмены, в первую очередь характеризуется «сверхценной» идеей, которая выступает как путеводная звезда и задает вектор и форму поведения. К сожалению, поскольку она изначально строится на искаженных идеях и ценностях, на подмене истинных и позитивных идеях, то и приводит к искаженной форме поведения и действия.

Необходимость самоопределения тесно связана с формированием смысложизненной позиции, в которой будут совмещены представления и о себе, и о мире.

Таким образом, сущность сознания, как индивидуального, так и общественного заключается в его содержании, которое сформируется в процессе социализации, через приобщение индивида к социальным

нормам, традициям и формам поведения [4,6]. Следовательно, на каждого, большое влияние оказывают определенные традиции, которые дают чувство принадлежности к конкретной социальной группе, к миру. Однако все меняет вектор направленности если речь идет об экстремистском сознании, поскольку у такого индивида изначально происходит сбой в процессе социализации, это человек, который не может причислить себя к конкретной группе, он попадает в ситуацию отсутствия идентификации с конкретной группой и как результат становится объектом вербовки. Склонность к крайним и критичным высказываниям, идеям и разговорам в той или иной степени присуще каждому из нас. Современному человеку не хватает острых ощущений, он погрязает в череде бытовых дел и проблем, как ответная реакция появляется чувство жажды экстрима, с положительным вектором направленности, то есть когда человек не стремиться навредить кому-либо, он просто жаждет ощутить собственную жизнь, выйти за пределы бытового круга, почувствовать «вкус» жизни, выходя на ее границу [7,9].

Таким образом, под экстремизмом можно понимать способность, происхождение которой надо искать в природе человека, в особенностях его нервной системы, психики, эмоционального и чувственного составляющих. Но нельзя забывать, что экстремистские потенции также даны субъекту, но только в тех чертах его личности, которые могут или проявиться в зависимости от той среды, в которой происходит формирование его личности.

Следовательно, нельзя забывать, что не только личность формирует социум, но и социум формирует личность и то, каким будет мир и люди его населяют, зависит только от них самих.

Список использованных источников:

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма //Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248-253.

2. Коноплева А. А. Гибридность современной цивилизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4 (69). С. 53-61.

3. Коноплева А. А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69). С. 56-58.

4. Коноплева А. А., Буткевич С. А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений// Философия права. 2018. № 1 (84). С. 57-64.

5. Никитина Л. Н. Исследование взаимосвязи чрезмерного увлечения компьютерными играми и девиантного поведения несовершеннолетних // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения Материалы X Международной научно-практической конференции. Электронное издание. 2017. С. 201-204. 0

6. Никитина Л. Н. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 361-364.

7. Чудина-Шмидт Н. В Склонность человека к экстремальному // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 449-450.

8. Чудина-Шмидт Н. В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.

9. Чудина-Шмидт Н. В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности //В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе 2015. С. 638-642.

10. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия формирования экстремальной личности //Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 447-449.

11. Чудина-Шмидт Н. В. Факторы экстремального поведения личности// Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 347-349.

12. Чудина-Шмидт Н.В. Этимология понятия «экстрим»// Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 107-110.

УДК 94:061.12(470) ***Лобова В.В.***

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

Аннотация: *статья посвящена истории становления и развития Российской Академии наук, ее роли в системе образования XVIII в. В основе статьи автор указывает на значимую роль Петра I в период организации и становления этого учреждения. Не мене значимое внимание, уделяется рассмотрению фигуры первой женщины - ректора - Е.Р. Дашковой, которая возвеличила статус Академии наук.*

Ключевые слова: *Академия, наука, образование, университет, основание, реформы.*

Abstract: *the article is devoted to the history of formation and development of the Russian Academy of Sciences, its role in the education system of the XVIII century. the author points to the significant role of Peter I in the*

period of organization and formation of this institution. No less significant attention is paid to the consideration of the figure of the first female rector - E. R. Dashkova, who exalted the status of the Academy of Sciences.

Keywords: *Academy, science, education, University, Foundation, reforms.*

Знаменательной, памятной датой в истории отечественной науки, национальной культуры и просвещения, является 22 января 1724 года. Именно в этот день, в Петербурге, в резиденции царя – Зимнем доме, заседал Сенат.

Заседание длилось четыре часа, на нём присутствовал сам Петр I, а вместе с ним его также посетили: А. Д. Меншиков, адмирал Ф. М. Апраксин, генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский, канцлер Г. И. Головкин и другие. Поразительным был тот факт, что Сенат целиком посвятил данное заседание одному единственному вопросу – основанию в Петербурге Академии наук, что стало, не только удивительно, но и неожиданно.

Петр I мечтал «кратчайший и способнейший путь изобрести, чтоб завести науки и оных людей своих, елико мощно скорее обучите» [3, с.84].

Основание Академии наук было теснейшим образом связано с реформами первой четверти XVIII в., оказавшими решающее воздействие на хозяйственную, политическую, культурную и научную жизнь страны. Оно отражало большой экономический и общественный подъем России и отвечало ее новым потребностям, а также назревшим вызовам времени.

Проект создания Академии длительное время вынашивался Петром I, но неотложные внутренние дела, а также войны, требовавшие громадных средств и усилий, не давали возможности приступить к ее организации. Во время путешествий в Западную Европу Петр I встречался с крупными иностранными учеными, вел с ними переговоры по культурным и научным вопросам, был избран членом Парижской Академии[4,с.28]. Лишь в середине 20-х годов XVIII в. он вплотную занялся вопросом об Академии.

Стоит отметить, что решение об основании Академии наук отнюдь не было неожиданным, а подготовительная работа, предшествовавшая заседанию Сената 22 января 1724 г., была весьма кропотливой и растянулась на многие годы.

Источники свидетельствуют, что широкие планы мероприятий в области науки и просвещения обдумывались Петром I еще с 90-х годов XVII в. Но в условиях борьбы за престол с Софьей, стрелецких бунтов и тем более в условиях Северной войны, до побед над шведами, о практическом осуществлении данных замыслов думать было весьма прежде-

временно.

Создание в 1724 г. Академии наук полностью соответствовало жизненным потребностям страны, вступившей в новые условия и новый значимый этап своего исторического развития.

Основание Академии выражало интересы Российского государства, а также, несомненно, его народа, переживавшего не простой и довольно существенный процесс, внутри которого, народ, превращался в нацию, где происходили свои циклы совершенствования и развития русской национальной культуры, науки и просвещения.

Создание своего рода централизованного и современного «дворца науки» диктовалось в свою очередь, необходимостью обеспечения независимости страны и развития ее экономики и культуры в целом.

Итак, на заседании Сената 22 января 1724 г. был принят проект–положение об учреждении Академии наук и художеств. «Е.И.В. указал учинить Академию, в которой бы учили и языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги. А генваря 22 дня, е.и.в., будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проэкта, на котором собственною своею рукою подписать изволил тако: на Об держание оных определить доходы, которые сбираются с гм родов: Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенный и лицентных 24 912 рублей; и по тому е.и.в» указу Правительствующий Сенат приказали: оные доходы собирая, содержать в рентереи, из которых отпускать в тое Академию и указам из Сената. А кроме того, ни на какие расходы не уши реблять. И о том в Камер-коллегию и в Штатс-контору указы посланы.

Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов: «К расположению художеств и наук употребляются обычай но два образа здания: первой образ называется Университет; второй – Академия или социетет художеств и наук» [5,с.176-180].

В проекте обнаруживается глубокое понимание обстановки, состояния науки и просвещения в России, творческий подход к зарубежному опыту в данном отношении. Его авторы исходили из того, что «невозможно, чтоб здесь следовать в прочих государствах принятому образцу»; что «надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в розсуждении обучающих, так и обучающихся».; что академию следует создавать таким образом, чтобы «не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была» [1,с.22].

Как же разрешался вопрос комплектования научных кадров новой академии? Хотя известные и в отдельных направлениях заметные шаги в подготовке своих специалистов и ученых и были в России в те годы сделаны, но кадрами ученых, стоявших на уровне достижений европейской науки того времени, страна еще не располагала. Поэтому оправда-

на была установка на приглашение для начала ученых из-за границы. При этом ставка делалась на тех крупных ученых, которые пользовались достаточной известностью и научным авторитетом.

Приглашение иностранных ученых, переговоры с ними, заключение контрактов и переезд их в Россию заняли 1724 и 1725 годы. Поэтому открытие Академии наук и назначение ее президентом Л. Блюментроста произошло лишь в декабре 1725 г., к сожалению уже после смерти Петра I.

Таким образом, консолидирование в одном учреждении академии, университета и гимназии предусматривало стройную, хотя и сложную, систему, которая учитывала и условия того времени, когда создавалась Академия наук, и задачи в области науки и просвещения, стоявшие к тому времени время перед страной. Это соединение было рассчитано на то, чтобы в максимально короткий срок подготовить своих, русских ученых и обеспечить нормальную работу учреждаемой Академии наук, а также ее пополнение, при отсутствии в стране системы среднего и высшего образования как такового.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что Петербургская Академия наук сыграла видную и основополагающую роль в развитии русской науки и культуры XVIII века. По существу, она являлась единственным научным центром страны в тот период, в ней была сосредоточена подготовка научных кадров, она являлась центром книгоиздательской и журнальной деятельности.

При активном участии Академии были созданы Московский университет, Российская академия и Академия Художеств. Сотрудники Академии наук принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, а деятельность М.В. Ломоносова явила стране и миру, целую эпоху в развитии русской культуры.

Правящие классы России данного временного периода, были мало заинтересованы в широком распространении просвещения, науки и культуры в среде народа. Феодально-крепостническое государство не только не помогало Академии наук в ее просветительской и культурной миссии, но и ставило различные препоны на пути разработанных русскими учеными проектов и предложений.

Заметный и неоценимый вклад в просветительскую деятельность Академии наук внесла княгиня Е.Р. Дашкова, инициировав организацию и проведение ряда просветительских мероприятий.

Годы пребывания княгини Е.Р. Дашковой на посту директора стали важнейшим этапом просветительской деятельности Академии наук. По ее инициативе было осуществлено крупнейшее начинание – организация общедоступных публичных лекций, издавались три журнала, были

подготовлены академические собрания сочинений М. В. Ломоносова, налажены связи с любителями наук, проживающими в провинциальных городах России.

Издания Академии наук имели, с одной, стороны, просветительное значение, с другой – продажа книг, карт, месяцесловов (календарей), выполнение академической типографией частых заказов пополняли не слишком щедрый бюджет академий. Дашковой удалось добиться снижения цен на изданные книги, чтобы увеличить их сбыт. Рядом мер она содействовала улучшению, расширению и усовершенствованию типографского оборудования. Это принесло свои плоды: доходы академии увеличились, появилась возможность расплатиться с долгами. Лекции Дашкова считала важным средством распространения просвещения. Она подчеркивала, что лекции будут читаться на русском языке «не только для студентов и гимназии учеников, но и для всех посторонних слушателей», «лекции сии будут математические, физические, кералогические и химические» [2,с.95].

Вся деятельность светил и умов Академии строилась на четком понимании своих целей и задач, и в свою очередь была проникнута патриотическим воодушевлением, сопряженным с истинной и горячей любовью к родным языку и культуре.

К слову, непременный секретарь Российской академии И.И. Лепехин ставил задачу: «возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать его пространство, обилие и красоту, постановить ему непреложные правила, явить крат кость и знаменательность его изречений и изыскать глубочайшую его древность» [6,с.32].

Несмотря на все перипетии и сложности, передовые деятели Академии наук вносили неоценимый вклад в развитие русской культуры. Благодаря их личному вкладу в науку, получали развитие образование и просвещение, поднимался уровень культуры и национального самосознания, а наряду с ними, воспитывался и пробуждался истинный патриотизм.

Созданная Академия располагала превосходным, даже наверное колоссальными для того времени библиотекой, музеем, типографией, обсерваторией, ботаническим садом, инструментальными палатами, физическим кабинетом и другими подсобными учреждениями, что в огромной степени и определило необычайно быстро проходивший процесс становления и укрепления Академии, признание ее авторитета другими европейскими Академиями.

По мнению большинства историков, значение Академии наук трудно переоценить, а переосмыслив все заложенные ею платформы, следует заметить, что результатом ее основания стал что ни на есть научный прогресс, до того в мировой истории невиданный.

Путь Академии наук от начального проекта до своего становления

22 января 1724 г., по сути был труден и тернист, но пройдя его, наша наука и страна в целом, получили в дальнейшем возможность создания Академии художеств и русской научной периодики.

Нельзя себе представить, основание первого русского университета и его быстрое превращение в важнейший центр национальной наук, культуры и просвещения без огромной работы по подготовке его первых профессоров, без написания оригинальных учебников, без разработки русской научной терминологии, без начала чтения лекций на русском языке и без многого другого, что было осуществлено Ломоносовым и его соратниками в Академии наук.

Словом, весь базис и его научная платформа страны и нации в целом, родились и получили право на жизнь, именно благодаря Академии наук.

Список использованных источников:

1. Белявский Т.М. Основание Академии наук // Вопросы истории 1974 №5

2. Краснобаев Б.И. Глава двух Академий // Вопросы истории. 1971. № 12

3. Князьков С. Из прошлого русской земли. Москва. Планета, 1991.

4.Княжецкая Е.А. Петр I – член Французской Академии наук. // Вопросы истории. 1972. № 2.

5.Основание Академии наук. Хрестоматия по истории России: учеб. пособие / авт.-сост. Д (' Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М., 2009.

6.Пушкарев Н.Л. Академия наук и русская культура XVIII века.// Вопросы истории 1974 №5

УДК 171/179 ***Люсый А.П.***

КОНФЛИКТ И ИНТИМНОСТЬ: О КОММУНИКАТИВНЫХ ОБРАЗАХ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ТАКОВОЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые аспекты визуализации мыслительной деятельности в прошлом и ее специфика на современном этапе в контексте как коммуникативного, так и визуального и цифрового поворотов. Показано, что воплощенный на экране Логос ранее либо висел на кресте, либо застывал в роденовской позе человека отдыхающего, что вступает в противоречие с динамичной природой кино, где смысл заключается в том, чтобы двигаться с максимальной скоростью, с помощью самых современных средств передвижения.*

В качестве первого шага к изображению самой мысли представлены кунг-фу фильмы, в которых мысль совпадает с движениями, а движения оказываются неотделимы от мысли, поскольку мастер кунг-фу демонстрирует не чувства, а только полеты мысли, которые одновременно являются и движениями тела. В качестве второго этапа выдвинута эпоха «Матрицы», где, по словам С. Жижека, узнает себя практически любая теоретическая концепция.

***Ключевые слова**: дизайн, субстанция, разум, функция, строение, медиа, знак, конструирование, визуальность, апгрейд .*

***Annotation.** The article discusses the key aspects of visualization of mental activity in the past and its specifics at the present stage in the context of both communicative, visual and digital turns. The article deals with the key aspects of visualization of thinking activity in the past and the specifics of such activities at the present stage in the context of visual and digital rotation. It is shown that the Logos embodied on the screen earlier either hung on the cross, or frozen in the Roden's position of the person resting, which contradicts the dynamic nature of the cinema, where the meaning is to move at the maximum speed, using the most modern means of transportation. As a first step to the image of the thought itself, there are kung fu films in which the thought coincides with the movements, and the movements are inseparable from the thought, since the kung fu master does not show feelings, but only flights of thought, which are also movements of the body. As the second stage, the era of the "Matrix" was put forward, where, according to S. Zizek, practically any theoretical concept recognizes itself.*

***Keywords:** design, substance, reason, function, structure, media, sign, design, visuality, upgrade.*

Коммуникация в той или иной степени динамична и, вследствие этого, потенциально конфликтна. «Драка всегда оставляет неприятный осадок, привкус, так сказать, поспешной интимности, и, независимо от того, что нападал-то не он, у Ульриха было такое чувство, что он вел себя неподобающим образом» – так Роберт Музиль описывал один из моментов саморефлексии героя своего романа «Человек без свойств».

Как будто бы отталкиваясь от творчества Р. Музиля, суть которого литературовед Э. Хильшер свел к дневниковой записи автора: «Попытки найти другого человека» [18, с. 123], Ю. Хабермас различает действие, направленное на успех, и действие для достижения понимания. Успех оценивается относительно положения дел, которые являются вмешательством в мир с определенными целями. Достижение понимания – это интегративный процесс, с помощью которого его частники ищут согласие в ходе собственного взаимодействия друг с другом [17, с. 198-210].

Хабермас не стремится показать аналитические различия между всеми типами действия, поскольку на практике они могут сочетаться и только сами участники коммуникации могут понять, на что оно ориентировано (на успех или достижение понимания). Кроме того, типы различаются их ориентацией на результат, поэтому коммуникативное действие отличается от просто беседы, танца, музыки, живописи, поскольку является инструментом для координации действий человека [14, с. 43].

Не так давно американская поп-звезда Мадонна представила клип на сингл (как называется грампластинка, на каждой стороне которой размещена только одна музыкальная композиция) Living For Love («Жить ради любви») из своего нового альбома Rebel Heart («Мятежное сердце»). Певица примерила элегантный и страстный образ матадора в процессе борьбы с танцующими мускулистыми минотаврами. Жакет из красного шелкового бархата с ручной вышивкой и укороченные брюки с лампасами для певицы создала набирающая популярность российский модельер Ульяна Сергеенко, работающая в ретростиле Russian Lady, как это назвали на Западе. Завершался ролик цитатой из книги «Так говорил Заратустра» философа Фридриха Ницше: «Ибо человек - самое жестокое из всех животных. Во время трагедий, боя быков и распятий он до сих пор лучше всего чувствовал себя на земле; и когда он нашел себе ад, то ад сделался его небом на земле» [13, с. 157]. Так воплотилась мечта самого философа о танцующих (и поющих) идеях самосозидания-самовыворачивания. Такие формы приобрёл и посыл философа, что человек – это нечто, что следует преодолеть.

Впрочем, что касается Мадонны, здесь все же не мысль танцует, а скорее танец мыслит как может, комбинирует, транзистирует, коммуницирует. В смысле транзистологии. Но как выглядит дизайн мыслительного ландшафта в своей функциональности?

Интеллектуальная история человечества накопила солидный багаж зрительных коммуникативных метафор. Многие из них могут явиться предпосылкой для качественного скачка в использовании визуализации процесса мышления. Древнегреческий философ Парменид в качестве описания предельных сущностей бытия выбрал модель шара, вследствие чего античная философия в момент своего становления предстает в образе игры в бильярд с участием шарообразного бога учителя Парменида Ксенофана и шарообразного бытия как такового самого Парменида. Ум и душа как два зеркала умопостигаемой реальности, во взаимных отражениях которых возникают различные чувственные образы познания, – так Плотин подводил визуальные итоги античной философии [12, с. 151].

Что касается индийского мышления – известны не лишенные юмора барельефы, изображающие аскезу Бхагиратхи, медитирующей,

стоя на одной ноге, рядом с которой изображена кошка в аналогичной позе, тоже вступающая на «путь духовности», зачаровывая мышей. Сюда А.В. Макулин добавляет так называемых «Трех обезьян», закрывающих лапами глаза, уши и рот, что выражает буддистскую идею отрицания неистинного: «не вижу, не слышу и ничего не говорю о зле», одновременно отсылая к высказыванию Конфуция: «Не смотри на то, что чуждо ритуалу, Не внемли тому, что чуждо ритуалу, Не говори того, что чуждо ритуалу…» [10, с. 35].

В китайской живописи популярен сюжет, в котором три мыслителя – Будда, Конфуций и Лао-цзы – испытывают на вкус уксус. Попробовав продукт, Будда объявил его горьким, Конфуций – кислым, а Лао-Цзы – сладким. Сцена в аллегорической форме отражает отношение трех мыслителей к жизни – Будда пессимистично считал жизнь более горькой, чем она есть на самом деле, Конфуций реалистично констатировал факт как таковой, и лишь Лао-цзы обычно противоречил бытующим оценкам. «Решающий фактор своеобразия китайской мысли – это пространственно-образные стратегии визуального мышления, запечатленные изначально пикто / идеографическим характером китайской письменности» [10, с. 36]. *Иероглиф – пространственное движение во всех стороны и одновременно во внутрь*.

Повышается степень наглядности в науке и философии Нового времени, отчасти благодаря Р. Декарту, породившему своей геометрической системой координат образ познания как урока перед учебной доской. Параллельно возникает «Лестница Восхождения и Нисхождения» Р. Луллия, на которую вдруг при очень пристальном разглядывании врываются три мушкетера, сражающиеся с гвардейцами кардинала. Через много лет теоретики изобретательской деятельности заявят, что «три мушкетера» – схема идеального творческого коллектива (генератор идей, эрудит, критик и исполнитель) [1, с. 18].

Характеризуя такой запас знаний, который предполагает и *самокоммуникацию*, М. Мерло-Понти писал, что видение – это не простое созерцание и даже «не один из модусов мышления или наличного бытия “для себя”», а способность выходить за пределы самого себя, «быть вне самого себя, изнутри участвовать в артикуляции Бытия, и мое “я” завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода вовне» [11, с. 51].

Однако сам по себе визуальный скачок не мог произойти изнутри самого мышления. Большую роль в этом играют новые технологии. Об этом писал А. Уайтхед, «причина, по которой мы оказались на более высоком уровне воображения, заключается не в том, что наше воображение стало лучше, а в том, что мы имеем гораздо более совершенные приборы» [15, с. 175]. Важнейшим из таких «приборов» стало кино,

превратившееся, как это показал Ж. Делёз, из объекта мышления в способ мышления [7].

Визуализация этого процесса в его функциональности на экранной плоскости – одно из наиболее показательных явлений. Размышляя об этом, Б. Гройс отмечал, что в разных фильмах не раз делались попытки показать на экране саму фигуру мыслителя в процессе размышлений. Но такой подход противоречит самой динамичной природе кино, где смысл заключается в том, чтобы двигаться с максимально возможной скоростью, чаще с помощью самых современных средств передвижения, и при этом метко стрелять.

Первым шагом к изображению мысли философа, по наблюдению Б. Гройса, стали кунг-фу фильмы, в которых мысль совпадает с движениями. Мастер этого вида единоборства «движется так, как он мыслит и мыслит так, как движется. Его жест – это его мысли, а его мысли – это его жест. Король кунг-фу, абсолютный мастер – это человек, у которого нет чувств, нет переживаний, у которого есть только движения мысли, и движения мысли – это движения тела» [4]. Это важнейший сдвиг не только в истории кино, как утверждает Б. Гройс, но и в ментальности как таковой, поскольку мыслитель в искусстве ранее воплощался только неподвижно (как, например, скульптура О. Родена).

Сам принцип приведения в движение как основное орудие фильма, кино как таковое означает негацию, повсеместное разрушение, тотальное убиение всех присутствующих ради конечного торжества той или иной идеи. Обычно правом сказать что-то нетривиальным и умным в американских фильмах наделяется киллер-профессионал, одиночка, не связанный с кем-либо устойчивыми межличностными отношениями. При этом вынужденный убийца из страсти ничего по-настоящему глубокого сказать не может. Вот подтверждение тому, что только абсолютное движение, абсолютное разрушение и абсолютное приведение в движение чего угодно оправдывает на экране именно философское высказывание, диалектическую сущность философии. Понятие устойчивого «творческого коллектива» растворяется в виртуальной реальности.

Самый же философский из призов пока заслуживает любимый фильм словенского философа Славоя Жижека «Матрица», в котором узнает себя практически любая теоретическая концепция. Авторы, как установлено, внимательно читали Ж. Лакана. Приверженцы Франкфуртской школы увидели в «Матрице» «экстраполированное воплощение Kulturindustrie, отчужденно-овеществленную социальную Субстанцию (Капитал), воспринимаемую непосредственно, колонизирующую нашу внутреннюю жизнь, использующую нас в качестве источника энергии; сторонники New Age видят в ней источник размышлений о том, что наш

мир – это только мираж, порожденный всемирным Разумом, который воплотился во Всемирной паутине…» [8].

Разум воплотился в паутине, идеально совпавшей с нелинейной природой мышления. Среди философских предтеч «Матрицы» автор знаменитого эссе «Орнамент и преступление» Адольф Лоос, который в области архитектуры был тем же, кем А. Шёнберг в музыке, Л. Витгенштейн – в философии, а Карл Краус – журналистике, яростно изгоняя из своей дисциплины все нечистое и наносное. В частности, он считал орнаментальный дизайн *арнуво* эротичным и вы рожденческим, противоречащим правильному развитию цивилизации, которая должна двигаться по пути сублимации, более четкого проведения границ и еще большей чистоты. Отсюда его прогноз, что с развитием культуры орнамент на предметах обихода будет постепенно исчезать, и, наконец, пресловутое объединение «орнамента и преступления» [9, с. 144].

По мнению теоретика современного искусства Хэла Фостера, название книги которого «Дизайн и преступление», неслучайно перекликается с названием отмеченного выше эссе, дизайн – пораженческое искусство без заложенного внутри смысла или Духа времени, архитектура, которая возникает просто для того, чтобы, вопреки функциональности и идейному капиталу объекта, поражать своей экзотичностью и пышными формами, а также общий идейный разброд, потеря середины, угроза окончательного отчуждения истории и рассудка от творческого и мыслительного процесса. «Сегодня не нужно несметных богатств, чтобы стать дизайнером или даже объектом дизайна – неважно, идет ли речь о вашем доме, бизнесе, обвисшей коже на лице (дизайнерская хирургия), заторможенной психике (дизайнерские наркотики), исторической памяти (дизайнерские музеи) или будущем вашей ДНК (дизайнерские дети)» [16, с. 98].

Кунг-фу дизайна – это тотальное произведение искусства, которое, объединяя архитектуру, живопись, кино, искусство как таковое и ремесло, одновременно стирая границу между субъектом и объектом. Начав с ослабления границ между архитектурой и информацией, дизайн несет универсальную семантизацию среды, в которой все становится предметом исчисления функций и значений, что Ж. Бодрийяр определил как «тотальную функциональность и тотальную семиургию» [3, с. 264]. Существующие на сегодняшний день предметы дизайна группируются в более обширные области, объекты дизайна, которыми могут стать и разные новые изделия, ансамбли, комплексы, системы в любой сфере жизнедеятельности общества. В качестве этих объектов выступают всеохватывающие категории: образы, функции, строения и структуры, технологические формы, эстетические ценности.

Ж. Бодрийяр полагал, что политическая экономия знака подразумевает взаимопреобразование структур товара и знака, т.е. их совместное существование в качестве единой сущности – товаров-образов, имеющих знаковую меновую стоимость [3, с. 146]. Дизайн в первую очередь связан с желанием, которое сегодня парадоксальным образом кажется бессубъектным. Можно сказать, что дизайн формирует новый тип нарциссизма, связанный исключительно с образом, не имея при этом внутреннего измерения. Это апофеоз субъекта, чреватый его же исчезновением. Поединок образа и знака замыкается в самом себе.

Современный глобальный мир пронизан соответствующей ему машиной производства образов, каковой стали массмедиа, намного превосходящие по масштабу и эффективности современные художественные системы. Для своего запуска и функционирования эта медиамашина не нуждается в индивидуальном художественном вмешательстве посредством какого-либо индивидуального художественного решения. «Если же художник выходит за пределы художественной системы, – отмечает Б. Гройс, – то и сам начинает функционировать так же, как эти политики, спортсмены, террористы, кинозвезды и другие крупные и мелкие знаменитости: его действия начинают освещать медиа. Иначе говоря, художник сам становится произведением искусства. Переход из художественной системы в политическую возможен, но он представляет собой в первую очередь изменение позиции художника по отношению к процессу производства образов» [5, с. 139].

Подобную трансформацию заметил еще Фр. Ницше, сказавший, что лучше быть художественным произведением, чем художником [13, с. 62]. Однако перспектива стать произведением искусства доставляет, безусловно, не только удовольствие, но и порождает тревогу, вследствие постоянной доступности взгляду другого – взгляду медиа, играющих роль *сверххудожника*.

Б. Гройс опознает тревогу самодизайна, которая заставляет художника, как и любого, кто попадает в зону внимания медиа, сталкиваться с образом самого себя, исправлять, менять, переделывать или опровергать его. Искусство в наше время все больше напоминает дизайн, но все же не сливается с ним. *Главная проблема дизайна сегодня не в том, как я могу спроектировать окружающий мир, а в том, как я могу спроектировать самого себя, или, вернее, как я могу справиться с тем, как этот мир проектирует меня*. Сегодня это становится общей, всепроникающей проблемой, с которой сталкиваются все, а не только политики, кинозвезды и другие знаменитости. *Таким путем взаимодействия сознания с новыми технологиями происходит формирование новой субъективности, которая нам представляется как селф-субъективность.*

Б. Гройс, с акцентом на эстетическую оценку и необходимость взятия на себя эстетической ответственности за свой облик, вводит понятие –*самодизайн*, который некогда был привилегией и бременем немногих избранных, а в наше время оказался массовой культурной практикой. Виртуальное пространство Интернета стало площадкой, на которой идет постоянное цифровое конструирование и переконструирование своего лица и своего пространства для дальнейшей презентации на YouTube и наоборот. Но и в реальном, остающемся аналоговым мире от нас по-прежнему все же ждут ответственного отношения к тому, в каком образе себя мы являем взгляду других. «Самодизайн – это практика, наиболее радикальным образом объединяющая художника и его аудиторию, потому что не все производят художественные произведения, но все являются художественными произведениями и одновременно считаются их авторами» [6, с. 291].

Любой вид дизайна, в том числе самодизайн, чаще всего оказывается под подозрением, что он больше скрывает, нежели показывает. При этом эстетизация политики интерпретируется как способ замещать политический месседж визуальными эффектами, а реальные проблемы – созданием поверхностного имиджа. Но проблемы постоянно меняются, а имидж остается. Человек легко становится заложником своего имиджа. И его политические убеждения легко можно осмеять, представив их лишь как часть *самодизайна*. Дизайн улучшает внешний облик объекта дизайна, но в то же время вызывает подозрение, что без своей внешней, облагороженной дизайном оболочки этот объект был бы исключительно уродливым и отталкивающим. «По сути, дизайн, в том числе *самодизайн*, это в первую очередь машина по производству подозрения. Современный мир тотального дизайна часто описывается как мир тотального соблазна, вытеснившего неприглядную реальность. Но мир тотального дизайна, скорее, является миром тотального подозрения – скрытой угрозы, притаившейся под дизайнерской поверхностью. Поэтому главная цель само-дизайна – нейтрализация подозрения со стороны возможного зрителя или создание впечатления искренности, которая вызывает у зрителя доверие. Производством искренности и доверия в современном мире занимаются все» [5, с. 292]. Впрочем, это всегда было и остается главным делом искусства, во всяком случае, «современного».

Художник эпохи модернизма обычно позиционировал себя как единственного честного человека, выделяющегося из мира лицемерия и продажности. В модернизме производство искренности действовало как способ редукции дизайна. Целью было создать пустое, незаполненное пространство, устранить дизайн, практикуя тем самым «нулевой дизайн». Так и художественный авангард надеялся создать свободные от

дизайна области, которые воспринимались бы как зоны искренности и доверия. Иначе говоря, люди ждут момента искренности, когда сформированная дизайном поверхность даст трещину, и можно будет увидеть, что скрыто внутри. Нуль-дизайн – это попытка искусственного создания такой трещины на поверхности. Он обеспечивает зрителю просвет, пустой участок поверхности, сквозь который зритель должен увидеть вещи в их подлинном обличье. Возникает медиальная структура, внутри которой *иконоклазм* (иконоборчество) является методом порождения иконы же, продуктивным, и даже единственным.

Б. Гройс прослеживает, как функционируют современные иконы, которые не были созданы художником, а возникли как будто бы спонтанно в современном медиальном пространстве. К примеру, теракты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке создали (спорный вопрос, насколько спонтанно) медиальную икону самолетов, врезающихся в Twin Towers. А в последнее время ее своеобразной оборотной стороной стала фотография из Абу Грейб, где женщина-солдат ведет на цепочке иракского пленного, стоящего на четвереньках. Сведущие искусствоведы опознают в ней один из вариантов акции 1960-х годов Вали Экспорт и Петера Вайбеля [8]. Не грех вспомнить тут и Олега Кулика, а также П. Пазолини, где в «100 днях Содома» возникла практически та же композиция. События становятся как политической, так и эстетической репрезентацией медиальной структуры фильмов, при том что медиальная структура фильма как основа современной медиа представляет собой не что иное, как приведение вещей в движение, как правило, разрушительное.

Постмодернистская эпоха растерянности и утраты ориентиров становится пространством победы глобального супермаркета, в котором какую-то ценность представляют лишь предметы с назначенной стоимостью. Дизайн, по мнению Фостера, – это пораженческое искусство без заложенного внутри смысла или Духа времени, архитектура, которая возникает просто для того, чтобы, вопреки функциональности и идейному капиталу объекта, поражать своей экзотичностью и пышными формами, а также общий идейный разброд, потеря середины, угроза окончательного отчуждения истории и рассудка от творческого и мыслительного процесса. «Дизайн стал источником практически бесперебойного круговорота производства и потребления, почти не оставив „простора“ для чего-либо иного» [5, с. 98].

Если первая промышленная революция сформировала поле политической экономии, рациональной теории материального производства, то вторая промышленная революция распространила систему меновой стоимости на всю область знаков, форм и предметов. Качественный скачок от политической экономии товара к «политической экономии знака», в рамках которой структуры товара и знака взаимопреобразовывали

друг друга, сделали возможной совместную циркуляцию в качестве единой сущности – товаров-образов, обладающих знаковой меновой стоимостью. «Проект, ставящий целью воссоединение жизни и искусства и в разных вариантах поддерживавшийся представителями арнуво, Баухауза и многих других движений, в итоге оказался реализован – но в согласии со спектакулярными требованиями культурной индустрии, а не с освободительными амбициями авангарда» [16, с. 190]. И в наше время новых глобальных сдвигов главной формой пусть искаженного, но воссоединения форм, что подкрепляется новыми научными исследованиями деятельности головного мозга во взаимодействии с гуманитарными науками [20], остается дизайн.

Как и экономика в целом, дизайн этически нейтрален, но при этом вопрос об «ответственности форм» не снимается, о чем пишет в «Мифологиях» Р. Барт, приходя к выводу, что данную проблему следует ставить как проблему значения [2, с. 233]. Дизайнерский остаток динамичного,включая и конфликтную составляющую, «символического обмена» нацелен на комфорт познающего пользователя в его стремлении к эвристической визуальной объективации знания [23, с. 24].

Таково на сегодняшний день понимание «ответственности форм» и поступков в контексте логики визуального мышления и новой, иероглифически мерцающей субъективности [21, с. 113–114; 22, с. 39–40]. Немаловажной задачей на пути дальнейшего постижения данного состояния является понимание того, насколько органично описанные элементы и механизмы адаптируются к динамической картине текущих философских построений, стимулируя их динамику и приложимость к общественным наукам.

Список использованных источников:

1. Альтшуллер Г.С. Девиз мушкетеров, или Как как должны действовать части технической системы // Техника и наука. 1980, № 12. С. 18-19.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.

3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.

4. Гройс Б.Е. Искусство. Дизайн. Политика // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/664. [Дата обращения: 12.08.2018]

5. Гройс Б.Е. Политика поэтики. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. - 396 с.

6. Гройс Б. Политика самодизайна // Художественный журнал.

2011. № 83. URL: http://moscowartmagazine.com/issue/14/article/186 [Дата обращения: 18.03.2019]

7. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 559 с.

8. Жижек С. Матрица – истина преувеличения // Anthropology. Ru. URL: http://anthropology.ru/ru/text/zhizhek-s/matrica-istina-preuvelicheniy. [Дата обращения: 12.08.2018]

9. Лоос А. Орнамент и преступление // Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. С. 143–152.

10. Макулин А.В. ВИЗИОСОФИЯ: монография : в 2 ч. – Архангельск : Изд-во Северного гос. мед. ун-та, 2017. Ч. I : Око Линкея и щит Персея. – 480 с.

11. Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992. 63 с.

12. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. — М.: «РОССийская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 240 с.

13. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с.

14. Семенова А.А. Хабермас о стратегическом и коммуникативном действии // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 1. - С. 42-46.

15. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. 716 с.

16. Фостер Х. Дизайн и преступление. М.: V-A-C press, 2015. 206 с.

17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 379 с.

18. Хильшер Э. Поэтические картины мира. Генрих Манн, Томас Манн, Роберт Музиль, Лион Фейхтвангер. М.: Художественная литература, 1979. 195 с.

19. Drawing the Soul: Schemas and Models in Psychoanalysis / edited by Bernard Burgoyne. Rebus Press, 2000. 248 p.

20. Jon Leefmann Elisabeth Hildt. The Human Sciences after the Decade of the Brain. Amsterdam: Academic Press, 2017. 320 p.

21. Klinke H. (ed.) (2014). Art Theory as Visual Epistemology. Cambridge Schol-ars Publishing. 147 p.

22. Maclej Karwowski, James Kaufman. The Creative Self: Effect of Beliefs, Self-Efficacy, Mindset, and Identity. Amsterdam: Academic Press Published, 2017. 418 p.

23. Tufte E. Envisioning Information. Cheshire: Graphics Press, 1990. 127 p.

УДК 17.022.1 ***Максимова О.Л, Максимова Н.Л.***

КУЛЬТУРНЫЙ «ПАРКУР»: АРТЕФАКТЫ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦЕННОСТНЫХ МИРОВ

Аннотация: *В статье анализируется ценностная мотивация представителей молодежных субкультур при взаимодействии с социокультурной средой, рассматривается специфический способ познания пространства через движение и выявляются особенности восприятия культурных артефактов как точки встречи разных систем ценностей.*

Ключевые слова: *ценности, субкультура, паркур*

Abstract: *The article considers the values and the motivation of the youth subcultures representatives in the interaction with the sociocultural milieu. Attention is paid to the particular way of environment knowing via motion and the specific perception of the cultural artefacts as points of the different value systems meeting.*

Keywords: *value, subculture, parkour*

Идея данной статьи была подсказана случаем, произошедшим в музее Севастополя «Херсонес Таврический» на выставке «Херсонес сквозь века». Экспозиция выставки представляла собой размещенные под открытым небом исторические артефакты: известняковые фрагменты архитектурных деталей античных храмов, постаменты древних статуй, мраморные капители, колонны византийских базилик, ядра для баллист и т.д.

Среди энергичных и любопытных туристов, исследовавших развалины древнегреческого полиса, оказались гиперактивные мальчишки, один из которых крикнул своим друзьям: «Попаркурим?!» Первоначальный интерес вызвало именно это необычное слово, ставшее лингвистической находкой дня. Однако действия, последовавшие за этим призывом, вызвали настоящий культурный шок. Подражая акробатическим трюкам трейсеров, ребята резво, в прыжках и кувырканиях, поскакали «осматривать» выставку, опираясь на элементы экспозиции, возраст которых составлял более 1000 лет.

Представленная ситуация, безусловно, зацепила нас и периодически всплывала в памяти еще и в связи с тем, что постоянно подпитывалась схожими инцидентами, представленными в средствах массовой информации («Двое молодых любителей паркура из России разрушили стену древнегреческого памятника архитектуры Парфенона в Акрополе» [2], «Руферы взобрались на купол Казанского собора и сняли свое восхождение с коптера» [6] и др.). Вопрос «Попаркурим?» стал для нас

своеобразным лейтмотивом, объединяющим случаи подобного рода в один ряд, и приобрел в определенной мере символический смысл.

Паркур – это нечто большее, чем просто «система физического передвижения из одной точки в другую за минимум времени с сохранением максимума энергии, без применения вспомогательных средств» [2]. Дисциплина, изначально призванная сформировать сильного и полезного обществу человека с развитыми физическими и морально-волевыми качествами, стала трактоваться ее последователями как искусство, стиль жизни и особая философия. Коммерческий успех и внешняя, эффектная сторона паркура привлекли к движению большое количество подражателей, не в полной мере понимающих его глубинные ценности и вследствие этого осознанно или неосознанно эпатирующих публику. Однако значит ли это, что трейсеры и представители схожих молодежных субкультур (например, руферы) полностью отвергают «традиционные» ценности?

Анализируя историю, произошедшую в Херсонесе, и другие аналогичные инциденты, можно сделать следующие выводы. Во-первых, действия «покорителей» Херсонеса, Парфенона, Казанского собора и других достопримечательностей, по нашему мнению, не сводятся лишь к хулиганству, бунтарству или даже – по крайне негативным оценкам – вандализму, так как в большинстве случаев не имеют целью отрицание культурных ценностей. Обращаясь к репликам трейсеров и руферов, мы фиксируем искреннее непонимание общественного осуждения и тем более правовой ответственности, в частности: «Я не хотел оскорбить чувства верующих. А сейчас мне пишут угрозы, что мне ноги переломают и тому подобное. Но я никакого вреда имуществу не причинил и не хотел причинить» [5]; «Я же ничего не хотел испортить. Я же не лез туда, чтобы этот крест пилить» [6].

Какова же тогда ценностная мотивация «героев нашего времени»? В первую очередь, речь идет о представителях субкультур, которые выросли в условиях городской (урбанизированной) среды, воспринимаемой ими как нечто естественное, как некая данность. В связи с этим обитатели «каменных джунглей» часто игнорируют ценностное содержание, приписываемое тем или иным объектам, и без особых колебаний вторгаются в пространство, которое в общественном сознании в силу традиции или ряда других причин мыслится как сакрализованное, опасное.

Основоположник паркура Давид Белль, комментируя такие ситуации в собственной практике, отмечал: «Иногда я попадал в места, запрещенные для посторонних, но я не отдавал себе в этом отчет, просто так выходило, что я искал многие трассы, и посреди некоторых находились предупредительные заграждения и таблички. Я проводил время на

открытом воздухе и не считал себя каким-то преступником. Я чувствовал себя как птицы, свободные в своей невесомости, или как коты, с их любовью гулять там, где они хотят. Я не понимал, когда люди начинали нервничать. Они видели, как я прыгал с улыбкой и как с улыбкой им отвечал, что я не вор, что я прекрасно знаю, что делаю, что уважаю окружение, в котором нахожусь» [1].

К тому же следует обратить внимание на мощное влияние массовой культуры с ее персонажами, которая актуализирует подобный «героический» характер освоения социокультурной среды с эффектным преодолением разнообразных препятствий. Очевидно, что у молодых людей проявляется желание идентифицировать себя с многочисленными супергероями и тем самым выделиться из толпы, заявить о себе, зафиксировав результат при помощи фото- или видеосъемки. Интерес к впечатляющей, красивой картинке на выходе будоражит воображение и создает дополнительную мотивацию для того, чтобы действовать («Я просто хотел сфотографироваться» [5]; «Я просто туда залез, сфотографировался и ушел» [6]). При этом частая неспособность считывать, расшифровывать культурные коды не препятствует тому эстетическому воздействию артефактов, в поле визуального притяжения которых попадают современные дети и подростки.

Во-вторых, в рассматриваемых ситуациях проявляется специфический способ познания пространства и осмысления современной культуры, обусловленный определенными ценностными сдвигами. Как отмечают психологи Казанского университета, «трейсеры (то есть люди, которые занимаются паркуром) на телесном уровне, в движении «осознают» ключевые коды постмодерной эпохи. Таким образом, помимо определённых физических навыков трейсеры приобретают способность по-другому воспринимать пространство, которое их окружает, а в дальнейшем – по-другому смотреть на мир в целом» [3].

Паркур с его стремлением пересмотреть не только внешние границы, но и освободиться от внутренних барьеров становится для нас метафорой современной социокультурной ситуации, в которой субъект культуры осваивает окружающую его среду и функционирует внутри нее по другим правилам. Для трейсера, использующего в процессе передвижения только собственное тело, элементы городского ландшафта (скамейки, бордюры, деревья, лестницы, стены, парапеты, крыши и др.) не являются самоценными, а воспринимаются лишь как низкие или высокие препятствия, которые нужно суметь обойти или преодолеть с минимальной затратой ресурсов (временных, энергетических и др.).

С физической точки зрения, это та же система координат, в которой существует каждый из нас, но с аксиологической – всё оказывается гораздо сложнее, в особенности тогда, когда точкой пересечения разных

ценностных миров становится значимый артефакт (историко-культурный памятник, произведение искусства и т.п.). Если традиционное восприятие культурных ценностей связано с их сакрализацией и возникающими в связи с этим запретами, предполагает почтительное созерцание на расстоянии (запрет дотрагиваться до произведения искусства в музее, переходить какую-либо черту, вступать в контактное взаимодействие), то культурный «паркур» демонстрирует ориентацию на создание интерактивного пространства, поскольку именно в процессе взаимодействия с объектом происходит рождение актуальных культурных смыслов, формирование определенной системы ценностей.

Таким образом, отношение к культурным артефактам становится лакмусовой бумагой, проявляющей многомерность социокультурной среды и акцентирующей внимание на особенностях ценностных миров, в которых живут разные люди. Маловосприимчивость к чужим смыслам во многом препятствует взаимопониманию, но при этом не позволяет нам назвать другое видение ущербным и тем более преступным. В большинстве анализируемых случаев, героями которых являются представители современных субкультур, мы сталкиваемся не с отрицанием устоявшихся культурных ценностей, а, скорее, с попыткой выработать новый способ взаимодействия с ними, актуализировать их ценностное содержание в условиях изменяющейся урбанизированной среды.

Список использованных источников:

1. Белль Давид. Паркур. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=271107&p=1 (дата обращения: 12.11.2019)

2. Двое молодых любителей паркура из России разрушили стену древнегреческого памятника архитектуры Парфенона в Акрополе. URL: https://www.ntv.ru/novosti/1230397/ (дата обращения: 12.11.2019)

3. Зарипова Д. Психологи КФУ: паркур – это новая социальная философия. URL: https://teacher21.kpfu.ru/psihologi-kfu-parkur-eto-novaya-sotsialnaya-filosofiya/ (дата обращения: 12.11.2019)

4. Недоруб С. Паркур как культура будущего. URL: http://www.wolfreactor.ru/?p=595 (дата обращения: 12.11.2019)

5. Романов Л. Школьник-руфер, который залез на крест храма на Урале: «Я просто хотел сфотографироваться». URL: https://www.ural.kp.ru/daily/26707.4/3731659/ (дата обращения: 12.11.2019)

6. Фисенко Е. Руферы взобрались на купол Казанского собора и сняли свое восхождение с коптера. URL: https://www.vesti.ru/videos/show/vid/795692/# (дата обращения: 12.11.2019)

УДК 130.2:165.191:82-343 ***Масаев М. В.***

МИФЫ И МИФОТВОРЧЕСТВО: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *Статья рассматривает вопрос о диалектике взаимоотношений мифов и мифотворчества сквозь призму социально-философского и культурологического анализа.*

Ключевые слова: *мифы, мифотворчество, социально-философский и культурологический анализ.*

Summary. *The article considers the question about dialectics of the mutual relations between myths and myth-making through the prism of socio-philosophical and cultural analysis.*

Key words*: myths, myth-making, socio-philosophical and cultural analysis.*

Достаточно показательным является тезис о том, что «современная культурная ситуация, связанная с формированием постиндустриального общества, характеризуется возрастанием роли мифотворчества» [1]. Естественно, перед нами в данном случае возникает закономерный вопрос, а в чём же это (возрастание роли мифотворчества – М. М.) проявляется? А проявляется оно, по мнению цитированного выше автора, в достаточно активном «производстве, трансляции и тиражировании различного рода мифов», которые чётко стыкуются с так называемой «транформацией общественного сознания» и довольно многочисленными попытками, направленными на разрешение зачастую весьма сложных противоречий, а именно – противоречий между тенденциями общественного развития, с одной стороны, и «адаптивными возможностями человека» – с другой. Поэтому можно согласиться, что настолько широкое распространение мифов в культуре всячески усиливает потребность именно в «философском осмыслении феномена современного мифотворчества», то есть именно этих самых «механизмов **культурного и социального воздействия новых медиа-мифов** (выделено нами – М. М.), социальных мифологий и т.п. на массовую аудиторию» [1]. О значимости вышеприведённых «механизмов» в русле переосмысления феноменов культуры и социума говорится, в частности, также и в таких работах, как «Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций» [5] и «О некоторых аспектах феномена культурной войны» [6].

Таким образом, у нас в данной ситуации отпадают сомнения в актуальности и злободневности данной темы для общества и, как след-

ствие, для социально-философской науки, что должно, несомненно, инициировать и социально-философский анализ поставленной проблемы.

Впрочем, не вызывает сомнения актуальность данной проблемы и в культурологической науке и практике. В этом отношении показательно мнение О. Н. Стрельник в статье, изложенной на страницах такого брендового журнала, как «Вопросы философии», где говорится о том, что миф «вернулся в новом облачении и с новыми возможностями». Причём именно этот тезис, подчёркивает исследователь, в конце прошлого столетия достаточно часто повторяли философы и культурологи, антропологи и психологи, а также многие журналисты. Но что для нас здесь может быть особенно интересно? А интересным здесь может быть то, что, «по большому счету, миф никуда не уходил», а, помимо всего прочего, в течение тысяч лет он, меняя облик, оставался, тем не менее, «одной из важнейших **форм культуры (**выделено нами. – М. М**.)**». При этом само формирование постиндустриального, а затем информационного общества (почему мы и говорим в заголовке о социально-философском анализе – М. М.), которое было инициировано как развитием науки, так и появлением новых способов обработки и тиражирования информации, не привело, однако, к «тотальной рационализации культурной и социальной жизни». А между тем именно «новый век воспроизводит прежнюю «сеть» мифологий и создает новые, которые, как и в архаических обществах, поддерживают воспроизводство социального порядка и определяют самопонимание человека». И здесь получается следующая картина, когда «миф оказывается не «недоразвитой» формой культуры и преодоленным этапом в развитии человечества». Наоборот – именно миф перманентно проявляется именно в культуре, будучи одним из ее оснований, а именно – «первичной формой «конструирования» собственно человеческой реальности и устойчивым элементом социальной коммуникации». Поэтому отнюдь не случайно, что именно в наше противоречивое время так называемые «мифологические компоненты» пытливый ум может обнаружить в искусстве и религии, политике и науке (так называемые паранаучные и квазинаучные формы), а также в пространстве средств массовой информации. Кроме того, именно кажущаяся зачастую парадоксальной «логика» мифа определяет мышление и действия человека независимо от того, осознается это им или нет» [2].

И действительно, концепты мифа и мифологического были реальными предметами осмысления и переосмысления на протяжении всей достаточно долгой (и как следствие противоречивой) истории философии. Но в 60–70-е гг. XX в. интерес к данному «сюжету» обостряется. И «обострение» это происходит в связи с теми изменениями, трансформациями, которые произошли в так называемом «массовом обществе».

Именно это самое мифотворчество становится нередко составной частью «манипулятивных технологий» в самых разнообразных сферах – в политике и культуре, средствах массовой информации и рекламе. И действительно, во многом следствием данного обстоятельства становится тот факт, что «исследования мифа теперь по большей части носят прикладной характер», а достаточно сомнительный (в смысле его конечности) «последний этап исследований», который начал разворачиваться примерно во второй половине 90-х гг. XX в., связан с большой долей вероятности с дальнейшим распространением системы интернет, буквально породившей этот самый «новый тип мифотворческих практик» [2].

Весьма важен в этом отношении анализ о «конструировании» мифа в обществе массовой коммуникации, а также роли в этом современных средств массовой информации. Действительно, в отношении единой базы этого анализа может быть избрана так называемая «семиологическая парадигма» Р. Барта. Барт действительно определяет миф как *вторичную семиологическую систему*, которая формируется путем «деформации» естественного языка. При этом основное в мифологическом сообщении – его форма, а не содержание. Как следствие задача мифа – не что иное, как «маскировка социального, исторического, т.е. преходящего и случайного, под природное – вечное и неизбежное». Таким образом, именно миф превращает историю в природу, существующий социальный порядок – в естественный и неизбежный. И хотя миф ничего не объясняет, его констатирующие формулировки создают видимость объяснения. Кроме того, «…миф есть слово, в котором интенция… гораздо важнее буквального смысла… и в то же время интенция здесь как бы застывает, очищается, возводится к вечности, делается отсутствующей благодаря буквальному смыслу…» [2; 3]. Если придерживаться также интерпретационной позиции о том, что «миф превращает историю в природу» (см. выше – М. М.), то мы с неизбежностью должны обращаться также к такому сложному и многогранному феномену, как историческая память. И здесь момент постижения и осмысления исторической памяти становится особенно актуальным и злободневным в так называемые переломные моменты истории государств, народов, цивилизаций. В самом деле, в разные исторические эпохи, например, одни государственные и общественные деятели выдвигаются на первый план и о них следует писать под соответствующим углом зрения (причём этот угол зрения может иметь прямо противоположную направленность — от положительных до отрицательных моментов и оценок). И в этом случае на помощь приходит именно так называемая интерпретация исторической памяти, позволяющая определить, в каком ключе подать то или иное событие, как его оценить и как отнестись к историческим деяте-

лям, выступающим творцами истории. И тезис о том, что «задача мифа – маскировка социального, исторического…» (см. выше – М. М.) подтверждает высказанную здесь мысль.

Можно согласиться с мыслью о том, что в самом общем виде современные мифы представляются в качестве «стереотипизированных культурных образцов, идеологических клише и лозунгов, представлений о социальной реальности и научном знании, которые структурно оформляют интерсубъективный опыт повседневной жизни». Действительно, именно мифы современной эпохи имеют своё особенное место, нишу наряду с иными «коллективными типологизациями», представлениями, формами «человеческой субъективности». Мифы (и это особенно интересно и показательно) «задействуют аффективное и иррациональное восприятие различными общественными группами природных и символических объектов, социокультурных аспектов общественной стратификации и идентификации, социального опыта в целом» [1]. При этом «продуктивное функционирование современного мифа», так называемых «идеационных моделей» материализуется в самых разнообразных формах и многочисленных культурных артефактах. Показательно, что из этих форм выделяются, например, идеологии, социальные и политические движения, массовое искусство, рекламная продукция, индустрия развлечений и массовых зрелищ, которые, несомненно, «вносят в культуру новую семантику, связанную с развитием общества потребления» [1].

И, конечно, «в современности, в отличие от архаики, миф – откровенно вторичный, хотя и исключительно важный продукт культурных коммуникаций. Как правило, он является подчиненным элементом книги, фильма, телерепортажа, фотографии, сообщений в массмедиа и проч. Миф способен «встраиваться» в коммуникативные практики, казалось бы, совершенно не связанные с мифотворчеством и даже противостоящие ему (примером чего может быть квазинаука) [4]. Такая способность связана с тем, что одно означаемое в мифе может иметь множество означающих. Послание, заключенное в мифологическом сообщении, адресовано всем сразу и никому в отдельности, поэтому, несмотря на свою вторичность, современный миф тотален, пронизывает все пространство массовых коммуникаций» [2].

Таким образом, диалектика взаимоотношений мифов и мифотворчества носит весьма сложный и противоречивый характер. С одной стороны, мифотворчество – реальность современной культуры нашего общества транзитивного периода (почему и был поставлен вопрос о социально-философском и культурологическом анализе данного феномена). С другой стороны, мы не можем отменить саму суть архаичности мифа,

что с неизбежностью продолжает пресловутый «конфликт интерпретаций».

Список использованных источников:

1. Воеводина Л. Н. Мифотворчество как феномен современной культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/mifotvorchestvo-kak-fenomen-sovremennoy-kultury#ixzz5lGM2SR6P

2. Стрельник О. Н. Миф и мифотворчество как элементы коммуникативного пространства современной культуры // Вопросы философии. – 2018. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2012&Itemid=52

3. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.

4. Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. – М.: Альфа-М, 2008. – 318 с.

5. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 108. – С. 102-104.

6. Масаев М. В., Разбеглова Т. П. О некоторых аспектах феномена культурной войны / М. В. Масаев, Т. П. Разбеглова // Дискурс-Пи. Научный журнал. – 2016. – № 1(22) . – С. 61-66.

УДК 14:316.3

Мезенцева Т.А.

ВЗГЛЯДЫ Ю. ХАБЕРМАСА НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме социальной реальности как фундаментальному определению современной философии и социологии. Рассматривается концепция коммуникативного действия, которая принадлежит известному немецкому философу и социологу Юргену Хабермасу. В статье дается перспектива использования взглядов исследователя в современной науке и социальной практике. Исследование раскрывает принципы социальной организации, которые зависят от основной формы социальной интеграции. Согласно мнению Хабермаса, принципы социальной организации показывают пространство возможных действий и определяют возможные изменения в обществе.*

В статье также указывается на убежденность Хабермаса в роли культурных и языковых особенностей и их взаимосвязи.

Ключевые слова: *социальная реальность, коммуникативное действие, социальная организация, социальная интеграция.*

Summary. *The article is dedicated to the problem of social reality as a fundamental definition of modern philosophy and sociology. The question is studied according to the concept of communicative action which belongs to a famous German philosopher and sociologist Jurgen Habermas. The prospect of using the researcher`s views in modern science and social practice is given in the article. The research reveals the principles of social organization that depend on the major form of social integration which in its turn can be divided into several levels. In accordance with J. Habermas opinion the principles of social organization show the space of possible actions and define possible changes in society. The article also points out Habermas` conviction of the role of cultural and linguistic peculiarities and their interconnection.*

Key words: *social reality, communicative action, social organization, social integration.*

Социальная реальность – один из наиболее сложных для понимания и исследования феноменов. Это объясняется как трансформацией современного общества, социальных структур и институтов, так и разнообразием содержания социальной реальности, наличием в ней материальных и идеальных, объективных и субъективных сторон, диахронных и синхронных, деятельностных, поведенческих и коммуникационных процессов. Не удивительно, что существует множество трактовок социальной реальности, подходов к ее изучению – структурно-функционалистский, социально-феноменологический, герменевтический, прагматический и другие. Среди них взгляды Ю. Хабермаса на социальную реальность представляют значительный интерес в силу синтетического подхода философа, его стремлению охватить в понятии социальной реальности ее различные аспекты, осуществить взаимодополнение таких направлений, как марксизм, герменевтика, лингвистическая философия.

Теория Ю. Хабермаса относительно общества и социальной реальности имеет, на наш взгляд, значимые специфические особенности, позволяющие более глубоко выяснить содержание категории «социальная реальность».

Во-первых, по мнению философа, разработкой проблемы социальной реальности должна заниматься социология. Социология, - пишет Хабермас, - единственная из социально-научных дисциплин, сохранившая отношение к совокупным проблемам общества. Она всегда остава-

лась теорией общества..." [1, с.20]. Таким образом, по сути, является социальной философией или, во всяком случае, близка к ней.

Во-вторых, автор рассматривает социологию как науку об исторической трансформации общества, что в корне отличается от идей того же Т. Парсонса, который рассматривает социальную теорию безотносительно к историческому измерению. Ю. Хабермас сторонник исторического подхода к рассмотрению общества и его специфических особенностей. Задача социологии и социальной философии объяснить протекание фундаментальных процессов в развитии разных видов обществ (капиталистических, социалистических). Его интересуют "те изменения в социальной интеграции, которые в строении старых европейских обществ были вызваны возникновением современной системы государств... Социология становится наукой кризисов, по преимуществу занимающейся... аспектами распада традиционных общественных систем " [1, с. 19].

В-третьих, Ю. Хабермас вслед за М. Вебером считает, что проблематика всех социальных наук наиболее приближена к рациональности, которая, по мнению автора, является спецификой исторического и социального процесса, и всего жизненного мира в целом.

Понимая, что всякая теория имеет свое продолжение в практике, то есть выделяя рефлексивный момент, Ю. Хабермас пишет о «критических масштабах теории», так как познающий субъект является членом общества, а познание социальной действительности априори вплетено в систему общественных взаимоотношений. Тогда сами факты создаются, ибо они выполнят определенную социальную функцию. Тогда и наука в целом служит определенным социальным интересам, задача критической теории состоит в том, чтобы обнаружить таковой и проверить его на соответствие морально-политическому идеалу неотчужденного человечества. Но тогда встает вопрос: чьим же интересам служит сама критическая теория? Если любая теоретическая конструкция зависима от социального интереса? В отличие от марксистской теории, где гарантом объективности выступали партийные интересы, исповедуемая мораль и соответствующая научная объективность, Франкфуртская школа в основном предпочла свободно парящее существование критически мыслящих субъектов, обреченных на вечную социальную маргинальность.

Социальная реальность понимается Ю. Хабермасом как

- совокупность коммуникативных действий или выражение рациональности,
- двойственная конструкция мира, которая объясняет парадигмы жизненного мира и социальной системы,
- современные социальные патологии, которым начинают подчиняться коммуникативно-жизненные миры.

Анализируя теорию К. Маркса, Ю. Хабермс подчеркивает, что ее диалектика понимается в «техницистском смысле», что неправильно, так как любые отношения лежат в плане коммуникации. Маркс связывает понятие общественного труда с понятием родовой истории человека, в которой они изменяются вместе с изменением общества. Под социальной интеграцией Ю. Хабермас понимает вслед за Дюркгеймом обеспечение единства социального мира посредством ценностей и норм. Когда проблемы системы не могут быть решены в соответствии с господствующей формой социальной интеграции, когда она сама должна быть революционизирована для создания возможностей новых решений, то возникает опасность для идентичности общества " [2, с. 159].

Человек через производственные отношения порождает определенные коммуникативные формы. "Мы должны отделять плоскость коммуникативного действия от плоскости сочетаемого в общественной кооперации инструментального и стратегического действия. Если мы примем это во внимание, то теорема (о соотношении производительных сил и производственных отношений) может быть понята следующим образом: А) имеется эндогенный механизм научения, который обеспечивает спонтанный рост технически и организационно применимого знания и его использование в производительных силах; Б) какой-либо способ производства находится в состоянии равновесия, когда имеются структурные соответствия между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями.

Эндогенно обусловленное развитие производительных сил приводит к тому, что между обоими порядками возникают зазоры, которые порождают неравновесия в данном способе производства и должны вести к опрокидыванию существующих производственных отношений» [2, с. 160]. Рост производительных сил происходит из нерешенных коммуникативных или когнитивных проблем.

По мнению Ю. Хабермаса, понятие способа производства недостаточно абстрактно для того, чтобы «соответствовать универсалиям уровня общественного развития» [2, с. 167]. Следует двигаться в сторону все большего обобщения для нахождения высоко абстрактных принципов организации общества. Под принципами организации Ю. Хабермас понимает те новации, которые становятся возможными благодаря шагам в обучении и которые институционализируют каждый новый уровень обучения общества. Эти шаги реконструируются в соответствии с логикой развития. Принципы организации общества указывают пространство возможных действий общества, они определяют, в рамках каких структур возможны изменения институциональной системы и в каком объеме могут быть использованы наличные производственные мощно-

сти, соответственно в каком объеме может стимулироваться развертывание новых производительных сил [2, с. 169].

Принципы организации общества могут быть определены прямо посредством господствующей формы социальной интеграции, в которой можно выделить такие уровни, как

– структуры права и обязательных моральных представлений,

– структуры картин мира,

– всеобщие структуры действия.

Что касается исторического развития общества, то Ю. Хабермас представляет следующую его схему:

Неолитические общества:

а) общепринятая структурированная система действия,

б) мифологическая картина мира на основе признания существования высшего, справедливого начала (бога (-ов)),

в) правовое регулирование конфликтов с позиции оценки последствий действия, компенсации ущерба, восстановления статуса и пр.

Ранние культуры:

а) общепринятая структурированная система действия,

б) мифологическая картина мира выполняет функцию легитимизации господства,

в) конфликты регулируются с помощью общепризнанной морали, в основе которой фигура правителя, воплощающего справедливость.

Развитые культуры:

а) общепринятая структурированная система действия,

б) разрыв с мифологическим мышлением, образование рационализированных картин мира,

в) конфликты регулируются с помощью общепризнанной морали, не соотносимой с фигурой правителя (зависимое от традиции, но систематизированное право).

Модерновые общества:

а) автономно структурированные сферы действия: вычленение универсалистски управляемой сферы стратегического действия (буржуазное частное право) и основанной на формализованных принципах системы политического управления (формальная демократия);

б) универсалистски построенные доктрины легитимизации (рациональное естественное право);

в) конфликты регулируются на основе четкого разделения законности и морали: всеобщее, формальное право или частная мораль на основе соответствующих принципов.

Анализируя концепцию К. Маркса в работе «К реконструкции исторического материализма», Ю. Хабермас критически оценивает позиции исторического материализма. Процесс развития общества не может

быть объяснен только с позиции экономики или сферы производства. Человечество учится и движется вперед, прежде всего, на основе ценностно-нормативного знания, тогда общество определяется коммуникативной рациональностью и господствующей формой социальной интеграции.

Для того чтобы можно было распознать и понять содержание жизненного мира, он стандартизируется с помощью языка. Содержание жизненного мира всегда неявно, поэтому может быть представлено в бесконечных смыслах (тем более, предложениях, текстах). Это целостное структурированное знание, элементы которого указывают друг на друга. Мы пока не обладаем им, поэтому философы объясняют окружающий мир на уровне здравого смысла, дающего определенную достоверность.

Жизненный мир как картина мира есть система коммуникативного действия, которую должен знать каждый, чтобы правильно понимать значение речевых актов.

В своем исследовании жизненного мира Ю. Хабермас рассматривает следующие позиции:

1. Жизненный мир как фон в ситуации действия. В этом случае культурная традиция и язык приобретают конститутивное значение. Участники коммуникаций в такой мере «пребывают в языке», что для них невозможно занять какую-то «внемирскую» позицию, то есть пребывают в уже проинтерпретированной культурно самоочевидной сфере. Новые ситуации, возникающие в жизненном мире, все равно обусловлены наличным в культуре знанием, поэтому не могут быть совершенно незнакомыми. По отношению к языку и культуре нельзя занять такую же дистанцию, как по отношению к совокупности фактов, норм и переживаний (так как это формальные понятия).

2. Понятие жизненного мира разрабатывается на основе феноменологических анализов (исследования А. Шютца и Н. Лумана). Феноменологи в данном случае придерживаются модели философии сознания, представляя жизненный мир таким, каким он отражается в сознании переживающего субъекта. Ю. Хабермас считает, что понятие «жизненный мир» надо рассматривать как дополняющее понятие «коммуникативное действие», поэтому надо исследовать структуры интерсубъективности, созданные языковыми средствами.

3. Понятие жизненного мира, используемое в понимающей социологии, соотносится с повседневностью. Теоретическое понимание жизненного мира нецелесообразно, так как не позволяет вычленить объектную сферу социально-научного знания (сферу герменевтически доступных исторических и социокультурных фактов). Здесь хорошо работает понятие повседневности, которое вычленяет из объективного мира об-

ласть событий, о которых можно рассказать, соответственно вычленяет область исторических фактов [3, с. 206]. Интеракции, вплетенные в сеть повседневной практики, образуют сферу, через которую воспроизводятся культура, общество и личность. «Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего – либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам, и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, т.е. позволяющие ему принимать участие в достижении понимания и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность» [3, с. 209].

4. Ю. Хабермасом исследуются функции коммуникативного действия по поддержанию жизненного мира. Воспроизведение с помощью языка культурологической составляющей жизненного мира дает преемственность и сохранение традиций, то есть когерентность знания, необходимого для повседневной практики. Социальная интеграция обеспечивает координацию действий субъектов посредством регуляции межличностных отношений, что упрочивает идентичность различных групп. Жизненный мир социализирует индивидов, так как дает способность действовать, а также обеспечивает согласование индивидуальных жизненных историй с коллективными формами жизни.

5. Ю. Хабермасом выявляются ограничения, присущие теоретическим подходам, в рамках которых общество отождествляется с жизненным миром. Он критикует понимание жизненного мира в понимающей социологии, так как в основе вариантов истолкования только культуралистские понятия (автономность действующего субъекта, независимость культуры, прозрачность процесса коммуникации), которые не претендуют быть социально-научными объяснениями. Жизненный мир равнозначим обществу только в ограниченных исторически, домодернистских сообществах. В реальности действия координируются не только посредством процесса понимания, но и через безъязыковые средства управления, экспертные культуры и функциональные связи, которые часто даже не осознаются в пределах повседневной практики. Таким образом, современные общества используют два способа социальной интеграции: коммуникативно-структурированный и формально-организованный.

Концепция Ю. Хабермаса совершенно индивидуальна, хотя ее структурные компоненты увязаны с основными философскими и социологическими теориями.

Таким образом, общество, или социальная реальность, есть одновременно жизненный мир и система. Оно является продуктом истории, где постепенно из жизненного мира вычленяется система. При этом постепенно возрастает степень и дифференциация рациональности, а, следовательно, сложность и многогранность системы. Это суть социальной эволюции, которая имеет разные проявления в процессе исторического развития.

Список использованных источников:

1. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. – Frankfurt a. M.: Suhkamp, 1968. – 364 S.

2. Habermas J. Zur Rekonstruction des Historischen Meterialismus. - Frankfurt a. M.: Subkamp, 1976. – 346 S.

3. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Hendalns. – 3, durchges. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhkamp, 1985. – Bd 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalistierung. – 534 S.

УДК 1 (091) ***Мешков И.М.***

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ПЕРФОМАТИВНОЙ УСТАНОВКИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА» В КОММУНИКАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация. *В статье рассматривается «перфомативная установка третьего лица» Ю. Хабермаса как составляющая «языковой игры». Данная установка имеет аксиологическое содержание в качестве ценностных суждений, так как речь здесь идёт о коммуникации трёх лиц, об особенностях их общения.*

Ключевые слова: *«перфомативная установка третьего лица», «языковая игра», объективирующая установка, ценностные суждения, истинность, значимость, нормативность, текст.*

Abstract . *The article considers the "third-person performance setting" of Yu. Habermas as a component of the "language game". This installation has an axiological content as value judgments, since it is about communication of three persons, about the features of their communication.*

Keywords*: "third-person performance setting", "language game", objectifying setting, value judgments, truth, significance, normativity, text.*

Аксиологическая составляющая коммуникативной философия состоит в том, что ценность усматривается на основе знаковой коммуникации, или «языковой игры» нескольких участников. Ю. Хабермас основывается

на том, что какое-либо человеческое установление или отрывок текста – может быть идентифицирован в двоякой установке: и как доступное наблюдению событие, и как доступное пониманию объективное значение. Можно описать, объяснить или даже предсказать, как будет звучать шум, который совпадает со звуковым выражением какой-либо произведённой фразы, не имея понятия о том, что это выражение означает. Чтобы понять и сформулировать его значение, нужно принять участие в определённых действительных или воображаемых коммуникативных действиях, в ходе которых упомянутая фраза употребляется таким образом, что оказывается понятной для говорящего, слушателей и случайно присутствующих при этом членов той же языковой общности [1, с. 38].

Для того, чтобы понимать, что говорится, требуется участие в коммуникативном действии, то есть, должна сложится некая языковая ситуация, в которой говорящий, находясь в коммуникации со слушателем, говорит о чём-то и выражает то, что он сам об этом думает [1, с. 39].

Тот, кто участвует в процессах коммуникации, что-либо говоря или понимая то, что говорится – будь то переданное мнение, произнесённое утверждение, данное обещание или отданный приказ; будь то выражаемые намерения, желания, чувства или настроения, – тот всегда должен принимать перфомативную установку. Эта установка допускает чередование позиций третьего лица, или объективирующей установки, второго лица, или правилосообразующей установки, и первого лица, или экспрессивной установки. Перфомативная установка позволяет взаимно ориентироваться на те притязания на значимость в отношении истинности, нормативной правильности, правдивости высказывания, которые говорящий выдвигает в ожидании принятия или непринятия со стороны слушателя. Эти притязания вызывают на критическую оценку, чтобы интерсубъективное признание того или иного из них могло послужить основанием для рационально мотивированного консенсуса [1, с. 42].

В перфомативной установке проблема состоит в том, что в речь, констатирующую факты, закрадываются ценностные суждения [1, с. 45].

Таким образом, следует подчеркнуть, что саму коммуникацию, философ делит на две части, одна из которых осуществляет связь одного субъекта с другим субъектом. Эта коммуникация носит ценностный, или нормативный характер, так как по Ю. Хабермасу, первое лицо имеет экспрессивную установку, а второе – правилосообразующую, нормативную. Вторая же часть коммуникации – третье лицо, которое находится как бы в стороне от коммуникаций первого и второго лиц. Этот третий субъект лишь объективирует положения, происходящие в системе коммуникаций между первым и вторым лицами. Объективированные положения, в свою очередь, имеют значимость, истинность, то есть определённую ценность, в отношении правильности высказывания. В этом смысле, третье лицо как бы постулирует

истины, ценности, которые усматриваются между коммуникацией первого и второго лиц, и в свою очередь, они, ориентируются на постулаты третьего лица.

Из этого следует, что по Ю. Хабермасу, сфера бытия ценностей диалектична, не только с позиции третьего лица, но и с позиции бытия и небытия ценностей. Так, коммуникативную связь одного и другого лиц, можно считать ценностной сферой, но, эти лица, находясь в коммуникативном действии, оказываются вовлечёнными в «игру», и не осознают этих ценностей и норм. В данном плане, третье лицо является «сторонним наблюдателем», свободным от позиций первого и второго лиц, то есть, третье лицо свободно от ценностной сферы, но, объективирует ценности первого и второго лиц.

Позиция «стороннего» третьего лица по Ю. Хабермасу сходна с ролью науки, которая должна, по его мнению, быть непредвзята к фактам, событиям, окрашенным в эмоционально-ценностную окраску, но указывать на сами ценности.

По Ю. Хабермасу, любая наука, которая позволяет объективировать значения в качестве части своей предметной области, должна учитывать методологические последствия, связанные с принятием на себя интерпретатором роли участника – не «придающего» значения наблюдаемым вещам, но долженствующего эксплицировать уже «данные» значения объективацией, которые можно понять только исходя из коммуникативных процессов. Эти последствия как раз и угрожают той независимости от контекста и ценностной нейтральности, которая представляется необходимым условием объективности теоретического знания [1, с. 46].

Философ утверждает, что в этике, как и в науке, не поддающиеся корректировке, противоречивые свидетельства личного опыта, чувственного и эмоционального, заменяются суждениями. Они нацелены на универсальность и беспристрастность, – суждениями о «подлинной ценности», «подлинном цвете», «подлинной форме» объекта, раньше, чем кто-либо припишет ему форму, цвет или ценность на основании одного лишь непосредственного опыта, в то время как теоретическая критика морали служит изменению образа действий или корректировке выносимых о нём суждений [1, с. 80].

В данной связи, Ю. Хабермас в указанном выше утверждении показывает, что сущность суждений о ценностях расположена в чувственном опыте, в коммуникативных отношениях между субъектами. Суждения о ценностях, которыми располагает этика, доступны в перфомативной установке, они беспристрастны.

По поводу первого и второго лиц, примечательно высказался Карл – Отто Апель – представитель коммуникативной философии. По его мнению, «речь имеет двоякое отношение ... одно к слушателям, для которых она не-

что значит, другое - к вещам, относительно которых говорящий намеревается в чем-то убедить слушателей, то ввиду первого отношения к слушателям возникает поэтика и риторика ..., ввиду же второго отношения речи к вещам философ главным образом озабочен тем, чтобы опровергать ложное и доказывать истинное» [2, с. 242].

«Перфомативная установка третьего лица» соотносится по Ю. Хабермасу с рессентиментом, который порождает понесённые обиды, возникающие, когда они не возмещены, превращаясь в затаённую враждебность [1, с. 71].

За действия, нарушающие неприкосновенность личности, их виновник или, в крайнем случае, некое третье лицо может принести извинения. Как только потерпевший примет извинения, его первоначальное возмущение не перерастёт в рессентимент. Личные реакции обиженного, рессентимента, возможны только в перфомативной установке участника интеракции. Объективирующая установка безучастного наблюдателя упраздняет коммуникативные роли первого и второго лица и блокирует область моральных явлений вообще. Установка третьего лица ведёт к исчезновению этой области феноменов [1, с. 73].

Центральное место в числе этих феноменов, занимают чувство вины и долга. В этом комплексе чувственных установок, которые можно прояснить средствами языкового анализа, где, прежде всего, интересует то обстоятельство, что все эти эмоции присутствуют в повседневной практике, которая доступна нам только в перфомативной установке. Напротив, объективирующая установка в отношении феноменов, которые мы должны сперва воспринять с точки зрения соучастников, является вторичной: объективным взглядом мы смотрим на импульсивное поведение невротика или на утомляющее нас поведение младенца…[1, с. 73].

Таким образом, Ю. Хабермас очередной раз подчёркивает, что субъектно-объектные отношения – это сфера норм, актов, в частности – актов рессентимента, и ценностей. Теория философа, в определённой степени деаксиологична, так как в перфомативной установке третье лицо, выступая посредником между субъектами, «погашает» рессентимент с сопровождающей его совокупностью норм, ценностей. С другой стороны, перфомативная установка связанна с ценностями, так как третье лицо указывает на ценности, объективируя их.

По Ю. Хабермасу, негодование и враждебность направлены против определённого человека, который наносит ущерб нашей неприкосновенности; но своим моральным характером это возмущение обязано не тому обстоятельству, что нарушается взаимодействие между двумя отдельными лицами. Скорее, дело тут в прегрешении против фундаментального нормативного ожидания, которое значимо не только для «Я» и «Другого», но и для всех членов социальной группы, а в случае строгих моральных норм, то

и вообще для всех вменяемых акторов (лиц). Только так объясняется феномен чувства вины, сопровождающего те упрёки, которые виновник обращает к самому себе. Упрёком обиженного могут отвечать угрызения совести человека, совершившего несправедливый поступок, если он признаёт, что в лице потерпевшего он ущемил в то же время и неличностное, сверхличностное ожидание, в равной мере наличествующее для обеих сторон. Если бы чувственные реакции, направленные в определённых ситуациях против отдельных лиц, не были связаны с тем неличностным протестом, который обращается против нарушения общих поведенческих ожиданий или норм, они были бы лишены морального характера. Только претензия на всеобщую значимость придаёт некоему интересу, воле или норме достоинство морального авторитета [1, с. 75-76].

В данной связи, Ю. Хабермас упоминает о структуре субъектно-субъектных отношений, где акты, такие как интересы и волевые акты, имеют всеобщую социальную значимость, в том случае они имеют достоинство морального авторитета. В такой структуре, нормы, так же обладающие значимостью, имеют достоинство морального авторитета, хотя нормы не относятся к сфере актов, они конвенциональны, являются результатом договорённости между лицами участвующими в коммуникативных отношениях.

Ю. Хабермас коммуникативными действиями называет такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при которых достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость. В случае, когда процессы взаимопонимания идут в эксплицитной языковой форме, акторы, разговаривая, о чём-либо друг с другом, своими речевыми действиями выдвигают притязания на значимость, а именно, притязания на истинность, на правильность и на правдивость своих высказываний, смотря по тому, ссылаются ли они на что-либо в объективном мире, на что-либо в общем для них социальном мире, или на что-либо в собственном субъективном мире [1, с. 92].

То есть, Ю. Хабермас показывает, систему связей сферы «социального» где отношения субъектов между собой и отношения их к объектам осуществляются через коммуникативное действие, которое предполагает высказывания лиц с притязанием на всеобщую социальную значимость, то есть это, по сути, договорённость между ними. Над коммуникативными действиями, судя по всему, и полагается перфомативная установка третьего лица, которое распознаёт эти «коммуникативные значимости», определяя их как нормы или ценности с согласия других участников.

Другой представитель коммуникативной философии К.-О. Апель, видел ценности в той же системе, так же как и Ю. Хабермас, в конвенциональной договорённости субъектов. Так, по поводу значений, в том числе и значений ценности, К.-О. Апель утверждает, что его можно раскрыть путём

определения слов, таких как: «истина», или «справедливость». Однако значение таких слов носит нормативный интерсубъективный характер, устанавливаемый в виде консенсуса всех виртуальных участников языковой игры [2, с. 254].

Список использованных источников

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие; пер. с нем. Д. В. Скляднев. – СПб.: Наука, 2000. – 277 с.

2. Апель К.-О. Трансформация философии; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: Логос, 2001. – 344 с.

УДК (37:008) ***Мирошников О. А.***

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «НИГИЛИЗМ» У Ф. НИЦШЕ И М. ХАЙДЕГГЕРА

Аннотация. *Статья посвящена проблеме существования нигилизма – вчера и сегодня. Автором предложен анализ суждений о нигилизме Ф. Ницше и М. Хайдеггера, дополненный соображениями о роли этого явления сегодня.*

Ключевые слова: *нигилизм, история, культура, общество, общественная жизнь.*

Resume. *The article considers the problem of nihilism – yesterday and now. The author offers an analysis of judgments of F. Nietzsche and M. Heidegger about nihilism augmented of consideration about the role of this phenomenon now.*

Key worlds: *nihilism, history, culture, society, public life.*

На нигилизм как явление в культуре и общественной жизни Европы философия и художественная литература обратили внимание уже на рубеже XVIII и XIX вв. Среди тех, кто писал о нигилизме были и литераторы, и философы, люди, относящиеся к нему как положительно, так и отрицательно, связывавшие его то с одними, то с другими проявлениями из разных сфер общественной жизни.

Проблема в том, что понятие это изначально в философии не было определено. Это обстоятельство не смогло помешать широкому распространению данного термина. Живучесть самого термина в философии, на наш взгляд, можно объяснить существованием понятия «ничто» (nihil), с которым новый термин зачастую и связывали.

Однако живучесть понятия «нигилизм» может быть объяснено лишь как результат живучести самого этого явления. Разный же подход

к данному понятию на разных этапах – результат изменчивости не столько понятия, сколько явления. С точки зрения Ю. Хабермаса, М. Хайдеггер слепо следует Ф. Ницше в отношении последнего к нигилизму. В этом следовании Хабермас видит и трагедию Хабермаса, и его своего рода «грехопадение».

Но так ли обстоит дело?

Ницше говорит о таких чертах нигилизма, как фатализм в истории, тенденции к «чистому искусству» в художественной культуре [1, с. 627 – 628]. Там и здесь, полагает немецкий философ, нигилизм ведет к отсутствию содержания, а значит, отрицает, в конечном счете, истину.

Отрицая понятие истины, нигилизм ничего не предлагает взамен. Но, в то же время, нигилизм – промежуточное «патологическое» состояние. Торжество нигилизма – временное (иначе и быть не может). Впереди – либо окончательный упадок (декаданс), либо торжество «позитивных» сил. Нигилизм – действие, декаданс – результат. Нигилизм разрушает то состояние, которое его породило.

Сознание отсутствия всякой ценности было достигнуто, когда стало ясным, что ни понятием цели, ни понятием единства, ни понятием истины не может быть истолкован общий характер бытия. Ничего этим не достигается и не приобретается; недостает всеобъемлющего единства во множестве совершающегося. Короче говоря, категории цели, единства, бытия, посредством которых мы сообщили миру ценность, снова изъемлются нами – и мир кажется обесцененным [1, с. 595 – 596].

Современный ему нигилизм философ видит как конфликт поколений отцов и детей. Прежде этого конфликта не существовало, каждое новое поколение «хотело полагать в основу своей жизни старину и начинало себя чувствовать только тогда, когда оно не только принимало взгляды отцов, но принимало их возможно строже. Критика отцов считалась тогда пороком, теперешние молодые нигилисты начинают именно с нее» [2, с. 107].

Таким образом, для Ницше нигилизм выступает как относительно недавнее и не имеющее самостоятельного значения явление. Наконец, нигилизм – это конфликт поколений.

Отечественная традиция ведет отсчет изображению нигилизма в русской литературе с повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», где в качестве типичного нигилиста изображен Евгений Базаров. События повести разворачиваются далеко от столицы, в русской провинции. Но корни этого отрицания, несомненно, тянутся из чуткого к западным веяниям Петербурга, где учится Базаров.

Это проявляется в его споре с Кирсановыми, ставшем хрестоматийным.

« Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, - промолвил Базаров. – В теперешнее время полезнее всего отрицание, - мы отрицаем.

– Все?

– Все.

– Как? Не только искусство, поэзию… но и страшно вымолвить…

– Все…

……

– Однако позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете… Да ведь надобно же и строить.

– Это уже не наше дело… Сперва нужно место расчистить» [3, с. 152 – 153].

Из этого короткого диалога (мы его сократили еще более) можно сделать, по крайней мере, два вывода. Русский нигилизм отрицает Россию и Бога (вот слово, которое не решился произнести Николай Петрович – и автор также, последний – из цензурных соображений).

Русский нигилизм отрицает современную ему Россию, подобно тому как всякий нигилизм отрицает породившую его почву.

Кроме Ницше, другой немецкий мыслитель, деятельность которого приходится на XX век, М. Хайдеггер, столь же большое внимание уделяет нигилизму и связанных с ним проблемам. Нигилизм ему видится как исторически определенное движение, а «не какое-нибудь учение» и «не только духовное течение». Нигилизм – это также не локальное, а всемирно историческое явление, хотя он и обязан своим возникновением Западу. И все же Хайдеггер должен признать, что истоки нигилизма установить не представляется возможным. Оттого нигилизм и видится явлением таинственным и даже зловещим. «Зловещ и неприютен гость, неприютнейший из всех, - еще и тем зловещ, что не может назвать свой исток» [5, с. 176].

Таким образом, для Хайдеггера нигилизм – движение, истоки которого теряются в древности. Ведь, добавим, сколько существует человечество, столько существует и прогресс. А нигилизм – составная часть прогресса.

Хайдеггер также предостерегает от того, чтобы ставить знак равенства между нигилизмом и атеизмом. Последний является «внешним», «жалким» проявлением нигилизма, притом нигилизма современного. Корни же нигилизма лежат достаточно глубоко. Подобные современному нигилизму явления можно отыскать в прошлом. Но не каждое из них можно рассматривать как историческую разновидность нигилизма.

«Нигилизм есть история», он «определяет саму историчность этой истории», он есть «внутренняя логика… совершающегося», примерно определить его временные границы можно, рассматривая историческое развитие «от начинающегося обесценения до необходимой переоценки» [6, с. 79 – 80].

Технику (точнее, постав) Хайдеггер склонен рассматривать как современную форму проявления нигилизма. Ее нельзя «представлять себе… как инструмент и орудие». Это означало бы пройти «мимо существа техники» [6, с. 236].

Только человек способен «вынести существо техники». Однако человек требуется здесь в своей отвечающей этому вынесению сути. Значит, существо человека должно сначала «открыться существу техники», что по смыслу события есть нечто совсем другое, чем процесс принятия и развития людьми техники и ее средств. И чтобы человек стал внимателен к существу техники, чтобы между техникой и человеком в их сущностной глубине окрепло непосредственное отношение, для этого человек, каким он стал с Нового времени, должен сперва, опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства [7, с. 254].

Хайдеггер, на наш взгляд, смог продвинуться дальше других, пытаясь отыскать «во тьме веков» корни нигилизма (ведь явление предшествует философскому понятию).

И действительно, корни нигилизма протянулись в Новое время из средних веков (если только не из еще более раннего периода человеческой истории). Тогда, по крайней мере, в средневековье, «нигилизм» выполнял чисто служебную функцию по отношению к прогрессу. Новое тогда создавалось медленно, могло достаточно долго сосуществовать бок о бок со старым, ветшая, разрушаясь. «Нигилизм» этого периода шел не впереди, а позади прогресса. Он убирал то, что было связано с далеким прошлым и в новых условиях так или иначе должно было быть устранено.

В средние века нигилистическая составляющая европейской культуры играла, повторяем, служебную, подчиненную роль. Результатом творческой деятельности было возникновение нового в культуре христианской Европы, результатом же нигилизма было разрушение того устаревшего, что должно было отмереть. По-видимому, два события – Реформация в средние века и Просвещение в Новое время – привели к серьезному нарушению привычной последовательности. Отныне нигилизм предшествует творчеству. Это очень масштабное явление; революционный процесс (не только в Европе, но и за ее пределами) является частным его проявлением.

Русский – и не только русский – нигилизм отрицает, «не желая» (по своему собственному заявлению), но правильнее было бы сказать «не умея» строить или, по крайней мере, связывая возведение нового здания с отдаленным будущим. Эта черта присуща не только русскому нигилизму, но нигилизму в целом, на всех его этапах.

Ныне приходится иметь дело с новым этапом, нигилизма, в определенной степени предсказанным Хайдеггером.

Разница в отношении к нигилизму двух ведущих мыслителей эпохи модерна отмечена нами отнюдь не случайно. Хабермас, о котором сказано выше, с точки зрения Ницше мог бы считаться нигилистом, с точки же зрения Хайдеггера – нет.

Хабермас, действительно, критикует многие идеи Хайдеггера. Не всегда его критика оправдана. И, тем не менее, в работах этого критика Хайдеггера можно обнаружить оценки техники и науки, с которыми его великий соотечественник вполне бы мог согласиться. Хабермас говорит, в частности: «Позитивистское самопонимание номологических наук содействует, скорее, подмене просвещенного действия техникой» [4, с. 190]. Именно об этой опасности техники писал в свое время Хайдеггер.

Однако в современности мы сталкиваемся и с тем, что само понятие «нигилизм» утрачивается, вытесняется другим, сохраняя в целом присущее ему качество.

Как представляется, и понятие постмодерна может быть с полным основанием отнесено к тому, что ранее обозначалось как нигилизм.

Список использованных источников:

1. Ницше Ф. К генеалогии морали. – Мн.: Харвест, 2007. – 1037 с.
2. Ницше Ф. Утренняя заря. – СПб.: Азбука, 2015. – 384 с.
3. Тургенев И. С. Отцы и дети. – М.: Детгиз, 1977. – 300 с.
4. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
5. Хайдеггер М. Ницше. – Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 457 с.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 333 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

УДК 304.444

Мишкевич Т. В.
Научный руководитель к. культ. Ерзаулова А.Г.

ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ О СМЫСЛЕ И ПОСТИЖЕНИИ ИСТОРИИ

Аннотация. *Арнольд Тойнби рассматривает циклический путь развития цивилизации, исследуя все ее стадии становления, развития и результата. Концепция постижения истории А. Тойнби является одним из вариантов теории культурных циклов, опирающихся на идею о том, что история слагается из множества самостоятельных, слабо связанных друг с другом цивилизаций, каждая из которых проходит свой собственный путь от рождения до смерти.*

Ключевые слова*: цивилизация, культура, Вызов, Ответ, творческое меньшинство, мимесис, генезис, культурогенез.*

Annotation*. Arnold Toynbee examines the cyclical path of civilization, exploring all its stages of formation, development and development. The concept of comprehension of history A. Toynbee is one of the variants of the theory of cultural cycles, based on the idea that history is composed of many independent, loosely connected with each other civilizations, each of which passes its own way from birth to death.*

Keywords: *civilization, culture, Challenge, Response, creative minority, mimesis, Genesis, cultural Genesis.*

Тойнби Арнольд Джозеф родился 14 апреля 1889 г. в Лондоне. Английский обществовед, историк и социолог, автор теории цивилизационного подхода к истории.

Арнольд Джозеф подчёркивал влияние на формирование его взглядов матери, которая принадлежала к первому в Англии поколению женщин, получивших университетское образование, но в расширении его исторического кругозора участвовал его дядя Гарри: «Он был частью той вселенной, в которой я пробудился к осознанию. Его можно считать одной из важнейших частей моего жизненного опыта», замечал Тойнби [5, с.305]

Он окончил Оксфорд, был профессором Лондонского университета и научным руководителем Королевского института международных отношений. Во время двух мировых войн работал в Министерстве иностранных дел, участвовал в Парижских мирных конференциях.

Помимо множества статей, лекций и заметок Тойнби последовательно писал и издавал части философско-исторического труда «Постижение истории». Итоги подведены в книге «Изменения и привычки».

Основным трудом английского историка Арнольда Джозефа Тойнби стало 12-томное «Постижение истории». Находясь под влиянием идей Шпенглера (хотя и не соглашаясь с ним во всем), Тойнби предпринял переосмысление всего общественно-исторического развития человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций. Так как Тойнби был не в состоянии самостоятельно освоить все первоисточники по широкому кругу проблем, он стал обращаться в историческим трудам специалистов «узкого профиля», используя их как исторический источник [1].

На творчество Арнольда Тойнби также оказала влияние философия Бергсона, так как в его работах часто встречаются бергсоновские понятия, такие как «жизненный прорыв», «творческое меньшинство» [4]. Также на творчество Арнольда Тойнби повлияло его университетское образование, а именно его преподаватели, среди которых особым уважением пользовался Гилберт Мюррей, профессор греческого языка, известный своими переводами Еврипида, Софокла Аристофана и других греческих мыслителей. Сам Тойнби об этом пишет так: «я благодарен моему старомодному классическому образованию, что оно уберегло меня от понимания человеческих проблем в духе немецкого 19 века» [6, с.104]. Еще в университетские годы Тойнби задумал написать большой труд, в котором можно было соединить древность и современность.

Рассматривая исторический путь Англии, Тойнби отмечает, что многие события национальной истории страны, оказываются не постигаемыми в отрыве от истории стран, с которыми Англия была связана тысячью социокультурных нитей, а это означает, что элементарной единицей анализа для историка должна быть сущность более высокого порядка общности, в которую и Англия, и страны, ее окружающие, могли бы быть включены в качестве структурных единиц целого. Такую сущность Тойнби определяет, как «цивилизацию», а конкретно – как «цивилизацию христианского Запада», или просто «западную цивилизацию».

Однако очевидно, что западная цивилизация не есть ни единственная в мировой истории, ни первая в цепи своих сестер. Подвергая рассмотрению всю мировую историю Тойнби приходит к выводу, что число цивилизаций, существовавших на всем ее протяжении, не так уж и велико. Он насчитывает их, всего 21 (а включая цивилизации-спутники и застывшие цивилизации – 37), и именно их рассматривает как основной структурный элемент мировой истории, терминологическую и методологическую основу для дальнейших рассуждений.

Труд «Постижение истории» задумывался как социальная теория, призванная выяснить движущие силы механизма исторического процесса, в котором ведущую роль играет человек. В написании этого многотомного сочинения Тойнби во многом помогало знание античной исто-

рии. Но ему было необходимо: «следуя собственным курсом, найти некий способ выразить исторические события в терминах не мифов, но реальностей» [6, с.356]

В целом, концепция исторического процесса английского профессора выражена в следующих положениях: 1) каждое общество может стать цивилизацией; 2) цивилизации «представляют собой … общества с более широкой протяжённостью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы»; 3) чтобы стать цивилизацией, общество, получив на стадии своего рождения «вызов», который может быть как внешним, так и внутренним, должно дать правильный «ответ»; 4) каждая цивилизация в своём развитии проходит четыре стадии: зарождение, рост, надлом и гибель, причем смерть цивилизации – не всегда завершение этого процесса; 5) цивилизации сопоставимы друг с другом; 6) ни одна цивилизация не охватывает всего человечества.

Автор «Постижения истории» разрабатывает открытую модель цивилизационного развития, то есть признает зависимость ее существования от внутренних и внешний условий, среди которых определяющими для возникновения цивилизаций являются внешние «вызовы». Характеризуя особенности своего метода Тойнби позже напишет: «Частью исследовательского метода, который я тогда выработал, было ознакомление с моими черновыми набросками, посвященными полемическим вопросам, заметками авторитетных специалистов из противоборствующих лагерей, с тем, чтобы рассмотрев и сравнив различные замечания, соответствующим образом переработать мои предварительно написанные главы, прежде чем отослать текст в набор» [6, с.350]

Не благоприятные природные условия, а способность общества преодолеть инерцию, выйти за рамки обычаев и традиций и дать правильный «ответ» на возникший «вызов» – вот то решающее обстоятельство, которое, по мнению Тойнби, способно привести к генезису цивилизации.

Тремя ключевыми компонентами генезиса цивилизаций, по Тойнби, являются универсальное государство, вселенская церковь и движение племен. Наличие этих компонентов позволяет говорить о существовании цивилизации. Однако цивилизации не возникают сами по себе; необходима особая историческая ситуация для того, чтобы состоялось ее развитие. Подобную ситуацию Тойнби обозначает как ситуацию «Вызова-и-Ответа». И если налицо имеются даже все три базовых компонента генезиса цивилизаций, но отсутствует Вызов, то не будет и Ответа, то есть, развития цивилизации.

Вызов – это такая ситуация, при которой существование данного общества оказывается под некоей угрозой. Вызов может быть самым

различным. В ситуации Вызова оказались древнегреческие города – государства, столкнувшиеся с нехваткой продуктов питания в связи с ростом населения и сокращением плодородных земель вследствие эрозии (разрушение горных пород). Полисы ответили на этот Вызов поразному: одни (Коринф, Халкида) начали колонизацию варварских побережий Средиземноморья; другие (Спарта) покорили соседние земли: третьи (Афины) переориентировали потребление сельхозпродуктов на импорт и приступили к форсированному развитию ремесел. Таким образом, на один Вызов было дано по меньшей мере три различных Ответа, означавших начало формирования трех принципиально различных обществ и культур.

Развитие цивилизаций Междуречья в Египте было Ответом на Вызов природы – периодические и мощные разливы рек. Наличие Вызова абсолютно обязательно для начала генезиса новой цивилизации, и без него спонтанного развития цивилизации не происходит.

Отметим, что вполне возможна ситуация, когда Вызов, предложенный природой или людьми, останется без Ответа. Это означает, что данное общество или прекращает свое автономное существование, становясь частью другого целого, или погибает вовсе, не оставляя о себе исторического следа.

Тойнби полагает, что в этом контексте ключевая роль принадлежит творческому меньшинству, создающему Ответ, а также мимесису, социальному подражанию, благодаря которому Ответ становится достоянием нетворческого большинства.

Причины мимесиса могут быть различными, но Ответ непременно адекватен ситуации Вызова. И если Вызов настолько значим, что ощущается всем обществом, то есть, и его нетворческим большинством, то становится очевидным, что творческое меньшинство, нашедшее Ответ, лучше адаптировано к новой ситуации. Цивилизации, следовательно, живут и растут до тех пор, пока: а) творческое меньшинство способно давать адекватные Ответы на новые Вызовы; б) нетворческое большинство имеет волю к продолжению мимесиса.

Таким образом можно сказать, что история может протекать только во времени, потому что: «Время есть то поле, в котором и благодаря которому происходит смена состояний человеческого общества, а ведь именно через нее проявляется содержание истории» [7, с.10].

Вывод. Проанализировав литературу можно сделать вывод, что Вызов и Ответ находятся у истоков цивилизаций. Нет никакой исходной для всех цивилизаций отеческой культуры; все цивилизации равно должны были пройти все этапы исторического пути культурогенеза. Различие заключается лишь в том, насколько адекватный Ответ был найден каждой культурой на предъявленный ей Вызов.

Список использованных источников:

1. Жигулин В.Д. Философия истории: формирование и эволюция основных ижей (пять лекция в Самаре). – Самара, 1997
2. Кузьмина Т.А. Анри Бергсон // философы двадцатого века. – кн.1. – М.,2004
3. Мезенцева, А. П. Пробуждение ощущения единства / А. П. Мезенцева // Социальная теория и современность. – М., 1992. – Вып. №7.
4. Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж.Тойнби. – М.,1976
5. Тойнби А.Дж. А.Дж.Дядя Гарри // Тойнби А.Дж. Мои встречи. – М.,2003 – с.289-306
6. Тойнби А.Дж. Сэр Льюис Немир // Тойнби А.Дж. Мои встречи. – М., 2003. – С.343-364
7. Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Цивилизации. Выпуск 2. – М.:Наука, 1993.

УДК 1:316:504 ***Моренко Е. А.***

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ С ПОЗИЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.

Аннотация. *С позиции социальной философии рассматривается проблема взаимодействия человека и природы. Человек и природа рассматриваются как элементы единой системы ноокосмоса (разумного творческого начала Вселенной).*

Ключевые слова: *человек, природа, взаимодействие, единая система, ноокосмос.*

Resume. *In this article the problem to interaction of a man and nature is researched with positions social philosophy. A man and nature are considered as elements of the united system of noocosmos (rational, creative basis of Universe).*

Keywords: *man, nature, interaction, united system, noocosmos.*

Философ`ские категории обще`ство и природа в сис`теме понятийного аппарата занимают место исходных понятий. Поня`тие природа совп`адает с такими научн`ыми и филосо`фскими категориями, как бытие, реальность, универсум, вселенная, космос. И. Гете отмечал: «Окруженные и охваченные ею [природой], мы не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть». Все люди, подчеркивал автор, находятся внутри нее, а она – в каждом из нас [3, с. 83].

Человек является частью природы, а не ее проти`воположностью. Движ`ение звезд и атомов, движения и мысли человека подчиня`ются одним и тем же законам. Рожд`ение, развитие и см`ерть человеч`еского

орг`анизма происходит в соответствии с законами живой природы так как человек является биологи``ческим существ`ом, частью природы. На всех этап`ах развит`ия человечества человек зависел от окружающей среды его естественного обитания. Развиваясь, чело`вечество вли`яло на среду обита`ния, которая менялась диалектически противоречивым образом. Чело`век спос`обен позна`вать мир сознавать свои пот`ребности, ставить цели, кон`структивно и твор`чески изменять действител`ьность.

Человека делает человеком социальная сущность, выраженная посредством культуры. Социальная составляющая играет большую роль в становлении человека лишь через преломление духовной жизни человека и культуры как формы бытия.

В антич`ности важной особен`ностью понимания при`роды являлось представл`ение о самодоста`точности природы. Природа для ант`ичного мира есть то, что име`ет прич`ину своего сущес`твования в себе, не ну`жно привле`кать никакие сущн`ости для объясне`ния природы, все – есть при`рода, и бытие – прир`ода.

В средне`вековом мировоззр`ении отнош`ение к природе меняе`тся с точность`ю до наоборот. Путь к истине рассматрива`ется как резуль`тат особого пос`тупка – акта веры, поэтому` изучение` природы становится` второстепенным` по отношению` к истинам откровен`ия. Приро`да в средневек`овом мировоззр`ении впервые начина`ет рассм`атриваться как прах, лишенн`ый жизни.

В цент`ре мировоспри`ятия средневе`ковья вместо безли`чного космоса оказался Бог – созда`тель всего сущего, а монис`тическое видение смен`илось дуалисти`ческим.

В антич`ной ментальности космо`с являлся источн`иком гармонии и порядка. В средние века все сооб`разно Богу, источником фен`оменального порядка в рациона`лизме Нового времени стал человек, Бог «остался ответ`ственным» за сферу нравственн`ости (ноуменал`ьный порядок). Природа же, лиши`вшись внутренней гармон`ии и живых красок, окончате`льно «испустила дух» (К. А. Свасьян). Кстати, «обездуш`енность» природы выр`азилась в художе`ственном видении XVI–XVII` вв. в жанре натю`рморта, nature morte – мертв`ая природа.

Достато`чно емкое понимание приро`ды в культуре Нов`ого времени дает А. В. Ахутин, опред`еляя природу как бытие, да`нное в опыте: «Инт`уиция природы как бытия в опыте фо`рмируется в этом сложном и неодн`означном движении между разумным глазом и оча`ми разума, между ощути`мостью и мыслимостью, между опытом и идеей» [1, с. 171]. В сравнении с античным натурфилософским мировидением, где «все природа, и бытие природа», толкование природы в Новое время ограничено рамками чувственного восприятия.

По мере раз`вития производительных сил человек создавал ком`фортные условия обитания, совершенствовал жилище, обо`рудуя обогрев и иск`усственное охлаждение, совершен`ствовал одежду, возводил дамбы и сейсмост`ойкие здания, защищаясь от стихи`йного проявления природы. Человек прон`ик в космос и осваивает все новые терри`тории обитания при этом нещадно загря`зняя окружающую среду.

С одной стороны, зависи`мость человека от природы ослабляется, а с другой стороны человечес`тво все более тесно взаимодейс`твует с природой. Развитие цивил`изации привело к индустри`ализации и увели`чению добычи полезных ископ`аемых. К сожа`лению, часто полезные ископаемые добываются с нарушениями, в ущерб природе. Перво`начально уголь и нефть сжигали, используя как топл`иво, но с развитием химической науки и отрасли нефть стали использовать, как сырьё для произ`водства более 8 тысяч видов продукции. Человече`ство начало исполь`зовать атомную энергетику, строя атомные реакторы, но взрыв на Чернобыл`ьской АЭС, нанес не поправи`мый урон природе и при этом имеется проблема переработки отходов от работы атомных реакторов. Период расп`ада радиоакти`вных веществ очень велик, а технологии переработки очень наукоемкие. Увели`чилось загрязнение Мирового океана, и оно прояв`ляет тенденци`ю стать глобаль`ным.

Уже сегодня, многие регионы планеты, испытывают проблемы с обеспеченностью питьевой водой, а многие полезные ископаемые могут быть исчерпанными в ближайшее десятилетие. От масшт`абов и форм деятельности человечества и зачастую бездумного отношения к природным ресурсам и их эксплуатации не только человек зависит от природы, но и природа зависит от человека, и эта те`нденция возрастает. Во всю встал вопрос о предельном загрязнении земли отходами жизнедеяте`льности и многоотходных производств, угрожающих самому существованию человечества. Изв`естно, что до 2/з покрыв`ающих Землю ле`сов за последние 500 лет при участии человека было истреблено. Самый мощный удар по природе был на`несён с конца XIX века и наиболее в XX веке, под воздействием быстро развиваю`щегося инд`устриального произ`водства.

Взаимодейст`вие человека и природы, общества и среды его обитания в результате бурного роста промыш`ленного производства во всем мире, причем производства, которое опирается` на существующие многоотходные технологии, достигло предельных, критиче`ских форм и размеров. Во весь рост встал вопрос об угрозе самому существованию человечес`тва вследствие исч`ерпания природ`ных ресурсов и опасного для жизни человека загрязнения среды его обитания. Именно этими противор`ечиями во взаимоот`ношениях общества и природы и опре`деляется существо эколог`ической проблемы.

Все более интен`сивно потребляя природ`ные ресурсы с помощью колоссально возрастающ`их по своей мощи технических средств, чело`вечество в прогрессир`ующей форме улучшало условия развития своей цивилизации и своего роста как биологи`ческого вида. Однако, «завоевывая» природу, человечество в знач`ительной мере подорвало естес`твенные основы собственной жизнедеятель`ности. Но самый мощный удар по биос`фере был нанесен за время начиная с конца XIX века и в особенности в нашем столет`ии, когда стало развиваться индустриальное производство.

Запуск космичес`ких кораблей, большое количес`тво выхлоп`ных газов и выбросы в атмосферу влияют на изменен`ие климата и угрожают парнико`вым эффектом.

Ухудшающая`ся глобальная эколо`гическая ситуация и прогноз`ируемая на основе ее динамики глоб`альная катастрофа заставили мировое сообщество принять решение об измене`нии курса развития, назв`анного моделью устойчивого развития.

Под устойчи`вым развитием понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящег`о времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собст`венные потребности [6]. Глубин`ная суть устойчивого развития заключается в сохранении и цивилизации, и биосферы. В заключите`льной части Конц`е`пции перехода РФ к устойчивому разви`тию речь идет о ноосфере как целевой ориентации устойчивого развития, таком этапе развития цивилизации, когда критерием богатства станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей средой [6].

Таки`м образом, значен`ие природы для человека заключается в том, что природа присут`ствует в человеке в качестве биологического начала, является источ`ником потребительских благ, энергии, полезных ископаемых, средством оздоровления и восп`итания, а также предметом эстет`ического созерцания. В истоках потребит`ельского отношения к природе лежит индивидуальное созна`ние людей, отсутствие государственной поддержки, внимания к эколог`ическим проблемам со стороны мирового и научного сообществ, а такж`е педагогической общественности.

Список использованных источников:

1. Ахутин А. В. Понятие природы в античности и в Новое время. – М., 1988. - 230 с.
2. Барг М. А. Эпохи и идеи. – М.: Мысль, 1987. – 349 с.
3. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. - М.: Наука, 1965. – 408 с.

4. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX в. // Вопр. философии. – 1991. - № 6. – С. 3–14.

5. Галеева А. М., Курок М. Л. Методологические аспекты взаимодействия общества и природы: Метод, пособие для руководителей теоретических и методологических семинаров. – М., 1978. – 113 с.

6. Гиренок Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М.: Наука. 1987. - 180 с.

7. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – 495 с.

8. Койре А. Очерки истории философской мысли. - М.: Прогресс, 1985. - 285 с.

9. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Наука, 1996. – 353 с.

10. Лаптев И. Д. Мир людей в мире природы. - М.: Наука, 1978. – 309 с.

11. Лосев А. Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – 364 с.

12. Платон. Сочинения: В 3-х т. - М.: Мысль, 1970. – Т. 3. – 687 с.

13. Пономарева Л. И. Формирование представлений о взаимодействии человека и природы в процессе экологического образования дошкольников: Дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1998.

14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

15. Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности: Ранняя греческая наука «о природе». М.: Наука, 1979.

16. Романович А. Л., Урсул А. Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Наука, 2006.

17. Свасъян К. А. Становление европейской науки. – Ереван: Изд. АН Арм., 1990. - 377 с.

18. Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 607 с.

УДК 339.9 (4/5) ***Наумов Е.А.***

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ, ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС

Аннотация. *Тезисы посвящены институциональным проблемам развития интеллектуальной экономики, экономики основанной на знаниях и возможностях использования интеллектуального потенциала*

ученых и специалистов в создании необходимых предпосылок для преодоления системного экономического кризиса и обеспечение инновационного сотрудничества и устойчивого развития государств ЕАЭС.

Ключевые слова: *интеллектуальная экономика, инновационное сотрудничество, устойчивее развитие.*

Annotation. *The theses are devoted to the institutional problems of the development of the intellectual economy, an economy based on the knowledge and possibilities of using the intellectual potential of scientists and specialists in creating the necessary conditions for overcoming the systemic economic crisis and ensuring innovative cooperation and sustainable development of the EAEU states.*

Key words: *intellectual economy, innovative cooperation, more sustainable development.*

Финансово-экономический кризис, охвативший сегодня все экономически развитые страны, обострил противоречия либеральной рыночной экономики, поставив под сомнение ее основной постулат, основанный на конкурентоспособности развития реальных секторов экономики, сулящей в условиях глобализации рынка получение сверх прибылей крупных транснациональных корпораций и финансовых институтов. Прирост и концентрация огромных финансовых капиталов осуществлялась без учета реальных потребностей рынка и обеспечение перехода к новому шестому технологическому укладу, существенно меняющему облик производства и систему производственных отношений. Это в свою очередь привело к усугублению противоречий между накопленным капиталом и потребностью в развитии интеллектуальной составляющей экономического роста - науки, образования и культуры, к развитию новых наукоемких высокотехнологичных производств. Многие ученые и специалисты, анализируя причины мирового экономического кризиса, указывают на его системный характер, на необходимость глобальной перестройки экономических отношений, основанных на новых институциональных парадигмах, изменяющих характер производственных отношений [2-7].

В настоящее время в научных кругах, а также среди представителей прогрессивной части делового сообщества складывается мнение, что основой посткризисной экономики должна стать ориентация не на конкурентоспособность, а на необходимость создания условий для устойчивого развития экономики, обеспечивающей жизненный уровень, экологическую, техногенную безопасность жителей земли, ликвидацию разрывов между сверх богатой и бедной прослойками населения государств, не зависимо от их экономического и социокультурного уровня развития.

Развивая идеи, изложенные в исследованиях академиков РАН Львова Д.С., Глазьева С.Ю., Макарова В.Л. членов-корреспондентов РАН Клейнера Г.Б., Кузыка Б.Н., академиков РАЕН, профессора Кузнецова Б.Л, профессора Яковца Ю.В. профессора Сабдена О.С. можно сделать вывод о том посткризисная экономика – экономика, основанная на использовании знаний, все больше обретает черты интеллектуальной экономики, основанной на возможности практического применения интеллектуального потенциала человека в развитии наукоемких производств и, прежде всего обеспечивающих переход к шестому экономическому укладу. Экономические отношения в интеллектуальной экономике будут ориентированы не на развитие общества потребления, не на создание рыночных преимуществ и реализацию непомерных амбиций транснациональных корпораций, а на создание условий роста общечеловеческого благосостояния, в разумных пределах ограничивающего производство и потребление материальных благ, энергетических ресурсов, сохраняющих природу и среду обитания человека, сокращающего разрывы между очень богатыми и очень бедными слоями населения.

Технологические вызовы XXI века ужесточают требования к организации производства и потребления продукции, в которых преобладающее значение будут находить наноматериалы, биотехнологии, информационные, технологии и альтернативные источники энергии, космические технологии и другие современные технологии, которые по своим свойствам могут оказывать как положительное, так и негативное влияние на развитие цивилизации: здоровье человека, воспроизводство человеческой популяции, природная среда обитания и другие антропогенные факторы. В этих условиях возрастают требования к субъектам экономической деятельности, к деятельности институтов гражданского общества, осуществляющих контроль развития социально-экономических отношений в обществе.

*Интеллектуализация экономики как фактора регулирующего социаль*ные и производственные отношения в обществе связана с развитием институтов, обеспечивающих сферы производства знаний (наука), воспроизводства знаний (образование), сохранения знаний (культура) и распространения знаний (информация). Указанные институты должны иметь необходимую государственную и общественную поддержку. Быть ориентированы на возможности участия в хозяйственном обороте, связанным с производством и потреблением продукции, удовлетворением необходимых материальных и духовных потребностей людей. В условиях развития интеллектуальной экономики возрастает роль человеческого фактора носителя знаний, творческих способностей и навыков.

В условиях развития интеллектуальной экономики возрастает роль человека как регулятора производственных процессов, в которых в

качестве средств производства используются «умные машины и механизмы» - автоматизированные человеко-машинные системы и комплексы, заменяющие неквалифицированный физический труд, работающие в замкнутых производственных циклах, обеспечивающих безопасность производственного процесса.

Ключевым вопросом становления интеллектуальной экономики являются институты и институциональные отношения, ориентированные на инновационные стратегии и парадигмы устойчивого социально-экономического развития, регулирующий отношения собственности. В этих условиях глобализация экономки ее развитие предполагает открытость. Должны создаваться условия, препятствующие монополизации производства и рынков сбыта продукции, в том числе за счет присвоения и использования интеллектуальной ренты.

Интеллектуальная экономика это социально ориентированная экономика, обеспечивающая благосостояние людей, возможности реализации творческих начал человека, ориентированная на здоровый образ жизни, творческое долголетие и гармонию материальных и духовных потребностей человека.

В условиях социально ориентированной экономики право интеллектуальной собственности, реализуемое в виде прав на распоряжение нематериальными активами и авторскими правами становится, ключевым фактором экономического роста и благосостояния наряду с вещными правами. При этом интеллектуальная рента, как форма получения дохода от использования интеллектуальной собственности и информации, как и природная рента должны принадлежать обществу и направляться на удовлетворение общественных потребностей, в том числе: развитие науки, образования, здравоохранение, защиту окружающей среды

Интеллектуальная экономика предполагает развитие общественных институтов, в том числе институтов ответственных за управление общественным развитием, включая органы государственной власти, местного самоуправления, институтов предпринимательства стимулирующих творческие способности человека, его активное участие в производственной деятельности и общественной жизни. Важную роль в развитии интеллектуальной экономики должно играть научное сообщество, обеспечивающее прогнозирование, анализ тенденций экономического и научно-технического развития, экспертизу принимаемых решений. Научные, интеллектуальные сообщества должны быть консолидированы в рамках устанавливаемых этими сообществами правил, этических норм и принципов, обеспечивающих свободу творчества и ответственность за результаты своей профессиональной творческой деятельности.

В числе важнейших институтов интеллектуальной экономики, экономики основанной на знаниях следует выделить следующие базовые институты, обеспечивающие ее устойчивое развитие:

Институт генерации (производства) знаний, обеспечивающего проведение научных исследований и разработок, ориентированных на создание технических новшеств, новых технологий, материалов, разработку новых способов организации производства, исследование рынков и условий конкурентоспособности инновационной продукции;

Институт воспроизводства знаний, ориентированный на подготовку кадров, повышение квалификации специалистов, деятельность которых связанна с разработкой и освоением производства инновационной продукции, с организацией управления разработкой и реализацией инновационных проектов;

Институт интеллектуальной собственности, связанный с обеспечением защиты прав интеллектуальной собственности на инновационные разработки, условий передачи прав на использование объектов интеллектуальной и промышленной собственности при разработке и производстве инновационной продукции;

Институт развития и поддержки инновационного предпринимательства, включая меры государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности, защиты прав предпринимателей, связанных с разработкой и производством инновационной продукции;

Институт финансирования инновационной деятельности, государственно-частного партнерства обеспечивающего проведение совместных исследований и разработок и кооперации государственных организаций и частного бизнеса в разработке и реализации инновационных проектов на основе долевого участия в венчурном финансировании инновационных проектов;

Институт научно-технической информации и информационного обеспечения инновационной деятельности, обеспечивающего регистрацию результатов научно-технической деятельности, систематизацию (кодификацию) информации в области ее практического использования и коммерческого применения, хранение, передачу и защиту информации;

Института научно-технической экспертизы результатов научно-технической деятельности, инновационных проектов, обеспечивающий оценку объектов интеллектуальной собственности и условий их коммерциализации и передачи, а также прогнозирование (предвидение) тенденций в области развития науки и технологий, выявляющий тенденция и точки роста конкурентоспособности наукоемких производств;

Институт организации инновационной деятельности, связанный с обеспечением создания инфраструктуры инновационной системы, раз-

витием форм организации предпринимательства, развития форм интеграции и кооперации в сфере инновационной деятельности;

Институт технического регулирования и саморегулирования инновационной деятельности, основанный на разработке, принятии технических регламентов и стандартов качества продукции, сертификации продукции и систем менеджмента качества, обеспечение принципов добросовестной конкуренции и защиту прав потребителей инновационной продукции.

Развитие и гармонизации указанных институтов и институциональных отношений в сфере инновационной деятельности предполагает совершенствование законодательного и нормативного правового регулирования, принятие специальных законодательных и нормативных правовых актов, систематизацию и гармонизацию действующего законодательства, и внесение необходимых поправок в действующее законодательство, связанных с обеспечением и поддержкой инновационного предпринимательства. Важным элементом развития институциональных отношений в сфере инновационной деятельности является развития договорных отношений, обеспечивающих права и ответственность сторон, участвующих в организации и обеспечении инновационной деятельности и инновационного предпринимательств, а так также обеспечение разрешения споров, связанных с их участием в инновационной деятельности.

Следует отметить, что среди мер государственной поддержки сферы инновационной деятельности важное значение приобретают меры тарифного и нетарифного регулирования экономических отношений, определяющих условия стимулирования инновационной деятельности. К указанным мерам относятся налоговые платежи и таможенные пошлины, меры антимонопольного характера, технические регламенты и стандарты. Государство должно активно использовать указанные меры для стимулирования и развития инновационной деятельности, создания благоприятных условий для развития инновационного предпринимательства, стимулирования технологической модернизации и обновление производства на основе внедрения энергосберегающих технологий, экологически чистых и безопасных производств.

Особое значение в развитии интеллектуальной экономики приобретает человеческий фактор, как основной фактор, обеспечивающий развитие производственных отношений. В этой связи повышается роль подготовки кадров специалистов для высокотехнологичных отраслей производства, как на уровне начального и среднего профессионального образования, так и на уровне высшего и послевузовского образования. Система образования должна быть ориентирована на систему непрерывного образования и повышения квалификации специалистов для ре-

альных отраслей экономики и управления производством с развитой системой подготовки, аттестации и сертификации специалистов.

Необходимо создать условия для развития изобретательской деятельности, поощрять научно-техническое творчество молодежи, создать необходимые предпосылки для внедрения в производство достижений науки и техники, стимулировать авторское вознаграждение за участие в изобретательской и рационализаторской деятельности. Для этого необходимо предусмотреть создание фондов технологического развития на промышленных предприятиях стимулирующих малый инновационный бизнес, а также использовать меры поощрительного характера в виде премий, субсидий и грантов, используемых государственными фондами поддержки инновационного предпринимательства.

В условиях перехода к экономике, основанной на знаниях, к интеллектуальной экономике, связанной со структурными изменениями в секторах реальной экономики, важное значение приобретает развитие института государственно-частного партнерства (ГЧП), гармонизирующего институциональные отношения органов государственного управления и бизнес сообщества. Указанные отношения создают необходимые условия для привлечения бизнес сообщества к решению важнейших государственных задач, связанных с развитием экономики. Речь идет о реализации важнейших инновационных проектов государственного значения, связанных с развитием инфраструктуры экономики, осуществления модернизации производства на основе критических технологий, обеспечивающих устойчивые точки экономического роста и конкурентоспособность производства высокотехнологичной продукции. В реализации указанных проектов государство берет на себя стимулирующую роль в области финансирования исследований и разработок, предоставление административного ресурса, в том числе необходимых налоговых льгот и преференций, а бизнес участвует в создании совместных венчурных предприятий для коммерциализации результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности, полученных за счет использования выделенных бюджетных ассигнований. Институциональные условия, обеспечивающие участие в софинансировании инновационных проектов в рамках ГЧП предполагают развитие договорных форм кооперации, включая развитие государственной контрактации, развитие форм финансового лизинга, франчайзинга и коммерческой концессии.

Наконец, важное значение в обеспечении интеллектуальной экономики приобретает институт экспертизы, как фактор, повышающий качество и обоснованность принимаемых решений, а также общественного контроля и регулирования гражданско-правовых отношений, связанных с защитой прав и законных интересов граждан.

Следует отметить, что развитие указанных институтов и институциональных отношений требует от государства необходимых усилий, постоянной заботы и внимания. От этого зависит условия перехода к интеллектуальной экономике, основной на новых технологических укладах. Реализация указанного принципа должна осуществляться в рамках создания эффективных инновационных систем, ориентированных на решение поставленных задач, связанных с развитием соответствующих институтов и институциональных отношений.

Несмотря на разнообразие подходов к созданию национальных инновационных систем, определяющих особенности их создания для конкретной модели институционального развития экономики, включающих:

1. Создание институциональных условий для развития инновационного предпринимательства;
2. Разработку на реализацию приоритетных направлений развития науки и технологий, реализуемых в рамках комплексных совместных инновационных проектах, формируемых с учетом национальных приоритетов инновационной политики государства, направленной на обеспечение повышения конкурентоспособности и устойчивое развитие экономики, обеспечение национальной безопасности и социально-экономического развития государства;
3. Создание организационной основы кооперации научно-технологического развития реальных секторов экономики и интеграции научно-технической, образовательной сферы и производства, создание условий для развития эффективной инфраструктуры инновационной системы.

В условиях перехода к интеллектуальной экономики, основанной на достижениях современной науки и техники, реализующей возможности перехода к шестому технологическому укладу важное место принадлежит системе индикативного планирования, опирающейся на систему показателей, отражающих степень интеллектуализации экономики, наличие в структуре производства признаков перехода к шестому и седьмому технологическим укладам, а также условиям устойчивого социально-экономического развития. Среди указанных показателей важнейшими являются:

– доля затрат на исследования и разработки в структуре ВВП;

– доля специалистов с высшим профессиональным образованием занятых в производстве в реальных секторах экономики из них в высокотехнологичных производствах;

– количество патентов реализованных в реальных секторах экономики;

– уровень наукоемкой высокотехнологичной продукции, освоенной в производстве;

– уровень заработной платы специалистов, занятых в высокотехнологичных отраслях производствах;

– доля малых и средних инновационных предприятий в структуре высокотехнологичных наукоемких производств;

– объемы производства и реализации наукоемкой высокотехнологичной продукции, в том числе за рубежом;

– доля производств, прошедших сертификацию систем менеджмента качества и экологического менеджмента в соответствии с требованиями международных стандартов и другие показатели, характеризующие переходу на новые технологические уклады, обеспечивающие устойчивое развитие экономики.

Опираясь на вышеизложенное можно сделать вывод о том, что парадигма экономического развития в условиях преодоления системного экономического кризиса в настоящее время определяет векторы экономических преобразований, ориентированных на условия развития интеллектуальной, инновационной экономики.

Исходя из закона развития живых систем – закона сохранения мощности [5], можно дать следующее определение интеллектуальной экономики.

Интеллектуальная экономика – это экономика, основанная на знании законов материальной природы и общества, способствующих сохранению мощности и развитию человеческого потенциала, способного обеспечить производство необходимых материальных благ, защитить экологию планеты от разрушающего воздействия техногенных преобразований, повысить жизненный уровень и продолжительность активной жизни человека.

Список использованных источников:

1. Назарбаев Н.А. Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций. Астана: ТОО АРКО, 2009.

2. Сабден О. Экономика. Том 1 Инновационная экономика. Алма-Аты: ИЭ КН МОН РК, 2009.

3. Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций на период до 2050 г» / под редакцией Б.Н. Кузыка и Ю.В. Яковца. М.: МИСК, 2007.

4. Глазьев С.Ю. Возможность и ограничения технико-экономического развития России: научный доклад. М.: Ин-т новой экономики, Гос. ин-туправления, 2008.

5. Глазьев С.Ю., Сабден О.С., Арменский А.Е., Наумов Е.А. Интеллектуальная экономика – технологические вызовы XXI века. Алмааты: Эксклюзив, 2009.

6. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономиеа, 2010.

7. ЛьвовД. С. Миссия России (ГРАЖДАНСКИЙ МАНИФЕСТ). М.: Институт экономических Стратегий, 2006.

8. А.Е.Арменский, С.Э. Кочубей С.О., Травин, В.В. Устюгов «Экономика

суверенной демократии». М.: Агентство «Социальный проект», 2007.

УДК [904:738] (292.471) ***Новиченкова Н.Г.***

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ФИГУРНОМ СОСУДЕ ИЗ СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Аннотация. *Терракотовый сосуд в виде фигуры сидящей собаки был обнаружен в святилище античного времени у перевала Гурзуфское Седло в 1988 году, в результате раскопок археологической экспедиции под руководством автора. На голове собаки – цилиндрической формы калаф с прочерченным на нем солярным знаком в виде креста в обрамлении лунницы, охватывающей крест снизу. В статье анализируются символические изображения, помещенные на кувшине, связанные с культами хтонических божеств – Анубиса. Гермеса, Гекаты, Артемиды.*

Ключевые слова: *калаф, лунница, античная коропластика, Гурзуфское Седло.*

Summary*A terracotta vessel in the form of a figure of a sitting dog was discovered in a sanctuary of antique timeat the Gurzufskoe Sedlo Pass in 1988, as a result of excavations of an archaeological expedition led by the author.On the head of the dog there is a kalafof cylindrical form with a solar sign in the form of a cross in the frame of the lunular, enclosing the cross from below.The article analyses the symbolic images, thatwere placed at this jar, associated with the cults of chthonic deities–Anubis. Hermes, Hecate, Artemis.*

Key words: *Calaf, Lunnica, Antique Coroplasty, Gurzuf Saddle*.

В 1988 году в святилище у перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крымских гор был обнаружен, наряду с другими предметами античного импорта, уникальный терракотовый сосуд IIв. до н.э. в виде фи-

гуры сидящей собаки (рис. 1)[2, с.63, рис.5]. Он представляет собой кувшин высотой 26 см. Сосуд изготовлен из тщательно подготовленной тонкодисперсной светло-серой глины с помощью оттиска в формах, с последующей ручной доработкой с использованием стеки, и имеет темно-серое тусклое покрытие[3, с.106, рис.208].

Собака изображена сидящей в спокойной позе, с поднятой головой и устремленным вперед взглядом. Шею животного обвивает повязка с прикрепленным к ней рельефным медальоном овальной формы. На голове собаки имеется головной убор – цилиндрической формы калаф (рис.2), выполнявший функцию горловины священного сосуда, предназначенного для ритуальных возлияний. Калаф сохранился не полностью. В передней его части слева был прочерчен знак в виде креста в обрамлении лунницы, снизу как бы поддерживающей, охватывающей и «защищающей» крест как символ высших сакральных ценностей. Полностью головной убор собрать не удалось, так как отсутствует один фрагмент, однако частично сохранилось изображение второй лунницы, внутри которой мог быть размещен еще один крест, что вдвое увеличило бы защитную функцию этого священного символа.

В.Н. Топоров отмечал, что многократное воспроизведение креста в качестве оберега выполнялось целью увеличения силы и благополучия[10,с.13]. Например, на каменных ступенях храма Гекаты в Карии (Малая Азия) были высечены кресты, заключенные в круг. На лепном сосуде в виде фигуры барана из крымского могильника Нейзац первых веков н.э. всю поверхность туловища животного покрывают многочисленные отпечатки штампа с изображением креста в круге [11, с.170, рис.5 – 1].

И сами фигуры лунниц, как показывают наши исследования, в древности выполняли роль символической священной охраны. В композиции знаков на калафе они служили защитой таких важных символов как кресты.Так например, площадку сакрального центра святилища у перевала Гурзуфское Седло окружала группа жертвенных ямок, расположенных вдоль дугообразной линии, которая была дополнена камнями [3, с.128, рис.222б]). При раскопках памятника выявлено немало вотивных предметов (амулетов, украшений, накладных пластин и детали римского военного штандарта), имеющих форму лунницы.

Исследователи религиозных верований, воплощенных в античной коропластике, считают, что все античные фигурные сосуды, изображающие животных как спутников соответствующих божеств либо их воплощающих, изготавливались не для повседневного употребления, а были предназначеныдля различных ритуалов[7, с.6].Близкий по стилю фигурный сосуд с изображением собаки, хранящийся в Государственном историческом музее в Москве, происходит, вероятно, из Ольвии.

Н.П. Сорокина Приходит к выводу, что, скорее всего, сосуд можно связывать с Артемидой, культ которой достигает в Ольвии расцвета в эпоху эллнизма[7, с.25, 28].

Культовое назначение сосуда с Гурзуфского Седла усиливает повязка на шее с медальоном, и, видимо, не случайно, на голове собаки помещенкалаф, в котором обычно изображалисьтакие божества как Кибела и Геката.Наиболее близкимрелигиозным образом можно считать древнеегипетского Анубиса, культ которого (как и иных восточных божеств) получил распространение в античном мире начиная с эпохи эллинизма. Анубиса изображали либо в виде антропоморфной фигуры с головой собаки, либо в виде черной собаки с повязкой на шее [4, с.81-82].

Древние греки отождествляли Анубиса с Гермесом [5, с.89], с которым также был связан ритуальный комплекс периода расцвета святилища на Гурзуфском Седле, где была найдена великолепная бронзовая статуэтка этого божества [3, с.194, рис.253], посредника между миром жизни и миром смерти, имевшего догреческое, возможно, малоазийское происхождение. Культ Гермеса был воплощен не только в скульптуре или мелкой пластике, но и в виде фетишей: это гермы – груды камней (жертвенники святилища на Гурзуфском Седле были именно таковыми[3, с.20, рис.18, 46]) или каменные столбы как путевые знаки и охранители дорог [8, с.292]. Святилище находилось у перевала, на перекрестке дорог, остатки которых были выявлены в непосредственной близости от памятника [3, с.141-144]. Впоследствии появляются амулеты, ключики от замков в виде столбиков и статуэток-герм, увенчанных головой Гермеса и отлитых из бронзы.Все эти предметы тоже найдены в святилище на Гурзуфском Седле [3, с.191-192, рис.167, 250].В изучении семантики обрядности святилища не менее важной является функция Гермеса как покровителя пастушества, умножающего приплод в стадах вместе с Гекатой [8, с.292]. Большое количество костей жертвенных животных (преимущественно крупного и мелкого рогатого скота) – свидетельство развития культа плодородия в скотоводческой среде у населения Горного Крыма [3, с.157].

Примечательно, что в эпоху эллинизма и в римский период в античных центрах Средиземноморья и Причерноморья распространяются культы восточных и древнеегипетских божеств, в том числе Исиды, бронзовые бюсты которой найдены при раскопках в Пантикапее, в Горгиппии и на Гурзуфском Седле[3, с.195-196]. Стоящие в полный рост фигуры Исиды воплощены в бронзовой статуэтке из Херсонеса и серебряной с позолотой статуэтке Тюхе-Исиды с Гурзуфского Седла[3, с.201].

Слияние культа Гермеса и Анубиса, о близости сакральных функций уже упоминалось, в римский период нашло воплощение в образе

еще одного синкретического греко-египетского божества Херманубиса. Общность культов Гермеса с Гекатой проявляется не только в покровительстве скотоводству, а с Артемидой – охоте, но и в хтоническо-демонических чертах этих доолимпийских божеств, связанных с двумя мирами – живым и мертвым. Обе статуэтки Артемиды на Гурзуфском Седле были помещены в жертвенные ямки, символизирующие хтонический мир[3, с.196-197]. А.А. Тахо-Годи называет Гекату «ночным коррелятом Артемиды» [9, с.270]. Гекату изображали вместе с собакой, нередко ее голову тоже увенчивает калаф, как и калаф на голове собаки с Гурзуфского Седла. Геката помогала людям в войне. Обилие выявленного в раскопках на Гурзуфском Седле оружия говорит о том, что война в жизни создателей святилища играла важную роль. В эллинистическом синкретизме, а также у римлян Геката стала тесно связана с Исидой. Луций в «Золотом осле» Апулеясравнивает Юнону, Беллону, Гекату и Исиду как близких друг другу богинь:«Некоторые зовут меня Юнона, другие –БеллонаБитв, а третьи – Геката. В основном эфиопы, которые живут на Востоке, и египтяне, которые превосходны во всех видах древней доктрины и посвоим собственным церемониям, привыкшим поклоняться мне, действительно называют меня Царицей Исидой».

Так, образ собаки, воплощенный мастером-коропластом в замечательном фигурном сосуде,а также специфические детали его оформления демонстрируют связь с культами нескольких хтонических божеств. Использование сосуда в обрядности святилища на Гурзуфском Седле, возможно, свидетельствует о существовании пантеона у населения Горного Крыма уже современи позднего эллинизма. В конце I в. до н.э., когда наступает расцвет святилища и сооружается новый ритуальный комплекс с ямками, в него был принесен целый комплекс ценных серебряных и бронзовых статуэток античных божеств, что отразило особенности яркой ритуальной культуры, развивавшейся на Главной гряде Крымских гор в античную эпоху, с присущим ей политеизмом.

Список использованных источников

1. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М.: 1957. – 619 с.
2. Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской яйлы // Вестник древней истории. – 1994. – № 2. – С.59-86.
3. Новиченкова Н.Г. Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло: Монография. – Симферополь: Н. Оріанда, 2015. – 216 с.
4. Павлов В.В., Ходжаш С.И. Египетская пластика малых форм. – М.: «Искусство», 1985. – 117 с.

5. Рубинштейн Р.И. Анубис // Мифы народов мира. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – Т.2. –С.89.

6. Русяева А.С. Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев: Наукова думка, 1987. – С.160-175.

7. Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). –Труды ГИМ, вып. 91. – М.: Государственный Исторический музей. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 88 с.: ил.

8. Тахо-Годи А.А. Гермес // Мифы народов мира. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. — Т.2. – С.292-293.

9. Тахо-Годи А.А. Геката // Мифы народов мира. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – Т.2. –С.269-270.

10. Топоров В.Н. Крест// Мифы народов мира. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. –Т.2. – С.12-14.

11. Храпунов И.Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // Российская археология. – 2007. – № 1. – С. 167-175.

УДК 316.286:1:37 ***Останина О.А.***

Ю. ХАБЕРМАС И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Ю. Хабермас в своем анализе современного общества и человека, в теории коммуникативного действия раскрывает сущность и социальную роль образования. Наша гипотеза заключается в том, что необходима новая парадигма образования, и она постепенно форматируется; это синтетическая парадигма, которая основана на взаимном добавлении когнитивистской (гносеологической) парадигмы и аксиологической (онтологической) парадигмы.*

Ключевые слова*: Ю. Хабермас, философия образования, синтетическая парадигма, когнитивистская парадигма, аксиологическая (онтологическая) парадигма*

Annotation. *J. Habermas has not been engaged in the philosophy of education especially. But in his analysis of the modern society and the man, in the theory of the communicative action he discloses the essence and the social role of the education. Our hypothesis is that a new paradigm of the education is needed, and it is formatted gradually; it is a synthetic paradigm, which is founded on the mutual addition of a cognitivist (gnoseological) paradigm and an axiological (ontological) paradigm.*

Keywords: *J. Habermas, philosophy of education, synthetical paradigm, cognitivist paradigm, axiological (ontological) paradigm*

У Ю. Хабермаса нет таких работ, которые были бы непосредственно посвящены философии образования. Но, анализируя современное общество, будущее человека и человечества, развивая теорию коммуникативного действия, Ю. Хабермас раскрывает сущность образования и его социальную роль. Идеи Ю. Хабермаса важны, на наш взгляд, для обоснования парадигмы образования, которую можно определить как синтетическую, для исследования коммуникативного и дискурсивного аспектов образования, для выяснения значения образования в системе легитимизации общества, в том числе в условиях его кризиса. Рассмотрим эти вопросы в указанной последовательности.

Рассуждения о системном кризисе образования стали едва ли не общим местом, и в данном контексте активно исследуется вопрос о сущности образования. Разнообразие вариантов понимания сущности образования можно объединить в две парадигмы [см.: 1, с. 7]. Первая из них, которая может быть определена как аксиологическая (онтологическая), акцентирует внимание на культурных смыслах образования, гармоничном развитии человека, формировании личности, практиках истолкования.

Вторая парадигма – когнитивистская (гносеологическая) – характеризуется вниманием к прагматической, инструменталистской направленности образования, его нацеленности на эффективное и результативное соответствие потребностям и интересам функционирования общественной системы как со стороны содержания образования, так и со стороны формируемых качеств личности.

На протяжении истории, в разных типах общества парадигмы проявлялись своеобразно.

В конце XX-XXI веке в обществах, относящихся к развитым, кризис переживает, прежде всего, когнитивистская, инструменталистская парадигма. И поиск выхода из данного кризиса осуществляется на пути взаимодополнения, синтеза парадигм, в итоге которого, вероятно, появится некая новая парадигма образования, которая может быть определена как компетентностная, системно-деятельностная. Конечно, формирование новой модели обусловлено глубокими трансформациями современных обществ, что составляет проблему специального исследования. Нам же хотелось бы остановиться на методологическом обосновании возможности взаимодополнения парадигм. И именно в работах Ю. Хабермаса мы находим указания на ряд аспектов такого обоснования.

В первую очередь, для раскрытия сущности, содержания и значения образования важно выяснить, что собой представляет общество как таковое, как в нем обеспечиваются интеграция, управление, передача знаний. Ю. Хабермас говорит о том, что в обществе взаимодействуют, «накладываются» друг на друга его системная и социальная организа-

ции, что существует взаимосвязь между системной и социальной интеграцией [4, с. 13].

К социальной интеграции относятся институты, социализация, символически структурированный жизненный мир, ценности. К системной интеграции относятся функции управления саморегулирующейся системы; общественные системы проявляются в аспекте способности сохранять свои собственные границы и собственный состав благодаря преодолению комплексности изменчивого окружающего мира [4, с. 14]. Причем оба способа организации и интеграции общества – системный и социальный – значимы и определяют качество «общественности». Если определить систему как жизненный мир, элиминируется аспект управления, если понимать общество как систему, без внимания окажется аспект значимости [4, с. 14]. Данные типы организации обществ проявляются и в реальной общественной жизни, и в ее теоретическом осмыслении.

Таким образом, получается, что модели, парадигмы образования связаны с разными типами организации обществ: когнитивистская, инструменталистская модель ориентируется на системные характеристики общества, эмпирически фиксируемые; онтолого-аксиологическая модель ориентируется на ценности, культурные нормы. При реализации первой модели под угрозу ставятся базовые культурные смыслы, ментальность определенного типа общества, при реализации второй модели, сохраняющей традиции и культурные смыслы, под угрозу ставятся адаптационные возможности общества.

Вопрос заключается в том, как соединить максимально гармонично названные типы организации общества и, соответственно, модели образования. В этом контексте актуально утверждение Ю. Хабермаса, что в нормативных параметрах социальных систем должны соединиться продукты культурных ценностей конституирующей традиции и продукты нормативных требований системной интеграции, культурные определения общественной жизни с системно-теоретически реконструируемыми императивами выживания [см.: 4,с. 18]. Но ни в самом социальном бытии, ни на уровне его концептуального осмысления, которое бы задавало абстрактное пространство возможностей изменения общественного состояния, такого соединения пока нет. Принципы организации общества возникают как эмерджентные свойства и ограничивают способность общества к обучению без утраты идентичности [14, с. 19].

Получается, что реформирование, модернизация, оптимизация образования не могут не учитывать своеобразие организации общества, взаимодействие системной и ценностно-смысловой сторон его интеграции, которое носит исторически-конкретный характер.

Принципы организации общества, как подчеркивает Ю. Хабермас, «1) закладывают механизм обучения, от которого зависит развитие производительных сил, 2) определяют пространство вариаций для обеспечивающих идентичность систем толкований [и здесь задачи ставятся тоже для образования – О.О.], 3) устанавливают институциональные границы для потенциального роста возможностей управления» [и здесь важно образование, особенно управление им и контроль над ним – О.О.] [4, с. 19].

Образование непосредственно связано с универсальными свойствами общественных систем, к которым Ю. Хабермас относит следующие.

Во-первых, обмен общественных систем с окружающим их миром осуществляется в производстве и социализации. Производство обеспечивает освоение внешней природы, а социализация – внутренней природы. Данный обмен происходит «посредством способных принимать истинностные значения высказываний и нуждающихся в легитимизации норм, то есть посредством дискурсивных притязаний на значимость» [4, с. 19]. Роль образования в таком обмене очевидна: и содержание высказываний (дискурсов) и способность к дискурсивным практикам формируются в процессе образования (обучения и воспитания).

Во-вторых, по Ю. Хабермасу, общественные системы изменяют свои нормативные параметры в зависимости от состояния производительных сил и степени автономии системы. Эта автономия выражается во влиянии, а точнее, в определении вариаций нормативных параметров. Вариации же ограничиваются логикой развития картин мира, внутренним миром социализированных индивидов. Здесь мы опять обращаем внимание на образование, которое, с одной стороны, участвует в развитии производительных сил, формируя определенные знания, умения, навыки будущих работников, востребованные системной интеграцией общества и необходимостью решения проблем управления; с другой стороны, в процессе образования передается некая картина мира и логика ее развития и формирования, что обусловливает некоторую автономность процесса социальной интеграции, внутреннего, как говорит Ю. Хабермас, окружающего мира, то есть мира ценностей и культурных смыслов.

Таким образом, первый момент, образование сталкивается с противоречием: оно должно обеспечить развитие производительных сил общества, эффективность управления им, поддержание его системных параметров, что выражено в наборе компетенций различных уровней и форм образования. В то же время образование должно обеспечить некую культурную преемственность, способность человека оперировать смыслами, ценностями, способность к интерпретации и пониманию, к

личностному самоопределению. Данное противоречие и представлено в существовании двух вышеупомянутых парадигм теории и практики образования. В идеале, желательно, чтобы указанное противоречие разрешилось диалектически – через синтез и появление нового качества образования, которое предполагает и новое качество общества. Поэтому современный критический анализ системы образования означает и критический анализ общества, где отсутствуют реальные предпосылки для взаимодополнения образовательных парадигм.

Второй момент промежуточного вывода относится к утверждению об относительной самостоятельности самого образования и его способности активно влиять на общество, его внешнюю (адаптационную) и внутреннюю (культурную, социально-интегративную) системы. Примеров такой активной роли образования, когда изменения в нем влекли за собой перестройку общественных структур, институтов, достаточно в истории. С этой особенностью образования связаны постулирование необходимости опережающего развития образования, новая, расширительная, трактовка образовательной среды (образовательного пространства), характерные для концепции и программ модернизации и оптимизации образования, в том числе в России.

В-третьих, Ю. Хабермас прямо говорит о том, что уровень развития общества «определяется институционально допустимой способностью к обучению» [4, с. 20]. Речь идет о том, выделяются ли теоретико-технические и практические вопросы и имеют ли место дискурсивные процессы обучения» [4, с. 20].

Поскольку общественные системы обобществляют внешнюю природу с помощью производительных сил, они организуют и обучают рабочую силу, развивают технологии и стратегии. Для этого необходимо технически применимое знание: контроль над внешней природой расширяется с помощью проверяемых на истинность высказываний [см.: 4, с. 21].

С помощью нормативных структур социальные системы обобществляют свою внутреннюю природу. Они, следовательно, сохраняются по отношению к внешней природе посредством инструментального действия по техническим правилам, а по отношению к внутренней природе – посредством коммуникативных действий (по действующим нормам).

Но инструментальное действие тоже предполагает коммуникацию и притязания на значимость, связанные с языком и интерсубъективностью. Получается, что именно коммуникативность является основой для взаимодополнения парадигм в образовании, оказываясь предпосылкой такого взаимодополнения, синтеза; «структуры языковой интерсубъекивности являются настолько же конститутивными для опыта и инстру-

ментального действия, как и для установок коммуникативного действия» [4, с. 25].

Как говорит Ю. Хабермас, речевая коммуникация обладает двойной структурой: с одной стороны, коммуникация осуществляется по поводу пропозициональных содержаний, с другой стороны, это метакоммуникация по поводу межличностных отношений. Иначе говоря, «это специфически человеческое ограничение когнитивных возможностей и мотивов действия языковой интерсубъективностью» [4, с. 22-23].

В коммуникацию люди втягиваются благодаря дискурсу, через который осуществляется разного рода научение, образование и воспитание; через включение в дискурс люди достигают понимания и согласия, в коммуникации они осуществляют практику аргументации, ориентированную на взаимопонимание и согласование притязаний на значимость [2, с. 75].

Любое высказывание, как показывает Ю. Хабермас, имеет четвероякое отношение: оно служит выражением намерений говорящего; служит выражением межличностного отношения между говорящим и слушащим; служит выражением, в котором говорится о чем-то, имеющим место в мире; служит выражением внутрилингвистического отношения между данным высказыванием и совокупностью всех возможных высказываний, которые могут быть сформулированы в том же самом языке [3, с. 40].

Ясно, что процесс образования организует высказывания, втягивая, таким образом, обучающихся в герменевтический процесс, предполагающий перформативную установку, наличие предпонимания, способность толкования ценностного содержания [3, с. 43–46]. Высказываниям присуща имманентная рациональность, и «интерпретаторы не могут не принимать во внимание стандарты рациональности, которые они рассматривают как обязательные для всех участников коммуникации» [3, с. 50–51]. Важно иметь в виду, что в процессе образования как раз и осуществляется освоение стандартов рациональности, коммуникативных структур, проявляющихся и в инструментальной деятельности, и в мотивации поступков и поведения. Как формируются стандарты рациональности, какие они, какой культуре, какому историческому контексту соответствуют, достаточен ли уровень образования для постижения иных культурных смыслов? Эти вопросы, к сожалению, нередко даже не возникают у участников реального образовательного процесса, хотя от ответа на них зависит то, что называют компетентностью, социальной адаптированностью.

Ю. Хабермас, рассматривая о нашем обучении в двух измерениях – теоретическом/практическом – и связи процессов обучения с притязаниями на значимость, разграничивает уровни обучения. «Нерефлексив-

ное обучение реализуется в контексте действия, в котором имплицитно выдвинутые притязания на значимость наивно, без дискурсивного разъяснения, принимаются или отвергаются» [4, с. 30].

Рефлексивное обучение реализуется посредством дискурсов, в которых тематизируются притязания на значимость, будучи институционализированными. Уровень обучения зависит от принципов организации общества в части дифференциации теоретических и практических вопросов и перехода от донаучного к рефлексивному обучению.

Как можно применить схему Ю. Хабермаса к современному обществу? Казалось бы, в наши дни преобладает рефлексивное, научное обучение. Но это, если говорить о школах, средней и высшей. При широком толковании обучения (и образования) следует признать, что обучающим эффектом обладают СМИ, интернет, виртуальная реальность и др., причем здесь велика роль именно нерефлексивного обучения и прямой (online) коммуникации. В какие отношения данное обучения вступает с «официальным» обучением, как оно влияет на ценностно-смысловые аспекты, мотивационные аспекты жизни, на интегративные характеристики социальной системы? Ю. Хабермас говорит о важности институционализации общих практических дискурсов, что означало бы новый уровень обучения [4, с. 32]. Его слова актуальны, если принять во внимание, что о такой институционализации и идет речь, когда ставятся задачи по развитию soft skills, способностей к постижению смыслов, причем данные задачи должны быть органично вплетены в научное обучение; эти задачи пытаются решить через анализ дигитализации (цифровизации) различных видов деятельности, включая обучение.

И еще один вопрос – социальный кризис, в том числе идентичности, и образование. Ю. Хабермас высказывает интересную мысль о том, что «социальная эволюция осуществляется скорее в границах логики жизненного мира» [4, с. 29]. То есть получается, что образование, его когнитивистская модель, «работает» на аксиологическую модель. Здесь мы снова говорим о важности взаимодополнения парадигм и методологическом обосновании такого взаимодополнения. Так, Ю. Хабермас пишет, что возможности управления изменяются в зависимости от растущего контроля над внешней природой и от усиливающейся интеграции внутренней природы. Эволюция в обеих сферах реализуется в форме направленных процессов обучения: развитие производительных сил и изменение нормативных структур следуют логике возрастающего теоретического и практического понимания соответственно [4, с. 29].

И, в идеале, соответствие теоретического и практического понимания, создающее интегративное качество общества и возможность управления им, обеспечивается образованием. Следовательно, образование может стать как причиной социального кризиса, так и средством

преодоления такого кризиса. Так, Ю. Хабермас указывает на роль образования для корректировки рыночных механизмов против дисфункциональных следствий [4, с. 61].

В целях предотвращения или преодоления кризиса возможна «непосредственная административная обработка» культурной традиции, примером чего является планирование в сфере образования и «в особенности планирование учебных программ». «… планирование учебных программ основано на том допущении, что образцы культурной традиции могут быть иными: администрирование создает универсальную необходимость оправдания применительно к той сфере, которая смогла выделиться именно благодаря силе самолегитимизации» [4, с. 121]. Более того, формальное образование конкурирует с семейным воспитанием (именно с точки зрения права на традицию), психолого-педагогическая публицистика влияет на мотивы и поведение родителей, ювенальная юстиция держит под контролем воспитание в семье и т.д.

Следовательно, стремление к консолидации общества и решению проблем управления может привести к усилению администрирования в образовании в его обеих парадигмах, к изменению традиции. В то же время возможен и другой вариант: изменение самого общества путем того же администрирования, приведение его систем в гармоничное соотношение, что скажется и на образовании.

Если говорить о российском обществе, то в нем столкновение парадигм образования, как и системной и социальной интеграций, – процесс болезненный. У нас не только есть несовпадение между системными характеристиками общества и мотивационно-ценностной сферой, картиной мира. Сама картина мира российского населения неопределенна: в ней оказались перемешанными и традиции советского периода российской истории, и досоветские традиции, и влияние СМИ, интернета и т.п. Научное обучение, таким образом, должно коррелировать с разными контекстами, что может привести и приводит к неожидаемым результатам. Это, тем более, предполагает внимание к ценностным и коммуникативным компонентам образования, к развитию способности интерпретации и понимания, то есть к онтолого-аксиологической парадигме. Такое внимание оправдано и ситуацией культурного, философского,

религиозного плюрализма, требующего интерсубъективного участия, владения дискурсивными практиками.

В заключение заметим, что философские идеи Ю. Хабермаса могут быть применены для раскрытия и обоснования оснований для появления и существования двух парадигм в теории и практике образования. Они не просто сменяют друг друга в исторически разных типах обществ, а имманентно присущи обществу, конечно, с возможностью пре-

обладания той или иной из них. Когнитивистская (гносеологическая) парадигма связана с системными характеристиками общества, его системной интеграцией, а аксиологическая (онтологическая) – с картинами мира, ценностно-смысловыми характеристиками общества, социальной интеграцией. Противоречия между двумя типами интеграционных систем общества воспроизводятся и в образовании, и в технологиях обучения.

Методологической основой, позволяющей осуществить синтез, взаимодополнение парадигм является коммуникативность образования, дискурсивные практики, в которых осуществляется притязание на значимость (мотивов, знаний) в контексте интерсубъективности. Научное знание, таким образом, не только обеспечивает развитие производительных сил общества, его адаптацию, но и включается в коммуникативное действие, коррелируя с ценностями и смыслами.

Другой основой синтеза парадигм могла бы стать трансформация общества от техногенно-инструменталистской к собственно постиндустриальной модели развития.

Наконец, в современных условиях именно образование, формируя знания, мотивации, коммуникативные навыки, способно в какой-то мере решить проблемы, связанные с управлением и кризисом общества.

Список использованных источников:

1. Останина О.А. Философия образования – смена парадигмы? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2011, № 1(4), с. 6-14.
2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
4. Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма. М., 2010.

УДК 1:37 ***Разбеглова Т.П.***

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА КАК «ТЕЛОС» ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается перформативная функция образования, следствием которой становятся трансформационные процессы в образовательной субъективности. Формы трансформаций субъекта и их культурно-историческая обусловленность. Делается вывод о

том, что образовательная субъективность должна стать субъектом самотрансформаций.

Ключевые слова: образование, субъект, идентичность, перформативность субъекта, самотрансформация.

Annotation. The article considers the performative function of education, the result of which are transformational processes in educational subjectivity. Forms of transformation of the subject and their cultural and historical conditionality. The conclusion is made that educational subjectivity should become the subject of self-transformations.

Key words: education, subject, identity, performativity of the subject, self-transformation.

Образование − есть процесс трансляции определенных смыслов и содержания в социуме, в культуре, в традиции. С точки зрения субъекта, образование – это пространство, в котором субъективность проявляет себя, утверждая и воплощая его смысл. Сама по себе образовательная субъективность не может быть той целью, к которой устремлена образовательная практика. Но субъект является ее главным действующим лицом: субъект как активный участник образовательного процесса, замыкает на себя все образовательные практики, становится коллективным телом образования, его смыслом и в этом контексте – также и целью.

Образование как преобразование человеческой природы. В качестве важнейшего пути и средства преобразования выдвигалось образование как обучение. Уже у Платона познание и преобразование осознавались в своей диалектической связанности. Быть и знать – понятия тождественные. Быть добродетельным, целостным, гармоничным может тот, кто знает, что такое целостность, добродетель, гармония. Следовательно, образование есть не что иное, как познание сущности бытия: познав сущность посредством обучения, человек получает шанс стать совершеннее. Таков философский исток онтологии и антропологии образования.

Насколько сегодня пригодно само представление о сущности для понимания человека? Неуловимость сути человеческого ставит современную философию перед необходимостью искать новые парадигмальные подходы, создавать принципиально иные установки по отношению к ценностному определению этой сути. Прежде всего, это снижение пафоса возвышенности и абсолютной значимости в характеристике человеческой природы.

Достаточно весомым еще является подход традиционной философии, которая в содружестве с психологией интерпретирует сущность человека как «Я», некое устойчивое ядро, обладающее онтологическими и аксиологическими характеристиками, находящимися в состоянии от потенциального до реального. В рамках этой парадигмы образование и

обучение во многом представляет собой поиск своего «Я», своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными вне-ситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самотождественность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования.

Концепции радикального переосмысления сущности человека и путей ее формирования появились в философии постмодернизма. В понимании философии постмодерна человек не равен самому себе, поскольку не имеет онтологической устойчивости. Он также неравен и собственным социальным ролям. Философско-социологическую проблему определенности субъектов-носителей социальных ролей постмодернизм осмысливает в статусе преходящих версий самоидентификации. Социальные роли в этом контексте есть не что иное, как маски, присутствие которых отнюдь не гарантирует наличие скрытого за ними Я, претендующего на статус идентичности.

Совершенно очевидно, что признание философией постмодернизма случайности феномена «Я», недостоверность самого факта существования целостной, равной себе личности, существенно меняют и содержание процессов формирования человека. Концепт «сборки» (в терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари [1]) по отношению к человеку, субъекту раскрывает осмысление индивидуализации как комплекса идентичностей, обнаруживает кардинальное отсутствие онтологической укорененности человека в бытии, его самоидентичности. Человек, субъект является всего лишь частным случаем, определенным уровнем, сборкой, коррелирующими с другими случаями, уровнями и сборками субъективности, а также с тем его состоянием, которое можно было бы считать онтологическим ядром субъективности.

Соответственно, в отношении образования речь уже не может идти о созидании и преобразовании, поскольку данные понятия предполагают нечто определенное, что можно созидать и преобразовывать. Постмодернизм выдвигает термин «производство», отсылающий к формам искусственным и потому взаимозаменимым, отрицающим идею уникальности личности, которая питала философскую и образовательную традиции, начиная с античной эпохи. Соответственно, усложняется процесс осмысления образовательных практик как формы производства человека и оценки эффективности образования в этом направлении. Концепт «становления другим» не утрачивает своей значимости, но

приобретает новый смысл, соответствующий реалиям современной культуры.

Относительно социального субъекта образование решает две основные задачи: 1) сформировать качества (в том числе профессиональные), позволяющие человеку вписаться в современный ему социум и культуру; и 2) формировать способности саморазвития личности, позволяющие сделать это включение перманентным.

«Становление другим» как перформативность образовательного субъекта. Итак, внутренний телос, цель всякого процесса образования преображение, трансформация собственного существования, субъективного «Я». Формулы или модели желательной субъективности были разными в разное время и в разных культурах, однако сама интенция на преобразование индивидуальной психологической реальности оставалась неизменной.

После установления основной посылки, нас интересует два вопроса: как возможна перформативность субъекта и каким образом она реализуется?

А.Ф. Лосев в знаменитой работе «Диалектика мифа» впротивовес гегелевской логике неравенства («господско-рабской») разрабатывал «логику чуда» как одновременного существования некой сущности, в том числе субъекта, в разных формах. Это постулировалось как перформативность, способность не просто становления другим, а «превращаемость каждого тела в другое» [5, с. 460]. Т.е речь идет о существенной транформации субъективности, а не процессуального развитии, например, задатков или способностей, расширения знания и мышления. Это полная трансформация субъекта и превращение его в другого, другое «я».

Процесс трансформации субъективности рассматривался А.Ф. Лосевым, в частности, как влияние духовного на материальное: «идеи» и «сущности» <> отражаются на материи и телах, делают их выразительными и осмысленными, возвращают их в сферу реально воспринимаемого…» [5, с.490]. Переводя это в сферу образования, можно констатировать диалектику субъективности как перформативности на каждом образовательном уровне: превращение в другого происходит сначала в ученика, потом в студента и т. д., со всем комплексом духовно-материальной и социокультурной органиции, обладающей при этом пространственно-временной конкретностью.

Практики такого превращения, описаные А.Ф. Лосевым в «Диалектике мифа», практиковались им и в жизни. Как пишет И. Жеребкина, опираясь на воспоминания А.А. Тахо-Годи, жены ученого, Лосева особенно интересовал материализм процедуры «превращения в профессора» из кубанского казака. Для Лосева материальным является «движе-

ние превращаемости каждого тела в другое», что противостоит делёзианскому становлению как нетелесной трансформации. Суть «логики превращения» заключается в ее радикальном материализме, функционирующем не на уровне концепта становления другим как нетелесной трансформации, но по схеме буквального телесного превращения одних материальных тел с органами в другие…» [2, с. 89]

Идея «становления другим» как главного результата образования достаточно древняя. Она по-разному проявляла себя в различные периоды истории и применительно к системе образования. Динамика изменения в рамках процесса «становления другим» обнаружило изменение конфигурации самого процесса, что было связано с различной степенью «погруженности» субъекта в процесс образования и различными формами сопряженности этой сферы с остальным социокультурными пространством.

Впечатляющий пример кардинального изменения индивидуальности – *первобытные инициации*. Инициация завершала процесс развития ребенка как члена своего сообщества до достижения им подросткового возраста. Завершалась она посвящением ее участников в полноправные члены общины. Им раскрывались до тех пор неведомые мифы и обряды. Они проникали в сокровенное знание, раздвигавшее перед ними горизонты мировосприятия. Но самое важное значение инициации состояло в том, что результатом ее был не просто переход из одной возрастной группы в другую, а полная переориентация души ее участника. Он как бы заново рождался – физически, духовно, ментально и социально. Он получал новое имя, символизировавшее его новый статус, а вместе с ним – новую самоидентификацию и новое самоощущение. И лишь впридачу к этому он получал социальные атрибуты – новые права и обязанности и новую степень ответственности. По завершении инициации первобытный человек начинал жить другой жизнью, никак не связанной с первой.

«Становление другим» в данном случае означало разрыв индивидуального существования на два дискретных цикла. Такая «временная» форма перформативности субъекта отличается от последующих форм, особенно современных, которые можно условно назвать «пространственными», поскольку они отражают пребывание субъекта одновременно в разных социокультурных пространствах, одним из которых является пространство образования.

В определенном разрезе, в отдельно взятом интервале (термин Ф. В. Лазарева [4]) образование становится *формой бытия* «человека обучаемого» (homo educated), образовательного субъекта. формой, имеющей пространственно-временное выражение и локализацию. В данной форме бытия субъект присутствует полностью, целиком, он буквально

погружен в образовательную среду, испытывает ее воздействие и выходит из нее преображенным. Метафора крещения как *погружения* и *преображения* как результата вполне уместна для раскрытия сущности взаимодействия образования и его субъекта. Образовательная среда – это своего рода купель, погружение в которую меняет внутреннюю сущность человека, его духовный статус. Однако, необходимо уточнить, что данная метафора лишь с оговоркой применима к современным формам образования.

Достаточно высокая степень погруженности в процесс образования и, следовательно, перформативности субъекта в его результате проявлялась в традиционных культурах. В отдельных случаях обеспечение полной перформативности достигалось за счет замкнутости, локальности образовательной среды. Таковы пифагорейская школа и платоновская Академия, средневековые монастырские школы и украинские бурсы, лицеи и пансионы закрытого типа. Именно закрытость этих учебных заведений обеспечивала максимальную степень перформативности субъекта, его «становление другим», которое и являлось задачей образования. Уникальным примером «становления другим» с неожиданной результативностью является знаменитый первый выпуск Царскосельского лицея (кандидатуры учеников были утверждены имератором Александром I), в рядах которого дети русского дворянства, готовившиеся к государственной службе во славу Отечества *превратились* не только в высших чиновников, но и в вольнодумцев, революционеров и выдающихся литераторов.

Для интенсивной перформативности образовательного субъекта значительна роль ритуала. Его действие проявляется в «узурпации» субъективности, в достижении максимальной включенности ее в образовательную среду. По мнению Э. Кассирера, ритуал как символическая смысловая форма, является фактором организации и закрепления определенного культурного содержания [3]. Универсальность ритуала делает его изначально внешним субъекту, однако включенность субъекта в ритуал приобщает его к определенному смыслу и способствует его преобразованию. Не случайно этимология слова «перформативность» указывает на латинское слово «forma», означающее «форму» и «образ». Ритуальные элементы в образовании, имеющие символическое выражение (например, форма или элементы одежды, формы коммуникативных практик и др.) становятся личными атрибутами или способны характеризовать субъект в его качествах. К примеру, студенческая форма в русских университетах XIX в. – символ особого статуса, не только социального (внеклассовость), но и духовно-интеллектуального (приверженность истине и свободе), и даже телесного (бедность, аскетизм).

Причастность субъекта ритуальной форме «включает» механизм самоидентификации субъекта с данной формой и смыслом. Вопрос о самоидентификации образовательной субъективности сложен и неоднозначен, имеет разные аспекты и заслуживает отдельного исследования. В образовательном пространстве актуализируются различные типы самоидентификации – дискурсивная, нарративная, пространственно-телесная. Сложность систем самоидентификации в поле образования зависит в конечном итоге от сложности культурного пространства, в контексте которого формируется образовательная практика. Однако самая общая форма ее, перформатирующая личность, отсылает к общему образу, с которым происходит самоидентификация. Юноша, *ставший*, к примеру, выпускником Кембриджского университета остается навсегда именно выпускником Кембриджского университета, идентифицируя себя с целостным явлением, и приобретающий, таким образом, общий с данным объектом генотип. Эпитет alma mater, т. е. «нежная мать» (термин заимствован из литургического языка), появившийся в XIV веке как вариант universitas, свидетельствует об осознании внутренней духовной связи как результата самоидентификации и происшедшего «преображения».

Перформативность образовательной субъективности как «практики себя». Современный взгляд на проблему перформативности образовательного субъекта требует детального рассмотрения механизмов и методов, обеспечивающих данный процесс. Важным моментом является переакцентировка смыслов: образовательная субъективность должна быть не объектом педагогических усилий, а субъектом собственных транформаций. По сути речь идет о самотрансформации.

Для обозначения методов, которыми пользуется субъект, чтобы конституировать себя в качестве субъекта и обеспечить самотрансформацию, можно использовать понятия М. Фуко «практики», или «техники себя», которые объединяются в некие общие «технологии себя» [7]

Мишель Фуко, анализируя античные тексты, противопоставляет, и в то же время связывает друг с другом, два типа отношения к себе: самопознание и «заботу о себе». Принцип «заботы о себе», выдвигаемый М. Фуко как составная часть «культуры себя», «искусства существования», предполагает наличие определенных практик самотрансформации, направленных на достижение власти над собой, своими мыслями и желаниями. Фуко отмечает, что «забота о себе» предполагала не только моральные медитации отдельного индивидуума, но и определенного рода общественную практику, осуществлявшуюся институционализированными структурами, такими как неопифагорейские общины и кружки эпикурейцев. Связывая это также с познанием, Фуко отмечает: «Истина

не может существовать без обращения и преобразования субъекта» [6, С. 287].

Субъект образования, - писал М. Фуко, - должен «стать вновь тем, чем человек никогда до этого не был» [6, с. 293]. Однако форма этой субъективности не определяется ни индивидуальными предпочтениями, ни социальной традицией. Скорее, она является эффектом тех практик себя, которые направлены на постоянное преобразование собственной позиции. Фуко определяет эти практики как «техники, которые позволяют индивидам осуществлять – им самим – определенное число операций на своем теле, душе, мыслях и поведении, и при этом так, чтобы производить в себе некоторую трансформацию, изменение» [Там же, 431]. Это предполагает радикальную трансформацию собственной позиции в отношении самого себя и окружающего мира, в том числе других людей. В данном контексте образовательный субъект – это не онтологическая категория, описывающая характеристики идентичности, а набор техник, позволяющих преобразовывать самого себя и тем самым приобрести форму образовательной субъективности.

Педагогическая деятельность в таком случае выстраивается как система обеспечения «Я»-опыта, конечной целью которой выступают, с одной стороны, реально открытые данным субъектом параметры своего «Я», своих способностей, намерений и желаний, а с другой стороны – присвоение этим «Я» ряда свойств, описывающих некоторую желательную форму субъективности, лежащей в основе определенной профессиональной практики.

Список использованных источников:

1. Делез Жиль. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза : Пер. с франц. / Жиль Делез. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 480 с.
2. Жеребкина И.С. Это сладкое слово… гендерные 60-е и далее / И.С. Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2012. – 408 с. – (Феминистская коллекция).
3. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры.// Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
4. Лазарев Ф.В. Многомерный человек. Введение в философскую антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа /Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558, [1] с., 1 л. портр., – (Философское наследие).

6. Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс 1981 - 1982 гг.) // Социо-Логос. Вып 1. М., 1991. С. 290. Киев, М., 1998. С. 101
7. Фуко М. История сексуальности - III: Забота о себе. – М., 1998.

УДК 316.286: 316.647.5 ***Сабирзянова И.В.***

Ю. ХАБЕРМАС: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ВОПРОСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому осмыслению аксиологических аспектов обозначенных Ю. Хабермасом тенденций бытия современного социума в пространстве постмодерна, где находит отражение изменение в базовых человеческих ценностях, включая мировоззренческий плюрализм и вопросы трансформации феномена толерантности.*

Ключевые слова: *мировоззренческий плюрализм, толерантность, глобализация.*

Annotation. *The article is devoted to the theoretical understanding of the axiological aspects of the tendencies of being of modern society outlined by J. Habermas in the postmodern space, which reflects a change in basic human values, including worldview pluralism and the transformation of the phenomenon of tolerance.*

Key words: *worldview pluralism, tolerance, globalization.*

Современное состояние общемировых трансформационных процессов позволяет говорить об утверждении в научном знании идейных конструктов, именуемых как «эпоха глобализации» и «ситуация постмодерна». Среди бесконечного множества подходов к пониманию глобализации, как правило, акцентуируются, чаще всего, экономические и политические аспекты указанного процесса (глобализация экономики и управления), и лишь второстепенно возможные социально-культурные изменения. Ю. Хабермас, характеризуя глобализирующееся межгосударственное пространство, отмечает, что «…подобно национальным обществам, это глобальное общество тоже интегрируется с помощью тех же самых посредников (Medien): власть, деньги и взаимопонимание» [8, с. 312-313]. В качестве ожидаемых последствий глобализации традиционно постулируются экономический – основной аспект, политический – исчезновение национального государства как суверенного актора геополитической карты мира; и культурный, предполагающий стирание

межнациональных культурных барьеров через утрату национальными культурами своей самобытности [4, с. 11].

Тем не менее, как оказалось, сфера культуры наиболее неоднозначно отреагировала на вызовы глобализации: будучи вовлеченной в общемировую практику утраты национальными государствами своих позиций, как субъектов мирового исторического процесса; сделав их границы «прозрачными» для реализации стратегий транснациональных корпораций и объединений, однако, именно здесь сохранились и актуализировались идеи самобытности, национальной идентификации, поиска глубинных архетипических оснований своего собственного существования.

Интерпретируя глобализацию скорее как «проект» планетарного политико-экономического развития, соотнесем ее с не менее знаковым «проектом постмодерна» как одним из способов институализации нового ценностно-смыслового порядка. В пространстве постмодерна реальность дестабилизирована настолько, что дает возможность преимущественно для экспериментирования, где процесс постисторического развития человечества оказался сопряженным с актуализацией конфронтационных тенденций, неразрешимых противоречий во всех сферах: политические конфликты и открытое военное противостояние, установление тотального контроля, утрата нравственных ориентиров, разработка технологий вторжения во все сферы, в том числе и личное пространство человека, посредством реализации специфического инструментария скрытого управления – «soft power» («мягкой силы»). Тревожность современной ситуации отмечает Ю. Хабермас: «…выживание групп идентичности и сохранение культурного фона не может гарантироваться коллективными правами» [8, с. 283], актуализацию проблемы толерантности он обосновывает в Торжественном докладе ко дню Лейбница в Берлин-Бранденбургской академии наук (29 июня 2002 г.) «Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий», где приводит следующие размышления: «Не только мировоззренческий плюрализм выносит на передний план вопросы толерантности. Это также всегда относится и к плюрализму языковых и культурных укладов, в которых выражена устойчивая культурная идентичность, если они по причинам сложности их состава (строения) побуждают давать оценки не только исходя из экзистенциальной релевантности, но и в аспекте Истинности и Правильности» [7, с. 53].

Соглашаясь с общепризнанной точкой зрения, Ю. Хабермас видит истоки понятия «толерантность» в заимствовании «…из латинского и французского языков где-то в XVI веке в связи с конфессиональным расколом. В данном контексте своей истории оно поначалу имело более ограниченный смысл и понималось как терпимость к иным религиоз-

ным верованиям» [7, с. 45]. Ряд современных авторов – в истории философской мысли как терпимость в эффективном взаимодействии – от интеллектуального аскетизма как предпосылки духовного и социального сплочения людей у Сократа и Платона до «серединного» (терпимого) у Аристотеля как возможности равноценного бытия вещей и людей. Другие исследователи – в Средневековье как «терпимость к греху» в христианской религиозной мысли («как поиск универсального (рационального) определения толерантности, которое полностью соответствовало теологической традиции» …А уже «в эпоху Ренессанса происходит переоценка самой сущности толерантности в контексте распространения идей гуманизма» [9, с. 45], о чем и ведет разговор Ю. Хабермас.

«Толерантность сейчас рассматривается как культурная, социальная и личностная ценность, иногда как исключительно нравственный идеал, или как благо-в-себе. Одно можно утверждать без сомнения: в разные эпохи этические и общекультурные принципы определяли параметры толерантности» [9, с. 126], что подтверждает наш тезис об одной из особенностей современного социально-философского дискурса – возвращению в плоскость философской рефлексии ценностного подхода к реальности как способу постижения бытия человеком. Аксиологическая проблематика, непосредственно связанная с процессами социализации личности, является одновременно составляющей экономической, политической, образовательной и иных видов деятельности человека, так как по сути своей не свободна от размышлений о сущем, а значит, и ценностном.

Глобальные изменения второй половины XX – началаXXI века обусловили парадигмальную трансформацию всей традиционной системы общественных ценностей, предполагающую утверждение, как культурного плюрализма, так и принципа индивидуальной автономии. Эволюция общественного сознания способствовала переосмыслению понятия толерантности, особенно в условиях современных глобализационных вызовов и трансформаций.

Понимая под понятием «толерантность» (вслед за Г. Марселем) некую диспозицию, расположенную между добродетелью, равнодушием и скрытым макиавеллизмом [5, с. 161], выделим ее позитивную сторону, состоящую в том, что она позволяет свободно циркулировать в обществе различным точкам зрения. Толерантность в отношениях между народами приобретает новую окраску – желание понять чужую культуру, обычаи, отнестись к ним с уважением. На сегодняшний день тема толерантности лишь на первый взгляд кажется решенной. Так, по мнению ряда отечественных и зарубежных ученых, толерантность – это обязанность способствовать утверждению плюрализма во всех его проявлениях, способствуя социальной консолидации общества.

Ю. Хабермас также указывает: «…плюрализм образов жизни не может быть отделен от плюрализма мировоззрений» [7, с. 53].

Следовательно, толерантность воспринимается преимущественно как принятие «других» культур с их гуманистическими установками и уникальным своеобразием, культурным кодом, системой ценностей, что основано на уважении самоценности человеческой личности, понимании ее права на развитие, самовыражение, счастье. Вместе с тем, необходимо отметить, что данный подход не учитывает реального положения дел, выражающегося в существовании в социуме такого вида поведения, которое нарушает устоявшиеся социальные нормы, будучи формой выражения индивидов.

Представители постмодернизма справедливо указывают на факты деформаций ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, где трагическое самосознание утрачивает существенную актуальность, сменяясь ироническим пессимизмом. А гиперреальность, по мнению Ж. Бодрийяра, будучи совокупностью симулякров, провоцирует такое обилие истолкований, которое делает практически невозможным сугубо личностный взгляд на мир.

Постмодернизм как новейшая философия отрицает любое централизующее начало, провозглашая в социальном плане приверженность свободе, правам человека, стремление к терпимости и сотрудничеству. Современный человек живет не столько разумом, сколь эмоциями, интуицией. Отсюда – размытость, постоянное возникновение и исчезновение, пребывание на грани, скольжение по краям, маргинальность обуславливают дестабилизацию существующих систем ценностей, уничтожение иерархии, утверждение равенства ценностей. Декларируемое равенство ценностей, ситуация отсутствия высших и низших ценностей, приводит к тому, что ничто не осуждается и не превозносится, формируется специфическое духовно-ценностное состояние безразличия в вопросах выбора. Более того, социум утрачивает способность конституирования ценностей, ибо любые аксиологические построения необходимо имеют базисный каркас, представленный универсальной для различных культурных эпох бинарной оппозицией добра и зла.

Постмодернисты разрушают как ценностное единство предшествующего периода истории человечества, так и личностные системы ценностей. Символы и образы прежней культуры исчезают или изменяют свое значение. На смену понятиям о «должном» приходят понятия «приличного» и «приемлемого». Новые ценности формируются столь стремительно, что человек попросту не удосуживается глубокого рационального осмысления, довольствуясь простым сопоставлением, становится потребителем ценностей. «Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абс-

цисс и ординат» [3, с.11]. Провозглашается рассеянность и спутанность ценностей (Ж. Бодрийяр). Вводятся симулякры как знаки мгновенного состояния, фиксирующие меняющееся отношение человека к ситуации: в различных контекстах различными становятся смыслы традиционных ценностей, выражаемых понятиями добра, справедливости, любви и др. «Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности» [2, с.111]. Ж. Бодрийяр констатирует полную невозможность и неопределенность в интерпретации ценностей. Как следствие происходит вытеснение центра (подлинных ценностей) аксиологической периферией (трактовкой ценностей отдельной личностью). Одинаково значимыми оказываются как действительное, так и мнимое [Подробнее об этом: 6, с. 310-315].

По мере ускорения темпов глобализации стали все заметнее проявляться и негативные стороны этого процесса. Основными проблемами сегодня становятся нетерпимость, агрессия, ксенофобия. Нарастание агрессивности в социуме и стремление преодолеть деструктивные тенденции во внешней и внутренней политике государств актуализировали вопрос рассмотрения понятия «толерантность» как сложного междисциплинарного феномена, используя широкий арсенал социально-гуманитарного знания.

Отставание в экономическом развитии, разнообразие религий, культур, этносов становится источником проявления интолерантности. Полярным к описанным явлениям является понимание феномена толерантности, как определение границ последней, исходя из реального вклада в развитие и улучшение человека. При этом культура толерантности может выступать как содействие универсализации прав и свобод с насаждением требований доминирующей цивилизации, вопреки несовместимости с ценностями других, что противоречит самому понятию толерантности, указанному в «Декларации принципов толерантности» 1995 года, где феномен воспринимается, как «…уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. … то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира» [1].

Необходимо отметить, что важным фактором, влияющим на уровень толерантности, является тип культуры: агрессивно-нетерпимая или толерантная, которые могут быть соотнесены со степенью социальной удовлетворенности. Ее высокий уровень способствует проявлению толерантности, низкий – препятствует. К сожалению, отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными

общностями не становятся более справедливыми, и не стимулируют рост культуры толерантности в глобализующемся мире. Показавшаяся первоначально эффективной формой противодействия указанной тенденции в последние годы идея и практика мультикультурализма, предполагающая возможность, и даже необходимость сосуществования этнических общин, представляющих различные культуры, в действительности оказалась «миной замедленного действия» в процессе «мягкой» ассимиляции европейского социального пространства этническими меньшинствами.

В настоящее время, в условиях нарастающих тенденций глобализации, наблюдается противоречивое воздействие культуры толерантности, чему в немалой степени способствовал знаменитый тезис Ю. Хабермаса: «При любом акте толерантности должны вводиться характеристики того, что следует принимать и терпеть, и тем самым толерантность должна иметь свои ограничения» [7, с. 46], а каковыми будут критерии ограничения, как их обозначить, дать теоретическое обоснование – все это вопросы, требующие специального пояснения, и по сей день остающиеся открытыми.

Таким образом, в «ситуации постмодерна» происходит смещение акцентов в ценностно-смысловой сфере, отмечается деформация ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, способная оказывать влияние и изменять общественное сознание. Становится общей для всех форм общественного сознания закономерность придания мнимой ценности статуса действительной. В полной мере это может быть отнесено к интерпретации феномена толерантности как ценности, ибо с одной стороны «…слово “толерантность” живет по оруэлловской схеме, только наоборот: номинация декларируется, но общественное сознание ее не атрибутировало, и поступки – как речевые, так и неречевые – далеко не всегда соответствуют принципам толерантности. Асинхронность такого рода создает неадекватную картину мира и двойные стандарты в социальных отношениях» [Цит. по: 9, с. 8].

С другой, по сей день не утратил актуальности «парадокс толерантности», сформулированный Карлом Поппером в 1945 году. Суть парадокса заключается в том, что неограниченная толерантность ведёт к исчезновению толерантности, поскольку терпимость к интолерантности приводит к повсеместному распространению последней [10]. Следовательно, сохранение толерантности требует транслировать нетерпимое отношение к нетолерантным, что в свою очередь размывает границы определения толерантного.

Возможно утверждать, что сложность, размытость в определении понятия «толерантность», а также противоречивость в определении ее границ и критериев ставят под сомнение широкое применение термина

в общественной практике. Во избежание искажения смысла, целесообразным является вопрос исследования возможности замены понятия более узкими и точными формулировками, ибо границы, принципы и содержание толерантности напрямую зависят от ее теоретического обоснования. Это обуславливает возможность смещения внимания от вопроса определения роли толерантности к задаче формирования нравственной культуры, основанной на оптимальном сочетании традиций и новаций, соединении опыта конкретного общества в определенных условиях с богатством общественной морали.

Список использованных источников:

1. Декларация принципов толерантности (Париж, 16.11.1995) – [Электронный ресурс] – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ declara-tions/toleranc.shtml.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж.Бодрийяр [Пер. с фр. и вступительная ст. С. Зенкина]. – М.: Добросвет,2000. – 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / [Пер. с фр. Л. Любарской, Е.Марковской]. – М.: Добросвет, 2000. – 260 с.
4. Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ / В.И. Добреньков. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 447 с.
5. Марсель Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. – М.: Республика, 2004. – 367 с.
6. Сабирзянова И.В. Ценности постмодерна в диалоге культур эпохи глобализации / И.В. Сабирзянова, В.В. Сабирзянова // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – [Редколлегия: Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко и др.]. – Макеевка: Издательство: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2016. – С. 310-315.
7. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. – 2006. – №1. – С. 45-53.
8. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас [пер. с нем. М.Б. Скуратова] – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – ISBN 978-5-7777-0386-6. – 336 с.
9. Хижняк А.В. Лабиринты толерантности: монография / А.В. Хижняк. – Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина. – 2014. – 160 с.
10. Stanford Encyclopedia of Philosophy. The Concept of Toleration and its Paradoxes [Электронный ресурс]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/ toleration/#ConTolPar

УДК 316.3: 281.9 ***Свешникова И.П.***

СОЦИУМ СОВРЕМЕННОСТИ – ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. *Данная работа на основе социокультурного анализа общественных систем анализирует механизмы самоорганизации гражданского общества в России в условиях влияния Православной Церкви с использованием элементов социальной организации соборного типа.*

Ключевые слова: *Православная культура, гражданское общество, соборная структура общества, духовное здоровье.*

Annotation. *This work is based on socio-cultural analysis of social systems investigates the mechanisms of civil society self-organization in Russia under the influence of the Orthodox Church with elements of social organization such as the conciliar type.*

Key words: *Orthodox culture, civil society, conciliar structure of society, spiritual health.*

С точки зрения системного подхода общество в целом можно охарактеризовать как сложноорганизованную саморазвивающуюся, открытую социальную систему, включающую в себя отдельных индивидов и социальные общности. Общности объединяются оперативными, согласованными связями и процессами самоструктурирования, саморегуляции и самовоспроизведения. Социологическая парадигма Э. Д. Дюркгейма представляет общество как саморегулирующийся организм, обладающий структурой и выполняющий определенные функции. По его представлениям, основой бытия общества является социальная реальность и социальные факты. К ним относятся и формы общественного бытия; коллективные представления, являющиеся сущностью морали, религии, права. В них сосредотачивается коллективная энергия и коллективное действие. Дюркгейм считал религию наиболее фундаментальным социальным институтом человечества, породившим все остальные социальные формы; «религия дала жизнь всему существенному в обществе». При этом Дюркгейм считал, что религия постепенно утрачивала свое значение, поскольку её вытесняли наука и культ индивида. [3]. Общий вывод его книги состоит в том, что религия – явление главным образом социальное. Данное положение может характеризовать и в становлении славяно-русского социокультурного типа (по Н. Я. Данилевскому).

Вероятно, именно в этом и заключаются истоки формирования духовного и социального здоровья человека. В настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия,

а не просто отсутствие болезней и физических аномалий» (Устав ВОЗ, 1946). Многими представителя-ми науки, философии, богословия и культуры – это определение дополнено понятиями духовного, интеллектуального, репродуктивного, творческого видов здоровья. Сегодня разворачивается ряд научно-исследовательских программ, направленных на изучение духовного и социального здоровья человека и трансформацию общественных систем. [8, с. 102].

В определениях, отражающих природу гражданского общества, которая отличает его от государства, представлено понимание гражданского общества либо как совокупности неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных и др.), либо как совокупности неполитических и политических отношений. В структуру гражданского общества входят: экономика (собственность, свободный труд, предпринимательство); общественные объединения; культура; семья (род); средства массовой информации и т.д.

Гражданское общество представляет собой неотъемлемую часть современного социума. Формирование гражданского общества в каждой стране происходит в специфичных культурно-исторических и социально-экономических условиях, и некоторым образом уникально. Граждане объединяются на основе сходных ценностей, идеологических предпочтений и социокультурных целей, как под действием внутренней самоорганизации, так и под внешним влиянием. [1, с. 8]

Общественно-политическим ядром гражданского общества являются объединенные в неправительственные, некоммерческие, независимые организации гражданские группы (ассоциации граждан). Существенным недостатком в работе общественных организаций и объединений является то, что между гражданскими формированиями еще не наблюдается устойчивой, системной и организованной связи, которая необходима для создания силы, способной повлиять на власть. Только в малых социальных образованиях современный человек находит то, чего не дает ему «большое» сообщество, находит понимание и сочувствие, солидарность и надежду на справедливость, ибо все эти социальные характеристики имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер. Открытость этих образований обусловливает непосредственное участие людей в самоуправлении, реализуя самоценность человека, его свободу и независимость. [2, с. 45].

Сергей Кара-Мурза образно обозначил проблемы становления гражданского общества в России: «Конечно, приходится признать, что понятия обществоведения мы приняли от Запада, придется ими пользоваться – надо и ЕГЭ сдавать, и экзамены в вузе. Но никто не запретит нам знать их главный смысл, а не политкорректную шелуху. Нам действительно необходимо общество, способное к самоорганизации, – ис-

тинное общество граждан, а не Республика собственников, она и так сидит у нас на шее».[4]

Процесс становления гражданского общества в России и общая характеристика институтов на современном этапе развития подробно рассмотрен в монографии Колесниковой Н.А. и Рябовой Е.Л. «Гражданское общество в современной России». Авторы, используя системный подход, выделяют несколько подсистем, главные из которых: экономическая, политическая, социальная, духовная подсистемы. [5, с. 76].

Какова же связь религии, в частности православия, с гражданским обществом? С. Л. Франк говорил, что религия (вера) – это вид связи внутри гражданского общества, в формировании которой государство мало, чем может помочь. Поэтому православная церковь полагает, что гражданское общество создается не на социально-политических, а духовно-нравственных объединяющих началах. Именно это происходит в России, задумавшейся о проблеме становления гражданского общества относительно недавно. В условиях глубокого интереса в России к религии и к Православию в частности, церковь получила уникальную возможность внести свою лепту в дело становления российского гражданского общества. [9, с. 15]

Как же происходит самоорганизация гражданского общества в России сегодня в условиях возрастающего влияния Православной культуры? По мнению автора, это происходит в малых социальных группах по мере повышения уровня духовного и социального здоровья их членов.

Протоиерей Сергий Булгаков в своей работе «Два первоапостола» подробно описывает «двоицы», «троицы», «двенадцать Апостолов» как первичные элементы, ячейки сообщества соборного типа. [7, с. 6] Эти модели – пример взаимоотношений в малых социальных группах. Когда руководителю общественной организации удается выстраивание отношений в коллективе в соответствии с данными моделями по законам «пространства любви», включаются механизмы самоорганизации структуры и деятельности позитивного созидательного характера. Затем возникает сотрудничество с другими подобными деятелями и институтами.

В девяностые годы подобную научную школу с широким привлечением общественности удалось создать доктору философских наук, профессору, доктору медицинских наук Петленко Виктору Порфирьевичу. Он стал одним из создателей отечественной санологии и валеологии. [6, с. 27] К большому сожалению, проектные процессы развития России тех лет быстро разрушили эту школу. Видимо, условия для успешности подобных научных направлений только начинают формироваться. В настоящее время можно увидеть как часть российского общества, испытывающая влияние Православной культуры, трансформи-

руется в направлении вектора соборности, приобретает в этом особый тип пассионарности, в отличие от вектора линейного демократического либерального транзита. Будем надеяться, что именно этот процесс ляжет в основу будущего России и построения новой цивилизации.

Список использованных источников:

1. Буряк В. В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 150 с.
2. Гражданское общество: истоки и современность/ Ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. 3-е изд., — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 495 с.
3. Дюркгейм Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. http://www.studfiles.ru/preview/460701/
4. Кара-Мурза С. Г. Общество граждан http://www.vz.ru/opinions/2013/8/27/647338.html
5. Колесникова Н. А., Рябова Е. Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 266 с.
6. Петленко В. П., Шамов И. А. Мудрость взаимности. – Л.: Лениздат, 1989 – 222с.
7. Прот. Сергий Булгаков. Два первоапостола. – Минск.: Лучи Софии, 1996, 96с.
8. Свешникова И. П., Савченко В. М. Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья. Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова». 2014; Ялта: 101-104.
9. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. С. 92с.

УДК 316.286:32

Слободянюк А.Г.

ИДЕАЛИЗМ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ Ю. ХАБЕРМАСА И ПРАКТИКА ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена критическому рассмотрению научного наследия немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. В общем контексте принципов «идеальной речевой ситуации» автор совершает критическое рассмотрение теоретического наследия классика. «Идеальная речевая ситуация» рассматривается как пример по-*

пытки диалектического снятия критики Просвещения со стороны Франкфуртской школы. В статье показано, что победа Хабермаса в этой публичной политике носила на деле ограниченный и временный характер и была обеспечена не только силой его аргументов, но и иными, внедискурсивными факторами.

Ключевые слова: *Дискурс, идеализм, идеальная речевая ситуация, консенсус, рациональность, ревизионизм, «спор историков», теория коммуникативного действия.*

Abstract. *The article is devoted to a critical review of the scientific heritage of the German philosopher and sociologist JurgenHabermas. In the general context of the principles of an «ideal speech situation», the author makes a critical review of the theoretical heritage of the classic. The «Ideal Speech Situation» is seen as an example of an attempt to dialectically remove criticism of the Enlightenment by the Frankfurt School. The article shows that Habermas's victory in this public policy was limited and temporary and was ensured not only by the strength of his arguments, but also by other, non-discursive factors.*

Keywords: *Discourse, idealism, ideal speech situation, consensus, rationality, revisionism, «dispute of historians », theory of communicative action, J. Habermas.*

Юрген Хабермас является одной из знаковых фигур на современном мировом философском горизонте, живым классиком и «геронтом» социальной мысли. Уже одно то, что этот мыслитель, начав с бескомпромиссной критики одного из величайших авторитетов своего времени (М. Хайдеггера), продолжив как ассистент заметнейшего социолога-радикала (Т. Адорно) и стал в результате тем, кто «закрыл» Франкфуртскую школу (совершив разворот от радикального либертарного марксизма к умеренному «респектабельному левому »), не может не вызывать интереса к его идеям. Однако даже более интересным может оказаться не только и не столько содержание его идей (с которыми знаком любой современный интеллектуал-гуманитарий и даже шире – мало-мальски образованный человек), сколько их критика. Дискуссия, разворачивающаяся вокруг построений столь весомой фигуры, является сама по себе показательной.

Мы не претендуем на полное и всестороннее рассмотрение научного наследия столь выдающегося и плодовитого мыслителя. Цель настоящей статьи состоит не более чем в том, чтобы высказать пару мыслей, присоединившись к критической рефлексии вокруг теории коммуникативного действия, которая заслуженно считается самым существенным вкладом Хабермаса в современную социально-гуманитарную мысль. При этом мы хотим обратить внимание не только

на теоретические аспекты, но и на коммуникативную практику – т.е. на диалектику успехов и провалов Ю. Хабермаса в сфере публичной политики (на примере его участия в т.наз. «споре историков»).

Мы не станем утомлять читателя пересказом общеизвестных базовых положений теории коммуникативного действия. Однако, поскольку без некоторого экскурса в азы этой теории её критический разбор является, очевидно, невозможным, полностью избежать реферирования мы не можем.

Как известно, в философии Ю. Хабермаса крайне важной отправной точкой является идея субъектности. Субъект социальной жизни для него – это « spra ch - und handl un gs fähiges Subj ekt ». Т.е. такой, который обладает способностью к языку (высказыванию) и действию (праксису). Из этой констатации мы рискнём сделать два важнейших вывода. Во-первых, тут видна традиция, относящая скорее к наследию М. Вебера, нежели К. Маркса, который, пусть и в специфической интерпретации, был основой Франкфуртской школы. Заметим, обращение скорее к Веберу, нежели к Марксу у Хабермаса, сочетается с очевидным предпочтением И. Канта (основоположника рефлексии на тему публичности, её становления и роли в буржуазном обществе) Г. Гегелю.

Во-вторых, внимание и подчёркнутый интерес к прагматике высказываний для Хабермаса является симптоматичным в контексте присущей ему веры в безусловную когерентность слова и действий. Сложная диалектика практики, её отражения в дискурсе (которое отражение никогда не будет и не может быть полным) и коллизии между словом-призывом и действием-воплощением (которые, что очевидно даже на уровне повседневном, никогда не обходятся без противоречий) полностью игнорируются. Важнейшим контекстом, своего рода ключом, открывающим истоки и основания данной позиции автора, является слово « рациональность». И тут мы снова видим «следы» М. Вебера.

Для Хабермаса основной и единственной целью любого коммуникативного акта является поиск взаимопонимания, а в перспективе – установление консенсуса. Это лежит в основаниях идеально-типической абстракции «идеальной речевой ситуации». Её критерии: 1) полная элиминация любого возможного насилия; 2) симметричность позиций участников коммуникативного процесса; 3) отсутствие разрывов коммуникативного процесса [5]. В. Вахштайн и Т. Вайзер так суммируют принципы конструктивной дискуссии по Хабермасу: «каждый человек достоин уважения и признания, любой человек, способный к этике аргументативной дискуссии, может быть включен в ситуацию коммуникации; каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; каждый может ставить под вопрос любое утверждение; каждый может вводить в дискурс любое утверждение;

каждый может выражать свои установки, желания и потребности; никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в вышеназванных пунктах» [1, с. 17]. По верному замечанию авторов Хабермас «десубстантиирует» рациональность, возводя её в принцип, независимый от мировоззрения, морали и пр. По нашему мнению, не будет преувеличением утверждение, что принцип рациональности у Хабермаса практически является метафизическим (универсальным и вечным).

Эта позиция, будучи безусловно крайне привлекательной как идеал, становится объектом критики со стороны тех, кто не готов признать за трактуемой таким образом рациональностью безусловный метафизический статус, не зависящий от социокультурных условий [см., напр. 9]. Недоверие у других вызывает способность публичной сферы, как её видит Хабермас, превзойти элитарность классической *буржуазной* публичности, сконституированой, в т.ч. и через исключение «неподходящих» категорий: пролетариата, женщин, меньшинств [7]. Третьи – демонстрируют сущностное недоверие к самой процедуре аргументативного обсуждения, видя в ней не более чем стилистический канон, который, будучи установленным в качестве нормативного образца обсуждения общественно важных вопросов, превращается в «фильтр» и отсеивает, не допускает в пространство публичной коммуникации «Другого» (экспрессивные способы высказывания «Другого» стигматизируются как «иррациональные») [10].

Ярким и плодотворным примером критического переосмысления идей Хабермаса является теория Шанталь Муфф, в которой сомнению подвергается сама ценность идеи консенсуса или, вернее, его воплощения в социальной практике. Муфф призывает «смириться с отсутствием последнего основания и невозможностью окончательного знания для любого строя» [2]. Состязательный характер, «агонизм» для неё – имманентная данность любого общественного бытия. Там, где Хабермас видит консенсус, для Муфф – установленная безальтернативная гегемония. Иначе говоря, консенсус – это ширма, которая драпирует подавление. С одной стороны он несёт опасность тоталитарности, а с другой – чреват взрывом, превращением естественной агональности в радикальные антагонизмы.

Силу и слабости позиции Хабермаса в практике диалога с очевидным «Другим» может проиллюстрировать его участие в дискуссии конца 80-х г.г., которая получила название «спор историков» [3]. Его оппонентами выступали академические учёные, которые, однако, выражали взгляды руководства ФРГ. С приходом в 1982 г. на пост канцлера Г. Коля в публичном пространстве страны начали возникать реплики и заяв-

ления, о том, что испытываемое немецкой нацией чувство вины тормозит её развитие. Подход к истории должен быть изменён, а поддерживающие идею коллективной ответственности немецкого народа антифашистские силы – враждебны Германии. Ряд историков во главе с проф. Э. Нольте поддержали эту инициативу; в печати появились статьи, содержание которых можно свести к 1) сомнениям в исключительности нацистских преступлений; 2) навязчивому сравнению «двух тоталитарных режимов»; 3) утверждении превентивного характера военной агрессии Германии против СССР.

Хабермас вступил в полемику с решительными и, вместе с тем, крайне рациональными аргументами против подобных ревизий и, по признанию широкой общественности, одержал решительную победу над оппонентами (а Э. Нольте потерял академическую репутацию и подвергся остракизму). Однако дальнейшие события и ход развития публичного дискурса показали, что « победа » Юргена Хабермаса носила временный характер. Те вопросы, которые, как он утверждал, вообще невозможны для постановки в публичном дискурсе, ставятся в настоящее время, причём, в гораздо более радикальных формах (см., напр., работы Тимати Снайдера [4], которого современные критики обоснованно характеризуют как «Нольте возрождённого» [8]). Ревизия исторической трактовки Второй Мировой происходит повсеместно в Европе (и именно в том контексте, против которого выступил Хабермас).

Приходится признать, что более уместно сейчас говорить не о победе, а о поражении Ю. Хабермаса в «споре историков», драматичной наглядности которому добавляет очевидное отсутствие новых резонансных публичных дискуссий. Мы, рискуя показаться тривиальными, выскажем предположение, что « спор историков », если и был по внешним признакам приближен к образцу идеальной речевой ситуации, в качестве « второй стороны » (оппонентов Хабермаса) включал в себя нисколько не заинтересованного во взаимопонимании, поиске рациональной истины и, тем более, консенсуса субъекта. Для понимания данного субъекта оптимально подходит понятие « реваншизм », которое наилучшим образом освещает телеологический характер действий и природу этой телеологии. Этот субъект может играть по сближающим полемику с образцом идеальной речевой ситуации правилам. Но ровно до тех пор, пока некие внешние относительно диспута факторы не придадут ему дополнительных возможностей.

Внешними факторами, на фоне которых голос Хабермаса стал «неслышным» выступило крушение Берлинской Стены и крах «социалистического блока » в Восточной Европе. Антикоммунистическое статус-кво, ставшее политическим каноном во всех постсоветских европейских странах, составило ресурс гегемонии для ревизий разного рода, ко-

торые продолжаются и поныне, кардинальным образом трансформируя ландшафт исторической памяти Европы в целом.

А в этом свете становится очевидным, что и сложившийся во второй половине XX в. антифашистский консенсус помимо рациональных оснований в основе своей имел такой аргумент, как СССР с его атомным вооружением и чёткой позицией по вопросу. И то, что Хабермас и его соратники по «спору историков» и помыслить не могли об артикуляции этого аргумента никак не отменяет его решающую роль в дискуссии и её результатах.

Таким образом, придание метафизического статуса рациональности делает Хабермаса уязвимым для оппонентов самого разного рода. В рамках своего «бескомпромиссного ревизионизма», наиболее ярко проявившегося в его уходе от грубых материалистических реалий марксизма в эфирно-чистые пространства «коммуникативного действия», он стремится к диалектическому снятию той критики идеалов и практики Просвещения, которая была «визитной карточкой» Франкфуртской школы времён её рассвета. Именно в этом ключе, заметим, стоит рассматривать его заигрывания с «постсекулярностью» [6]. Однако, как мыслитель, очевидно перешедший с позиций гегельянства в пространство кантовской метафизики, Хабермас оказывается слеп к реальной метафизике нравов, подменяя её идеально-типическим «пожеланием на будущее» и, в частности, отказывается видеть то, что на практике постсекулярность культуры воплощается не столько в рационально-моральных формах, сколько в прогрессирующем иррационализме: от повседневного оккультизма в стиле «нью-эйдж» до «метафизики революции» с одной стороны и противостоящего ей «магического фашизма» в лагере «новых правых» и «альт-райтов» с другой.

Рискнём предположить, что мешает ему это увидеть элементарная философская чистоплотность, однако данная добродетель, будучи несомненной для философа-метафизика, со стороны более грубо-эмпирической (т.е., скажем так, «социологической») видится скорее снобизмом. Возвышенная «надмирность» построения теории Хабермаса и установка на «слова», делает её совершенно открытой для критики со стороны тех, кто видит в первую очередь лежащие за словами «вещи»: гендеристов (с их установкой на тело в его социальном определении), марксистов (с их классовыми отношениями и антагонизмами), Ш. Муфф (с её механизмами гегемонии) и т.д.

И, что самое прискорбное, позиция Хабермаса оказывается уязвимой не только для критики слева. Сама по себе она не даёт решительного аргумента для оппонирования правым всех сортов – с их воображаемыми, но, в прямом соответствии с «Теоремой Томаса», реальными по своим последствиям сообществами. Приходится с прискорбием при-

знать, что голос парящего в разреженной атмосфере метафизических абстракций рыцаря рациональности оказывается легко заглушим треском петард карнавала иррационализма. Для того же чтоб быть по-настоящему услышанным ему приходится опираться на почву аргументов, превосходящих шум этих трещоток не только и не столько в сугубо рациональной плоскости – осознаёт он это или же нет. Что, очевидно, идёт в разрез с пафосом теории коммуникативного действия и её ценностно-рациональными постулатами.

Список использованных источников:

1. Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и коммуникация: трансформация социальных механизмов формирования солидарности. – М. 2016.
2. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире. [Электронный документ] Режим доступа: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2015/01/blog-post.html
3. Рулинский В.В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления. [Электронный документ] Режим доступа: https://vk.com/doc15468416_446762104?hash=13c393154aa12cfbfe&dl=
4. Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным; [пер. с англ Л. Зурнаджи] – К.: Дуліби, 2015.
5. Хабермас Ю.Теория коммуникатиного действия//Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4.
6. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии/Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
7. Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy//Social Text. No. 25 / 26, 1990.
8. Lazare D. Timothy Snyder’s Lies. [Электронный документ] Режим доступа: http://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies
9. MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1998.
10. Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford; NY: Oxford University Press, 2000.

УДК 316.624-051 ***Смирнов О.А.***

ЛИЧНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается один из наиболее важных и актуальных вопросов современного социокультурного пространства, проблема определения личности экстремиста. Для этого необходимо исследовать личность современного человека, который своей активной позицией заявляет о себе, но, к сожалению, находясь на грани, переходит на негативные крайние формы данной активности, пересекая грань между нормой и аномией, тем самым формируя мир аномии, а такой мир обречен на гибель.*

Ключевые слова: *экстремист, социокультурное пространство, аномия.*

The abstract. *In the article considers one of the most important and relevant issues of the modern sociocultural space, the problem of determining the identity of an extremist. To do this, it is necessary to examine the personality of a modern person who claims to be his active position, but, unfortunately, being on the verge of transitions to the negative extreme forms of this activity, crossing the line between norm and anomie, thereby forming the world of anomie, and such a world is doomed to death.*

Key words*: extremist, sociocultural space, anomie.*

Сегодня одним из наиболее важных и актуальных вопросов в развитии современного общества, становится вопрос его безопасности. Происходящие в мировом социокультурном пространстве процессы декларируют переход человечества на новый виток собственного развития и здесь особо актуальной, является проблематика крайних и деструктивных форм человеческого действия: экстремист и террорист [1,4,6]. И для того, чтобы правильно поставить приоритеты актуальности и значимости завяленной в названии проблематики, необходимо обратиться к источнику данных явлений поставив самый важный вопрос: откуда берет свое начало феномен экстремизм и каково происхождение термина «экстремист», ведь не секрет, что данное слово является производным. Тогда можно обозначить экстремиста как субъекта, который занимается экстремизмом (экстремисткой деятельностью).

Социальный аспект проблемы исследования состоит в особом статусе экстремизма в иерархии социальных проблем. Экстремизм, особенно экстремистское поведение личности экстремиста в обществе, - явление чрезвычайное, зачастую влекущие за собой серьезные последствия как для государства, так и для общества и человека.

Сам теримин экстремизм берет свое начало от слова – «extremus», что в переводе с латыни означает «крайний»[13]. Экстремизм предстает перед нами, как явление многогранное, имеющее множество ответвлений в различных сферах жизнедеятельности человека и окружающего его мира. Но однозначно можно утверждать, что абсолютно любая область, рассматриваемая через призму экстремистской направленности, является негативным звеном в устройстве функционирования нормальной природы человека, так как является таковым по определению [8,11].

Что касается механизмов распространения экстремизма в социокультурном пространстве, то можно сказать следующее: содержание и специфику социокультурного пространства определяют родственные, но не сводимые к нему категории «социальное пространство» и «культурное пространство» [2]. В известной мере данные категории могут служить отправными точками, своего рода индикаторами, активного внедрения экстремистских субъектов, а в определенных случаях и для становления личности экстремиста. Поэтому рассматривая с позиций социально-философского дискурса, сущность социокультурного пространства и появление и существование в нем феномена экстремизм и с действующей силой в лице экстремиста, то можно предположить наличие определенных базовых, отправным точек, определив и исследовав, которые можно будет рассмотреть не только формирование экстремистских взглядов, но и выявить механизмы его развития [5,12].

Таким образом закрепление определенной позиции в отношении экстремизма и придания ему отрицательной оценки во многом отразилось на культурной, а равно социальной составляющей современного общества. Примеров можно привести множество, стоит лишь сказать, что в литературе, художественном искусстве, кинематографе и многих других направлениях искусства, авторы стремились подчеркнуть значимость экстремизма и рассматривали его с определенных позиций, соглашаясь лишь с единственной фундаментальной истиной экстремизм всегда явление негативное.

Также стоит отметить, что религиозный аспект оказывает одну из ведущих позиций относительно трактовки экстремизма, особенно это заметно в наши дни. Скажем так: кинофильмы, книги, статьи и многое другое, все то необходимое информационное поле, которое удовлетворяет потребности социума и служит для духовного развития. Однако если проанализировать, что продуцирует современная массовая культура, какие ценности и принципы она формирует у подрастающего поколения [3,7, 9]. Вот здесь и кроется вся беда современного социокультурного пространства, поскольку человек впитывая информацию из внешних источников приобщается к ценностям и традициям того социокультурного пространства, в котором растет и развивается впоследствии и сам созда-

ет собственный каркас культурных ценностей, которые далее могут отразиться на его поведении и развитии других членов общества, иногда в позитивном, а иногда и в негативном аспекте. Человек, который в своей деятельности несет только отрицательный потенциал и может быть названным экстремистом. Соответственно экстремист, приводит в действие целостный механизм, который повреждает общество абсолютно во всех сферах жизнедеятельности человека. И так как культура – это необходимая база для нормального существования социума, без которой его развитие в принципе невозможно, то внедрение в область культурного развития, а также культурного наследия деятельности экстремиста в современном мире является весьма актуальным и проблематичным вопросом, тем более, что сама такая личность пока еще находится в исследовательской практике на уровне «Мистера Х». Связано это с тем, что в основном преступления экстремистского характера совершаются молодыми людьми, а они это надежда и будущее общества. Возрастные особенности личности экстремиста связаны с тем, что именно молодежи присущи радикализм во взглядах и оценках, максимализм в неприятии несправедливости, с одной стороны. С другой стороны, следует отметить тот факт, что молодежь подвержена чрезмерному влиянию со стороны идеологов экстремистских учений, особенно когда подобная идеология опирается на патриотические настроения и религиозные чувства молодежи, что является социокультурным аспектом для современного человека. Это очень опасно и подвергает риску уничтожения определенных социокультурных ценностей.

Таким образом, в общественном сознании и в результате деятельности средств массовой информации уже имеется общее представление о личности экстремиста и его влияние на функционирование и развитие современного общества во всех сферах его проявлениях.

Следовательно, проведя анализ научных источников и проанализировав представление о нем, которое сложилось в социокультурном пространстве можно отметить, что личность экстремиста неоднозначна, не имеет точной и ярко выраженной характеристики. Конечно можно утверждать, опираясь на статистические данные, что личность экстремиста в основном предоставляет нам определенный психологический портрет.

К примеру, принято считать, что основами качествами, которыми обладает экстремист являются агрессивность; жестокость; хладнокровие; дерзость; расчетливость; замкнутость и так далее, однако, как показывает практика и анализ деятельности экстремиста в социокультурном пространстве это далеко не всегда так. На данный момент существуют совершенно противоположные психологические портреты. Именно поэтому очень сложно контролировать возникновение, формирование и

развитие личности экстремиста, которое происходит в современном социокультурном пространстве.

Стоит также отметить, что определенная группа экстремистов, из которых состоит экстремистская организация, в первую очередь опирается на собственную идеологию. В то же время идеология экстремистской организации основана на радикальных взглядах, насилии, расовой и религиозной нетерпимости, политической неприязни к «Другим», действуя при этом под лозунгом «если ты не с нами – ты против нас, а если ты против нас, то ты должен быть уничтожен» [10]. Следовательно, воспитание и принятие субъектом экстремисткой деятельности радикальных и экстремистских форм поведения является результатом вхождения индивида в социокультурное пространство, проходя процесс социализации. Таким образом, можно сказать, что экстремист является продуктом социального и культурного пространства в котором живет и развивается личность.

Таким образом, следует отметить, что личность экстремиста, во всем своем многообразии, отличается от «нормальных» принятых обществом людей. Экстремисты – это люди, которые борются одновременно за чистоту расы, проповедующие религиозную нетерпимость и стремящиеся, по их убеждению, к всеобщему счастью для всего человечества (точнее, той его части, которая достойна их внимания), через сакраментальное насильственное очищение. Такие идеи и действия фундаментально меняют понятия о самом мироустройстве и приводят социум к разрушению во всех сферах его жизнедеятельности.

Список использованных источников:

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма //Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248-253.

2. Коноплева А. А. Гибридность современной цивилизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4 (69). С. 53-61.

3. Коноплева А. А. Урегулирование межэтнических конфликтов как фактор обеспечения национальной безопасности//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (69). С. 56-58.

4. Коноплева А. А., Буткевич С. А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений// Философия права. 2018. № 1 (84). С. 57-64.

5. Никитина Л. Н. Исследование взаимосвязи чрезмерного увлечения компьютерными играми и девиантного поведения несовершеннолетних // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного по-

ведения Материалы X Международной научно-практической конференции. Электронное издание. 2017. С. 201-204.

6. Никитина Л. Н. Киберaддикция несовершеннолетних как угроза для общества // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 179-183.

7. Никитина Л. Н. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 361-364.

8. Чудина-Шмидт Н. В Склонность человека к экстремальному // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 449-450.

9. Чудина-Шмидт Н. В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.

10. Чудина-Шмидт Н. В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности //В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе 2015. С. 638-642.

11. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия формирования экстремальной личности //Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 447-449.

12. Чудина-Шмидт Н. В. Факторы экстремального поведения личности// Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 347-349.

13. Чудина-Шмидт Н.В. Этимология понятия «экстрим»// Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 107-110.

УДК 140:164.02 ***Тайсина Э.А.***

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ФОРМЫ БЫТИЯ – ИЛИ ПОЗНАНИЯ?

Аннотация. *Рассматриваются знаково-символические системы и естественный разговорный человеческий язык как важнейший из семиотических систем. На основе работы Юргена Хабермаса анализируется возможность преодоления постмодернистской парадигмы в трактовке знаково-символических конструкций.*

Ключевые слова: *знак; язык; средства связи; средства познания; форма жизни; принцип единства*.

Abstract. Sign-symbolic systems and natural spoken human language are considered as the most important of semiotic systems. Based on the work of Jürgen Habermas, the author analyzes the possibility of overcoming the postmodern paradigm in the interpretation of sign-symbolic constructions.

Key words: *sign; language; means of communication; means of cognition; form of life; principle of unitedness (Einheit).*

Обратимся для оценки функций семиотических объектов, служащих средствами познания и коммуникации, вначале к классике гносеологии.

В главе «О разделении наук» своего грандиозного «Опыта о человеческом разумении», предвосхитившего всякую прочую классическую гносеологию, в том числе кантианскую (которую Хабермас считает эталонной), Джон Локк подводит некий итог своим размышлениям относительно роли таких когнитивно-коммуникативных средств, как знаково-символические системы. Он делит все науки на «физику», познающую «вещи сами по себе» ради умозрительного знания, «практику», в особенности этику, взыскующую справедливости и требующую от людей соответствующего поведения, и *семиотику*, σημιωτική, или «учение о знаках». «И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также λογική, “логика”. Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим». [3, т. 2, с. 200]. Эта Локкова классификация наук восходит через Гассенди к Эпикуру, стоикам и Ксенократу. Далее в Кн. IV Гл. XXI «Опыта» Локк разъясняет: «А так как совокупность идей, составляющих мысли какого-то человека, не может быть открыта непосредственному взору другого человека,… то поэтому, чтобы сообщать наши мысли друг другу, а также запоминать их для собственного употребления, необходимы также знаки для наших идей». Членораздельные звуки, то есть слова, как и составляющие их содержание идеи, поясняет выдающийся просветитель, суть великие орудия познания, «не надлежащая пренебрежению часть в рассуждениях того, кто обозревает человеческое познание во всем его объеме». [3, т. 2, с. 200]. Глава заканчивается провидческим: «И если бы они были взвешены отдельно и рассмотрены как следует, они, быть может, дали бы нам логику и критику, отличную от той, с которой мы были знакомы до сих пор». [3, т. 2, с. 200–201].

Вместе с тем и до сих пор знаково-символические системы, и естественный разговорный человеческий язык как центральная из всех этих систем, со времени возникновения и формирования семиотики как науки и в особенности как университетской академической дисциплины после Всемирного Конгресса в Милане (1974 г.) имеют непроясненный статус, даже на сегодняшний день. Для структурной лингвистики, чьим

отцом-основателем, так же, как и лингвосемиотики, был швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, знаки языка являются элементами языковой системы и серьезного самостоятельного значения не имеют. Для логики – а «вторым отцом-основателем» семиотики был американский логик Ч.С. Пирс – знаки языка, и не только языка, являются самостоятельными сущностями. К знаку применима эмблема «треугольника Фреге», включающая, кроме самого́ чувственно-воспринимаемого «тельца» знака, также его объект-референт и смысл/значение. И если первое введение в семиотику, «от лингвистики», необходимо задает трактовку семиотических образований как *средств коммуникации*, действующих только в совокупности, то логико-философский «ввод» позволяет рассматривать знак – и язык – как *форму бытия* по преимуществу, связанную с мышлением и познанием в целом лишь контингентно.

Первое упомянутое представление о знаково-символических системах и естественном разговорном языке поддерживается технической семиотикой, информатикой и самой лингвистикой, будь то структурной или исторической. [4]. Семантика, наиболее сложная часть лингвосемиотики, связывает общение и познание через проблему знака и значения. Как и в порождающей грамматике Н. Хомского, язык рассматривается в семантике в качестве глубочайшего средства рождения и проявления мысли. А еще до Хомского, в XIX веке, русский лингвист А.А. Потебня утверждал, что мысль не просто выражается в слове – она исполняется (совершается) в нем.

Кстати, для Аристотеля слово и предложение были средствами познания, а именно – знаками, которые связаны с мышлением по условному соглашению («установлению»). После Аристотеля именно Джон Локк придерживался тех же взглядов на роль и сущность знаков.

Второе представление было поддержано Эрнстом Кассирером с его определением человека в качестве «*homo symbolicum*» [1] и Мартином Хайдеггером с его формулой «Язык – это дом бытия» (имеется в виду не обыденный язык, но язык поэзии и философии). В особенности после работ Витгенштейна и под влиянием его мнения язык стал восприниматься как особое *поведение,* а зачастую как игра или ритуал, изнутри бытийственно моделирующие коммуникацию – каковая коммуникация есть не просто общение, но сущность социального действия, а значит, чисто человеческого (социокультурного) «слоя» бытия.

Считать ли эти позиции действительно противоречивыми, зависит от парадигматики и синтагматики собственной теоретической мысли исследователя. Однако в результате более тщательного анализа позиций и предлагаемой аргументации, мы можем предложить синтетическое решение, которое состоит не в простой формальной конъюнкции («язык – это ***и*** средство познания, ***и*** форма человеческой жизни»), но в обрат-

ном переходе от кантианства к аристотелевскому принципу единства основ бытия и познания в современной философии и науке.

На этом пути есть две проблемы, или препятствия. Во-первых, аристотелевский метафизический принцип, развитый Гегелем в великую систему диалектики, был оттеснен временем постмодернизма, коренящимся не в гегелевской диалектике, а в гносеологии Канта. Разница широко известна: в философии Канта существует драматический раскол между основаниями бытия ("*Ding-an-sich*") и основаниями знания (явлениями). Основные принципы Аристотеля / Гегеля и Канта не могут быть согласованы.

Вторая проблема, или препятствие, вытекающее из первой, – это длительное господство пост- (или после-пост) модернизма, который не слишком ценит процедуры логических доказательств и опровержений, абстракций, рациональности в целом. Все фазы постмодернизма демонстрируют это специфическое отвращение ко всему строгому и определенному («догматические абсолюты»), что является важной чертой, отличающей постмодернистскую мысль от классической средневековой. Многие другие характеристики «первого средневековья» сходны с последним, современным: дихотомия номинализма и реализма как двух основных философских направлений, фактически вытеснивших дилемму эмпиризма и рационализма эпохи Просвещения («модернити»); бесконечные дебаты, интерпретация, толкование и комментирование; поучающий дискурс; возрождение интереса ко всем ветвям и конфессиям религии и отказ естественным наукам в их притязаниях на привилегию нести подлинное, а именно, объективно-истинное знание.

НО также существует довольно новая концепция о наличии плотного, непроницаемого «щита» культуры, в частности, языка, помещенного между субъектом и объектом познания, что делает эту декартову диаду абстрактной – или неверной – или ложной.

Деятельность Юргена Хабермаса показывает нам пример того, как можно преодолеть постмодернистскую нео-средневековую парадигму, не возвращаясь непосредственно к Аристотелю, а возносясь к Новому Ренессансу.

Наиболее выдающийся философ нашего времени – во всяком случае, философ «первой десятки», – Юрген Хабермас лучше всего известен читающей публике по его классической социально-философской теории коммуникативного действия (1981 г.). Сжато об этом примечательном виде активности пишет он сам в очерке «Этика дискурса: замечания к программе обоснования»: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на зна-

чимость». [5, с. 91]. Наиболее важными – или единственно важными в формате данной теории – являются три вида «притязаний»: на содержательную истинность, на формальную (нормативную) правильность и на правдивую искренность высказываний. Отметим, что все же истинность стоит у Хабермаса на первом месте среди «интерсубъективных притязаний», хотя, казалось бы, мэтр принял во внимание критику «модернити» со стороны постмодернизма, назвав этот исторический период «незавершенным проектом» и согласившись на бóльшую скромность собственно философских «притязаний», отменяющую указующую роль её в отношении наук, прерогативу знания «оснований» и т.д. Истинное, или безусловное, является «необходимым условием сугубо человеческих форм совместной жизни». [5, с.11]. Между прочим, оборот «мыслитель-мэтр» у Хабермаса выступает как синоним «заклинателя ложной парадигмы».

Вопрос можно поставить так: является ли ВНЕ-модернизм – непременно постмодернизмом?

Разумеется, ответ будет отрицательным. Полный современник «эпохи» постмодерна, Юрген Хабермас не был и не стал его воспреемником, хотя и высказывал серьезные замечания в адрес разорванности «модерна», например, в своей речи, произнесенной на Конгрессе Международного Гегелевского союза в Штутгарте в июне 1981 г. (год публикации «Теории коммуникативного действия»). Эта речь была опубликована в виде отдельного очерка «Философия как “местоблюститель” и “интерпретатор”». Хабермас утверждал: «Существует взаимосвязь *фундаменталистской* теории познания [имеется в виду гносеология Канта.– *Э.Т.*], отводящей философии роль, согласно которой она *указует место* наукам, и охватывающей культуру в целом *неисторической* системы понятий, где философия берет на себя не менее сомнительную роль *судьи*, вершащего правосудие над суверенными областями науки, морали и искусства». [5, с. 9–10]. Здесь ясно выражена мысль о недопустимости, так сказать, высокомерного «философского империализма».

Огромной заслугой Хабермаса перед лицом всесожигающей иронии таких эмблематических персон постмодернизма как Р. Рорти является верность главным идеалам модернити, – это рациональность, объективная истинность и существование подлинных, глубоко (пусть, по Хабермасу, не онтически) укорененных оснований знания, в противовес иррационализму шопенгауэровского или ницшеанского типа, *абсолютизированному релятивизму* и поверхностно-мелко сидящей ризоме. Даже если философия откажется от слишком сильных притязаний на роль координатора и судьи, ей прости не личит отказ от задачи хранителя рациональности. Отвечая «зоилу», Хабермас не менее иронично, чем он, замечает: «Если я правильно понимаю Рорти, философия ради своей

вновь обретенной скромности должна отказаться от того притязания на разумность, которое как-никак пробудило к жизни само философское мышление». [5, с. 10-11].

О полном признании необходимости рационального условия познания и коммуникации свидетельствует такое утверждение: «…В коммуникативном действии один предлагает другому *рациональные мотивы* присоединиться к нему в силу скрепляющего иллокутивного эффекта, которым обладает приглашение к речевому акту». [5, с. 92]. Что касается критики Хабермасом узко-инструментального, «считающего» разума – можно вспомнить, что «она направлена против специфической односторонности современного миропонимания, особенно против упрямой тенденции стягивать область вопросов, которые могут быть разрешены через *обращение к основаниям* [*курсив мой.–Э.Т.*], до когнитивно-инструментальных пределов». [5, с. 70].

За время великой жизни Юргена Хабермаса произошел поворот от (классической немецкой) философии сознания к (англо-саксонской) философии языка. Например, бесполезно искать в Оксфордском энциклопедическом словаре современной философии раздел «Гносеология»; так же бесполезно искать в нем главу «Истина» в, казалось бы, непреложном для неё месте: разделе «Гносеология» или хотя бы «Эпистемология». (Последний термин сегодня вытеснил греческое/немецкое самоназвание теории познания – хотя и неправомерно, ибо «эпистемология» есть теория *научного* познания по преимуществу, но она не является общей для всех видов познавательной деятельности). А термин “Truth”, «истина», помещен в Oxford Handbook of Contemporary Philosophy в раздел «Философия языка», где и рассматривается в формате когерентизма, присущего аналитической философии. [2]. Один из авторов этого раздела энциклопедии Пол Хорвич утверждает, что, несмотря на «ауру особой глубины и таинственности», которая окружает концепцию истины, наиболее важной тенденцией последних десятилетий был «отход от традиционных подходов, которые полагают само собой разумеющимся, что истина является своего рода «субстанциональным» свойством… и в направлении развития так называемых дефляционных теорий, в которых это предположение отвергается». По его мнению, лучшая из всех подобных теорий есть *минимализм*, согласно которому «наше владение понятием истины вытекает из того, что мы рассматриваем каждое суждение как эквивалентное суждению, являющемуся истинным». [2, с. 454]. Именно такое заявление Хабермас назвал бы инструментальным разумом. Хотя, разумеется, философии языка нельзя отказать в известных достижениях, обусловленных в особенности её тесной взаимосвязью с (лингво)семиотикой.

Хорошо известно, какое внимание уделяет языку современный немецкий классик. Так, все рассматриваемые им виды коммуникативных притязаний на взаимопонимание собеседников становятся возможными и осуществимыми только при условии, что понимания стараются достичь, эксплицитно используя в коммуникации естественный разговорный *язык*, – этот мета-язык для любой другой системы знаков или символов, универсальный интерпретатор, – в том числе для самой философии. Вместе с тем очень важно, что язык в теории Хабермаса выполняет именно эту, искомую и чаемую роль: не просто средства коммуникации и/или сферы жизненного мира в отдельности, но, в нашей собственной терминологии, «места встречи», или внепространственной местности со-бытия и со-знания. «Место одиноко стоящего субъекта, который направляется к предметам и в рефлексии делает предметом самого себя, – подчеркивает Хабермас, – заступает не только идея познания, опосредованного языковым выражением и соотнесенного с действием, но совокупная взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций, в которую встроены… познавательные результаты». [5, с. 19].

Хабермас так объясняет задачу, которую поставил себе еще Кант: поскольку первый шаг и первоначальная операция познания состоит в анализе интуитивно «всегда уже» применяемых понятий о предметах, постольку в основе <трансцендентального> обоснования лежит «не идея выведения из принципов, а, скорее, идея о том, что мы можем убедиться в незаменимости определенных операций, которые интуитивно всегда уже осуществляются по неким правилам». [5, с. 8]. Это дань современному эмпиризму и номинализму, совместно оттеснившим эссенциализм. Однако одобрение, слишком часто высказываемое в адрес повседневной практики и повседневных коммуникаций, не отменяет обращения к трансцендентальным обоснованиям. И наиболее важное для нас рассуждение Хабермаса состоит в следующем. Не занимая позиций «диалектизма», аналитизма, критицизма, конструктивизма или иного какого-то «-изма», – философ с самого начала критикует кантианское понимание «разума, разъятого на составляющие его моменты» – Хабермас утверждает: тематизируется ли взаимосвязь коммуникации, познания и практики «*как форма жизни или жизненный мир, как практика или опосредованное языком межличностное общение, как языковая игра или диалог, как культурный фон, традиция или история деяний, решающим является тот факт, что все эти основанные на здравом смысл понятия приобретают теперь тот ранг, который до сих пор был характерен для фундаментальных понятий эпистемологии…*» [5, с. 19]. [*курсив мой.–Э.Т.*] Именно это рассуждение мы считаем решением дилеммы «средство коммуникации/познания – или форма бытия?» в от-

ношении знаково-символических систем и языка в особенности. Это поистине преодоление постмодернистского скепсиса, познавательного урона от утраты им всех серьезных категорий от сущности до истины, многочисленных постмодернистских «смертей»: субъекта, объекта, автора, актора, истории и даже самой философии – и закономерный переход от нового средневековья к новому ренессансу. Юрген Хабермас – философ неоренессанса. И, пожалуй, здесь к месту будет вспомнить, что человек – это единственное существо, чье бытие состоит в познании – и, разумеется, в коммуникации. Знаково-символические системы воплощают и манифестируют все эти три главных домена существования человека и общества.

Список использованных источников:

1. Cassirer, Ernst. The philosophy of symbolic forms. Volume one: Language. Transl. by Ralph Manheim. Preface and introduction by Charles W. Hendel. New Haven and London: Yale University Press. 1955.
2. The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy. Ed. by Frank Jackson & Michael Smith. – Oxford Univ. Press, 2013.
3. Локк, Джон. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т. / пер. А.Н. Савина. Ред. и авт. вступит. статьи И.С. Нарский. – М.: Мысль, 1985.
4. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
5. Хабермас, Юрген. Моральное сознание и коммуникативное действие / 1-е изд. Suhrkamp Verlag Frenkfurt am Mein, 1983. Пер. с нем. С.В. Шачина под ред. Д.В. Скляднева. Отв. ред. Б.В. Марков. – СПб.: Наука, 2001.

УДК 008(100) “312” ***Чудина-Шмидт Н.В.***

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются события и процессы, происходящие в современном мире и получающие статус «экстремальных» с позиций их влияния на преобразование социальной системы.*

Ключевые слова: социальная система, экстремальность, ценности.

Abstract. *In the article events and processes occurring in the modern world and receiving the status of “extremality” from the standpoint of their influence on the transformation of the social system are examined.*

Key words: social system, extremeness, values

В условиях развития современного мира все чаще и чаще можно встретить такие понятия, как «экстрим», «экстремальность», «экстремальная ситуация». Однако многие даже не задумываются над тем, что эти явления собой представляют, какие механизмы и процессы предвещают или констатируют, каков потенциал, который они несут в своей основе для дальнейшего существования социальной системы позитивный или негативный [5]. Только проанализировав и поняв, какова специфика исследуемых явлений у современного человека появляется возможность понять каков мир, в котором он окажется уже завтра. Сегодня несмотря на неоднозначное и недостаточно исследованное пространство, которое занимает проблемное поле экстремальности, каждый, даже на уровне здравого смысла может сформулировать собственное представление об этих явлениях исходя из того знания, которое предоставляет нам информационное пространство. И как показывает практика, большинством экстремальные проявления современного мира воспринимаются как отличающиеся от тех норм, традиций и установок, которые приняты в социуме.

После принятия теории систем, в социально-гуманитарном знании принципы экстремальности начинают восприниматься как то, что не только подлежит статуту «выходящего за рамки», но как то, что несет в себе решающий потенциал выхода на новый уровень развития, то есть несущий в себе вектор дальнейшего качественного развития. Таким образом, экстремальные проявления – это тот фактор, который свидетельствует о выходе системы на новый этап развития, то есть на бифуркационный хаос [4]. Это новый этап развития социальной системы, заявляющий о формировании нового аттрактора, когда уже можно констатировать факт выхода системы в состояние трансформационных процессов с последующим формированием новой системы.

Следовательно, экстремумы, которые достигают критических показателей предназначены для нарушения стабильного функционирования социальной системы, в качестве базовой цели такого нарушения претензия на ее переход в новое качественное состояние. В качестве примера можно привести нормативно-правовой дискурс, когда криминальное событие де факто является экстремальным как для людей, живущих в этой социальной системе, так и для государства, в социуме которого это происходит. В то время как в политическом и политологическом дискурсах наиболее экстремальными социальными явлениями будут выступать войны, революции и вооруженные локальные конфликты. Сегодня проводя анализ событий и явлений, которые происходят как на уровне глобальной социальной системы, так и на базе локальных социальных систем можно констатировать факт резкого возрастания и распространения экстремальных проявлений, которые свидетельствуют о

трансформационных процессах, которые заявляют о себе и свидетельствуют о выходе социума из режима функционирования в режим развития. Но эти проявления не возникают из неоткуда, их зарождение можно зафиксировать уже в XX веке, за период прохождения которого было более десятка кризисов в разных системах и разных сферах жизнедеятельности общества, среди которых четыре революции, две мировые и множество гражданских войн [1,2]. Не стоит обходить вниманием и несколько аксиологических переворотов, которые произошли в двадцатом веке.

Все обозначенные события готовят и социум, и его элементы к новым условиям существования, привнося в них такие изменения, которые позволят им выжить в условиях нового мира и нового мироустройства.

Таким образом, можно сказать, что экстремумы являются жизненно необходимыми условиями для развития любой системы вне зависимости от ее структурных элементов и степени сложности.

Как показывают исследования, которые проводятся учеными разных областей знания, в эволюционном развитии выигрывают только те системы, которые подвержены возникновению, развитию и преобладанию экстремальных состояний и те системы, в которых такие состояния возникают достаточно часто, чтобы не дать системе возможности долгое время пребывать в стадии стабильности, поскольку стабильность в первую очередь связана о статичным (бездвижимым) состоянием, а как известно только в движении заключается базовая характеристика бытия.

Таким образом, можно отметить, что при наличии экстремальных проявлений в социальной среде можно утверждать ее развитие и, как это ни парадоксально, чем чаще и интенсивнее они проявляются, тем выше степень изменений, происходящих в самой системе.

При исследовании сроков происходящих трансформационных процессов можно констатировать, что чем сложнее система, тем более продолжительным будет фаза ее экстремального развития, по отношению к фазе ее стабильного существования. Следовательно, можно сказать, что на современном этапе развития любая существующая система будет проходить стадию развития и, соответственно, экстремальных показателей гораздо дольше, чем, к примеру, социальная система, существовавшая в предыдущих столетиях. Для того, чтобы понять сложность и, самое главное, необходимость происходящих событий следует более детально рассмотреть каковы они. И если речь идет об экстремальности социальной системы, то, в первую очередь, следует рассматривать такие проявления экстремальности, которые можно зафиксировать во всех сферах жизнедеятельности общества. И как это бы не звучало парадоксально, но несмотря на все многообразие собственного проявления многие формы экстремальности имеют схожие паттерны организации. К

примеру, отрицание чувственного мира солипсистом очень схоже с абсолютным отрицанием мира подростком [3].

По своей природе экстремальность и разные формы ее проявления имеют одно основание, которое в авторской концепции получило определение через понятие «экстрим», под которым автор понимает «критическую массу» биоэнергии, которая демонстрирует повышенную активность индивида через определенное состояние его психики». Тогда в духе первого определение получает и свое определение понятие экстремальность под которой понимается динамическое, выраженное в социокультурной реальности проявление экстрима. Лексический анализ «экстрима» берет свое начало от лат. extremum – крайность, крайняя степень проявления чего-либо [7], что свидетельствует о существовании границы, рубежа между проявлениями жизнедеятельности людей.

Современная ситуация, которая складывается на мировом пространстве показывает, что социальные системы уже вышли на фазу накопления и распространения экстремальных показателей и уже считаются обществом переходного периода, которое отягощено своими особенностями, что и становится условием для его развития.

С одной стороны, к таким особенностям, можно отнести ситуацию, связанную с научно-техническим прогрессом, который, затрагивая все сферы жизнедеятельности людей, становится все сложнее. Запуская механизмы преобразования, трансформации и выхода системы на новый качественный уровень.

С другой стороны, усиление прогресса ведет к расширению несвободы индивида. В мире индустриальной цивилизации возрастает господство человека над человеком в объеме и степени воздействия.

Следовательно, можно отметить, что прогресс и цивилизация несут человечеству с одной стороны благо, но, с другой стороны, вызывают у него вполне закономерную реакцию на отчуждение его свободы. В таком мире индивид стремится сохранить свою жизнедеятельность, обращаясь, зачастую, к компенсационным механизмам. Именно эта ситуация и приводит к включению механизмов трансформации экстрима в – экстремальность.

К уже существующим формам, которые адаптированы и обывателем, и общественным сознанием добавляются новые, которые вызывают у человека не только недоумение, но и протестную реакцию.

Таким образом, следует отметить, что все формы экстремальности не могут быть охарактеризованы в одном измерении, если есть деление на проявление таких крайностей в системе оценочных отношений, как социально одобряемые (положительные, позитивные) или социально отвергаемые (отрицательные, негативные). Связано это с нормами и цен-

ностями, которые в данной социальной системе находятся в статусе легитимности и теми, которые не находят должного одобрения.

Однако, несмотря на вектора направленности и формы проявления, неизменным остается только тот факт, что экстремальность и рост ее показателей свидетельствуют о начале преобразований социальной системы с претензией на выход в новое качественное состояние.

Список использованных источников:

1. Коноплева А. А. Гибридность современной цивилизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4 (69). С. 53–61.

2. Коноплева А. А., Буткевич С. А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений// Философия права. 2018. № 1 (84). С. 57–64.

3. Никитина Л. Н. Киберадикция несовершеннолетних как угроза для общества // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 179–183.

4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986;

5. Чудина-Шмидт Н. В Склонность человека к экстремальному // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 449–450.

6. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия формирования экстремальной личности //Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 447-449.

7. Чудина-Шмидт Н.В. Этимология понятия «экстрим»// Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 107–110.

УДК 321.01:316.286 ***Шевченко О.К.***

ТОПОХРОН ВЛАСТИ И НОВЫЙ РАЦИОНАЛЬНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ПРИКЛАДНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ БУДУЩЕГО В ТЕКСТАХ Ф. ФУКУЯМЫ И Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация. *Статья посвящена изучению перспектив развития власти в XXI веке. Автор уверен, что будущее власти неразрывно связанно с трансформациями философии власти как уникальной философской дисциплины. Одним из проектов будущего власти являются разработки «прикладной рациональности» нового Мирового порядка Ю. Хабермаса и Ф. Фукуямы. Для корректного анализа концепций предлагается использовать парные категории Хронотоп власти и топохрон власти. Особое внимание уделяется проблемам личности и свободы в*

условиях доминирования пространственной чувственности при умалении временного восприяти (темпоральности) власти.

Ключевые слова: *Хронотоп власти, Топохрон власти, темпоральность, топос, хронос, постранство, время.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the prospects of power development in the XXI century. The author believes that the future of power is inextricably linked with the transformations of the philosophy of power as a unique philosophical discipline. One of the projects of the future of power is the development of "applied rationality" of the new World order by Yu. Habermas and F. Fukuyama.*

For the correct analysis of the concepts it is proposed to use the paired categories Chronotope power and topochron power. Special attention is paid to the problems of personality and freedom in the conditions of domination of spatial sensuality while diminishing the temporal perception (temporality) of power.

Key words: *Chronotope of power, Topochron of power, temporality, topos, Chronos, post-space, time.*

Хронотоп довольно молодое понятие, которое только входит в широкий социально-философский дискурс. Своей фундаментальной разработкой оно обязано исследованиям в области математики [13, с. 122-123], психологии [15] и литературе [1]. Крупный вклад в разработку социально-философских модусов понятия внесли исследователи работавшие по гранту РГНФ «Проблема социального хронотопа и перспективы построения современной социальной онтологии» (06-03-00086а) [6, 7].

В самом общем виде дефиниция Хронотопа звучит как: *органическое, неразрывное единство пространственно-временного континуума*. Однако довольно скоро после серьезных социально-гуманитарных исследований понятия стало очевидным необходимость выделения парного понятия и трансформация некогда авторского концепта в социально-философскую категорию. Это сделал М. Эпштейн, который творчески эксплицируя термин Хронотоп для анализа российско-советской цивилизации, столкнулся с феноменом убывания хрносоа (не столько времени, сколько его восприятия, вероятно уместнее в данном случае говорить о темпоральности) и увеличением собственно топоса (т.е. ощущения и восприятия пространства в отрыве от временной чувственности) в истории России и СССР. Он был вынужден создать теорию взаимосвязанных понятий *Хронотопа* и *Топохроноса* в зависимости от стремления к нулю Хроноса или Топоса (стремления, но не статуса достигшего нулевой отметки второй части понятия) [4, с. 65].

Представляется, что выведенный термин Топохронос (или более корректное с точки зрения текстуального восприятия наше прочтение понятия как *топохрон*) будет удобен и для анализа тех концепций будущей власти, которыми столь богата современная Западная философия.

Определим, что Хронотоп власти – это пространственно-временная определимость присутствия властной реальности, а Топохрон – пространственно-временная определимость властной реальности при безусловном доминировании пространственного восприятия феноменов и тотальной выбраковки темпоральности из исследовательских проектов.

Не будет в этой связи преувеличением сказать, что ключевыми концептами построения новой парадигмы реальности социально-политического и индивидуально-психологического мира Запада выступают пространство и время как наиболее проблемные точки рационального развития философии власти в деле построения пресловутого нового мирового порядка [8, с. 4–37]. Хотя ключевые концепты миропорядка вызывают серьезные разночтения [20], стремление к его формированию в подробных планах и анализах рисков очень популярно и крайне востребовано как наукой, так и читателями. Это могут быть тексты, созданные практиками, в реальности менявшими мир [2], а могут быть созданы и учеными, посвятившими свою жизнь изучению стратегий изменения геостратегической реальности как в формате социологического измерения [3, 4, 5], так и в весьма сложном футурологическом анализе [11, 12].

Но речь пойдет не о них, а о концепции построения новой философии мироустройства как рациональном распределении власти и формировании самой рациональности прикладного характера. При этом рациональность мы понимаем в трактовке М. Мамардашвили как пропорцию «между тем, что нельзя выдумать, измыслить актом голой мысли, и тем, что нельзя наблюдать (получить наблюдением)» [10, с. 33]. Эта особенная пропорция в стиле власти может прийти на смену пышной и велеречивой философии власти. А последняя есть ресурс, воплощающийся в наращивании порядка и уровня организации, одновременно с этим сковывающий социальное творчество отдельной личности [16, с. 12].

Одним из первых предложил такую рациональность Френсис Фукуяма, который не только создал проект «мифологическая власть будущего», но и сработал добротный проект «Прикладной рациональности власти будущего». Это проект нового Левиафана: «Построение сильного государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих. В этой книге я показываю, что построение сильного государства – одна из. наиболее важных проблем

мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служит источником многих наиболее серьезных мировых проблем…» [17, с. 5].

Наиболее значима данная проблема в США, где государственность противопоставлена народу, а последний, нейтрализует власть-влияние государства. Ф. Фукуяма предметно предлагает разграничить влияние и силу, подвергнув власть внутреннему разделению с четкими границами внутри нее самой [17, с. 21–23]. Таким образом, государственная власть усилится путем поглощения разнообразных аспектов, которые ранее в нее не входили или входили с известными ограничениями. А если разделить властную реальность, то появится возможность обезопасить власть от критики и сопротивления, демонстрируя ее демократичность, согласно известному принципу разделения властей. В целом необыкновенно диалектично и соответствует научной методе исследователя – одного из лучших знатоков Гегеля и младогегельянцев.

Особеность концепции в том, что она предлагает именно мифологическое будущее, построенное по принципам нерушимой Вечности, в которой растворяется время с одной стороны и тотальности повседневности, которая убивает смысл истории и «поедает» время с другой стороны. Топохрон Ф. Фукуямы это Кронос не заключенный бунтарь в Тартаре, а растворенный в амброзии Олимпа гигант, присутствующий везде и нигде. Топохроннгсть власти в проекте Фукуямы признает изменчивость и развитие, но не признает смены Мы во времени и представления изменчивости своего Я во временном присутствии/восприятии личности. Эта рациональность момента и рациональность пространства с полностью зачищенным временем и тем самым максимально безопасным Будущим.

Крупный проект предоставил и Ю. Хабермас, предлагая идеи власти долженствования, реализуя когнитивный потенциал морали: практику обсуждения, солидарность, нормативное руководство и многое другое, что развивалось с Нового времени и может быть основой для решения вопросов любой сферы и любого уровня, вплоть до юридического и политического дискурсов [18, с. 51–118]. Прикладная рациональность власти для ученого заключается, вероятно, в некорректности этического сужения политического дискурса [18, с. 390]. А власть – это форма коммуникации, эффект слияния разнообразных воль на пути «этического самосогласия… уравновешивания интересов и достижения компромисса, за счет целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связанность…» [18, с. 391].

Проект прошел довольно разноплановую и любопытную обкатку на практических проблемах, связанных с насущными вопросами бытия одного из самых мощных центров власти – Евросоюза [19]. Он привлек значительное внимание иследователей, которые подчеркивают значи-

мость этого аспекта власти для функционирования Западного мира [21]. Более того, в союзники (по крайней мере, в разрезе нашей исследовательской задачи) этого проекта следует занести также крупного социолога Н. Лумана, видевшего во власти именно акт особой социальной коммуникации [9, с. 8–13], при этом риски власти он видел именно в особом кодировании медийного пространства, либо способствующем нормализации жизни общества, либо инициирующем конфликты [9, с. 126–127].

Построения Ю. Хабермаса начисто лишены временной шкалы, темпоральности и любого присутствия Хроноса. Его разработки призваны говорить о всех и всегда, начисто отрицая понятие «возможности» заменяемое понятием «долженствования».Этическое самосогласие в топохроне власти немецкого мыслителя идеальная дисциплина самоцензуры растворенная в многочисленных процедурах прикладной этики и юриспруденции. Пространственная структура этого Мирового порядка идеально отточена, все его грани безупречно совершенны в своем неслиянном единстве, как это можно наблюдать в лучших образцах внутренней структуры драгоценных камней. Но это мертвая структура совершенная в своей конечной красоте. Она способна деградировать и исчезать из бытия, но не способна творить новое и совершенствоваться. Она может быть заново обточена но схема внутренних гране будет неизменна. Человек в этом топохроне будет вечным путником попавшим в лабиринт совершенства, он будет вскоре с надеждой ожидать своего минотавра, но увидит лишь тысячи отражения самого себя в бесконечных гранях вечного пространства власти.

Список использованных источников:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож.лит., 1975. – С. 234–407.

2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М: АСТ, 2017. – 256 с.

3. Зиновьев А.А. Глобальный человейник. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.

4. Зиновьев А.А. Запад. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. – 512 с.

5. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2018. – 240 с.

6. Керимов В.Е. Концепция хронотопа и проблемы социальной онтологии // Социемы. – 2007. – № 13. Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/13/kemerov.html

7. Керимов Т.Х. Исторические типы хронотопа // Социемы. – 2007. – № 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/13/kerimov.html

8. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность / под ред. О.И. Ивониной. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. 292 с.

9. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.

10. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). – СПб.: Азбука, 2012. – 320 с.

11. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.; СПб.: АСТ: Астрель, Terra Fantastica, 209. – 701 с.

12. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М., СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2006. – 619 с.

13. Русакова О.Ф., Фатихов С.П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник южно-уральского государственного университета. серия: социально-гуманитарные науки. – 2011. - №3. - С. 122-127.

14. Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. политические исследования. – 2003. №6. – С. 62-70.

15. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.

16. Философия власти / Под ред. А.А. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 271 с.

17. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.

18. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука. – 417 с.

19. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. - М.: Весь Мир, 2013. – 144 с.

20. Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2018. - № 41. С. 194–202.

21. Niederberger A. Power discourses // The Habermas Handbook / edit. by Hauke Brunkhorst et al., New York: Columbia University Press , 2018. – P. 11–116; Iser M. Power // The Habermas Handbook … P. 598–601.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Елена Николаевна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель, кафедры «Декоративное искусство» Крымского инженерно-педагогического университета (ГБОУВО РК КИПУ).

Атик Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Баранецкий Андрей Наумович, кандидат философских наук, доцент кафедры управления образованием Института развития образования Севастопольского государственнного университета (г. Севастополь).

Берест Александра Витальевна, курсант 3 курса отделения «Правовое обеспечение национальной безопасности» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Буга Макарий, филолог, переводчик, преподаватель византйского пения г. Ялта.

Волкова Анжела Николаевна, магистрант кафедры дизайна одежды ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет» (г. Екатеринбург).

Гордеевских Тимофей Алексеевич, студент 3 курса бакалавриата Департамента философии УрФУ . Научный руководитель: Логинов А.В, к. философских наук, доцент кафедры социальной философии, Департамент философии УрФУ, Екатеринбург, Россия.

Еникеев Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар.

Ерёмина Наталья Викторовна, начальник отдела российских и международных практик Департамента проектного развития Аналитического центра Правительства Московской области.

Ерзаулова Анна Геннадьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Жуков Владимир Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент. Зав. кафедрой философии и культурологии Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Каримов Артур Равилевич, доктор философских наук, доцент. Заведующий кафедрой социальной философии Казанского федерального университета, (г. Казань).

Кондрашихина Оксана Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Кемалова Лиля Исметовна, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет».

Кондакова Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных наук ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет» (г. Екатеринбург).

Коновалова Инесса Вячеславовна, студентка 4 курса Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Кундрюкова Мария Сергеевна, магистрант 2 курса, отделения философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов).

Литвинова Ольга Сергеевна, курсант 3 курса отделения «Правовое обеспечение национальной безопасности» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар).

Лобова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Институт истории и Международных отношений Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Люсый Александр Павлович. доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор Института кино и телевидения (ГИТР) (г. Москва).

Максимова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Максимова Наталья Леонидовна, преподаватель Колледжа экономики, права и информатики, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар).

Масаев Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь).

Мезенцева Татьяна Александровна, учитель английского языка Физико-математического лицея (г. Киров), аспирант Вятского государственного университета, направление подготовки: Онтология и теория познания (г. Киров).

Мешков Игорь Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялта.

Мирошников Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялта.

Мишкевич Т.В., студентка 2 курса Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялта.

Моренко Евгения Анатольевна, аспирантка кафедры философии и социальных наук, Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Наумов Евгений Артурович, академик РАЕН, профессор, ученый секретарь Научного совета РАН по комплексным проблемам Евразийской Экономической интеграции, модернизации и устойчивому развитию (г. Москва).

Новиченкова Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Останина Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (г. Киров).

Разбеглова Татьяна Павловна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный університет шимени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Сабирзянова Инна Викторовна, к.филос.н., доцент кафедры философии и психологи ГОУ ВПО «Донецкая государственная академия управления и государственной службы» (г. Донецк).

Свешникова Ирина Порфирьевна, магистр педагогических наук, председатель КРОО ЦДК «Лебедь», ректор Народного университета духовной культуры и здорового образа жизни г. Ялта

Слободянюк Анатолий Григорьевич, кандидат социологических наук, г. Ялта.

Смирнов Олег Александрович, курсант 4 курса отделения «Правовое обеспечение национальной безопасности» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар).

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета (г. Казань).

Чудина-Шмидт Наталья Витальевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар).

Шахин Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Шевченко Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА – СОЦИУМ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник научных статей
по материалам
Всероссийской научной конференции с международным участием
VI ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
«В ПОИСКАХ ВНЕ-МОДЕРНИЗМА
(к 90-летию со дня рождения Юргена Хабермаса)»

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,79. Тираж 300 экз. Заказ № 10А/12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru